

А.П. МЕДВЕДЕВ

САРМАТЫ И ЛЕСОСТЕПЬ

**(ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОДОНЬЯ)**

**ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1990**

На основе данных археологии с привлечением сведений письменных источников рассматривается история проникновения в донскую лесостепь сарматских племен, их контакты с автохтонным населением. Впервые публикуются материалы могильников лесостепного Подонья первых веков нашей эры, анализируется их инвентарь и погребальный обряд, разрабатывается хронология. Выявляется ряд локальных групп памятников сарматского времени, предлагается их этнокультурная интерпретация. Автор ставит проблему «Сарматы и лесостепь», намечает пути ее изучения.

Издание предназначено для археологов, историков, учителей истории, студентов, краеведов и всех интересующихся древней историей нашей Родины.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Научный редактор — д-р ист. наук проф. А. Д. Прахин

Рецензенты:

д-р ист. наук проф. А. Т. Слюк,
канд. ист. наук доц. А. С. Скрипкин

М 0504000000-047 6-89
М174(03)-90

ISBN 5—7455—0098—0

© Медведев А. П., 1990
© Оформление. Издательство
Воронежского университета, 1990

Введение

Один из древнейших народов нашей страны, имя которых сохранила история, — сарматы в течение более чем полутысячелетия играли ведущую роль в истории Юга Восточной Европы. Наши представления о сарматах связаны со степью, где сосредоточена основная масса их памятников. И это вполне понятно — они были кочевыми скотоводами. Однако в последнее время группы сарматских курганов стали известны и в лесостепи: в Башкирии¹, на Дону², Северском Донце³, Поднепровье⁴. Появление в этой зоне значительного числа разновременных сарматских памятников, особенно могильников, насчитывающих десятки насыпей, невозможно объяснить кратковременным, эпизодическим проникновением степняков. Данные свидетельствуют о длительном пребывании сарматов в отдельных районах лесостепи, об устойчивости и разнообразии их контактов с автохтонным населением. Назрела постановка проблемы «Сарматы и лесостепь». Уже сейчас можно указать два ее аспекта. Первый связан с изучением тех изменений, которые претерпел степной сарматский этнос в лесостепи в результате воздействия новых природно-климатических условий на традиционную модель кочевого хозяйства и связанные с ней сферы жизни. Второй аспект предполагает всестороннее изучение взаимодействия сарматов и автохтонных лесостепных племен.

Сейчас наибольшие возможности для разработки этой проблемы представляют памятники лесостепного Подонья. Среди них остатки 20 поселений и 25 погребальных памятников (более 180 погребений). Современное состояние их изученности имеет одну особенность. Основная масса материалов получена на небольшом числе курганных могильников, исследованных с максимальной полнотой. До сих пор они не введены в научный оборот. Поэтому разработке указанной проблемы должна предшествовать максимально полная публикация лесостепных памятников рубежа и первых веков нашей эры.

Первые сведения об открытии памятников сарматского времени в лесостепном Подонье относятся к концу XIX в. Наиболее ранней находкой следует считать меч из Острогжского уезда, постуливший в 80-х гг. XIX в. в Московский исторический музей⁵. В начале XX в. в с. Кличина Ефремовского уезда Тульской губернии случайно обнаружено погребение с инвентарем сарматского типа⁶. Однако авторами публикации обе находки были датированы неверно и не привлекли внимание исследователей, впервые выделивших сарматские древности.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Воронеже создается краеведческое общество, которое предпринимает раскопки ряда памятников. В 1925 г. по поручению этого общества С. Н. Замятнин исследовал курган у северной окраины г. Россошь, содержащий впускное сарматское захоронение⁷. В 30-х гг. возле хут. Титчиха Давыдовского района Воронежской области были найдены золотые и серебряные вещи, опубликованные А. П. Смирновым, установившим их сарматскую принадлежность⁸. Первой попыткой осмысления этих находок можно считать статью А. Ф. Шокова. В одной из них приводится описание пяти памятников, принадлежащих, по мнению автора, сарматам⁹. Однако следует отметить, что отнесение к их числу по крайней мере двух (наконечник дротика из д. Кулаковка и погребение с конем в кургане у с. Мазурки) неправильно. В другой статье А. Ф. Шоков, наряду с сведением в научный оборот неопубликованных вещей из Давыдовского клада, пытается определить северную границу территории, занятой сарматами в Подонье¹⁰. На приложенной к статье карте он проводит ее по южным районам Воронежской области.

В 60—70-е гг. на территории лесостепного Подонья наблюдается значительная активизация археологических работ, так или иначе затронувшая и памятники сарматской эпохи. Верхне-Донская экспедиция под руководством В. П. Левенка проводит исследование Ново-Никольского могильника¹¹, позднее продолженное Р. Ф. Ворониной¹². На Среднем Дону следует назвать раскопки курганов у хут. Сасовка, начатые П. Д. Либеровым и завершенные А. Т. Синюком¹³, и у с. Караяшник, произведенные Ю. П. Матвеевым¹⁴. Однако, нужно заметить, что все эти погребения были открыты попутно, так как в то время никто из исследователей специально ими не занимался. Не попали они и в поле зре-

ния специалистов по сарматской проблематике. Было опубликовано лишь несколько случайных находок¹⁵.

Целенаправленное изучение памятников сарматского времени лесостепного Подонья начинается в конце 70-х гг. отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством автора. В 1977 г. открыт I Чертовицкий могильник, где в последующие годы исследовано 33 кургана и 4 грунтовых захоронения. В 1979 г. обнаружено еще два могильника — II Чертовицкий и Писаревский, где соответственно раскопано 13 и 6 курганов. В 1980 г. нами доисследован Ново-Никольский могильник, где вскрыто еще 26 курганов. Тогда же начаты раскопки Вязовского могильника, открытого А. Д. Пряхиным еще в 1963 г. В нем к настоящему времени изучено 50 курганов. В 1982—1984 гг. А. З. Винников обнаружил сарматские захоронения на площади Животинного городища. В результате этих работ исследовано 135 погребений. Впервые получен массовый и разнообразный материал по культуре населения лесостепного Подонья сарматского времени. На его основе нами составлена сводка памятников сарматского времени лесостепного Подонья¹⁶, предприняты попытки их хронологической¹⁷ и этнокультурной¹⁸ классификации.

Одновременно с исследованием могильников мы вели поиск поселений сарматского времени, ранее здесь неизвестных. С этой целью в 1977—1981 гг. проводились разведки по рекам Воронеж и Красивая Меча. На трех поселениях проведены раскопки: поселение у с. Ново-Никольское изучалось в 1981 г. автором, с 1985 г. нами исследуется Пекшевское городище, с 1982 г. А. З. Винниковым (при участии автора) проводятся исследования Животинного городища, содержащего материалы сарматского времени. В ходе этих раскопок получены данные, свидетельствующие о функционировании ряда лесостепных поселений в первые века нашей эры.

Приведенный здесь обзор свидетельствует о явном противоречии между количеством накопленного к настоящему времени фактического материала и практически полным отсутствием каких-либо его обобщений. Сейчас стало очевидным и еще одно противоречие, проявившееся в крайне неравномерной изученности отдельных периодов истории лесостепного Подонья в раннем железном веке. До недавнего времени интенсивному изучению подвергались лишь памятники скифского времени¹⁹. История населения лесостепного

Подонья в сарматскую эпоху до сих пор не привлекала внимание исследователей. Она осталась нераскрытой даже в специальной работе, посвященной древней истории лесостепного Подонья²⁰. Поэтому на исторических картах Восточной Европы первых веков нашей эры эта территория обычно занята белым пятном.

Устранение этих противоречий является одной из главных задач настоящей работы. Ее хронологические рамки охватывают II в. до н. э. — IV в. н. э. При определении границ и природно-климатических условий региона мы исходили из исследований Ф. Н. Милькова²¹. Западной границей лесостепного Подонья является р. Оскол, восточной — р. Холер. На севере и юге она совпадает с рубежами природных зон. Границу степи и лесостепи в Подонье мы, вслед за Ф. Н. Мильковым, определяем несколько южнее, чем было принято ранее: в правобережье — по линии г. Валуйки — р. Черная Калитва — р. Дон; в левобережье — по р. Толучеевка от устья до впадения в нее р. Подгорной и далее по ее течению на северо-восток. Анализ памятников дается по основным ландшафтным поясам донской лесостепи: 1. Средний Дон — южная и частично типичная лесостепь; 2. р. Воронеж — типичная лесостепь; 3. Верхний Дон — северная лесостепь.

Глава I

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ДОНА

В этом районе сосредоточена большая часть памятников сарматского времени лесостепного Подонья (рис. 1). Они ранее других стали попадать в поле зрения исследователей¹. Однако до сих пор среднедонские памятники остаются наименее изученными. Большинство из них открыто случайно или исследовалось попутно. Целенаправленных раскопок сарматских курганов здесь не производилось.

На Среднем Дону в настоящее время известно 33 памятника интересующей нас эпохи. Среди них большинство (20) составляют погребальные памятники. Небольшим числом (8) представлены случайные находки вещей сарматского типа. Кроме того, выявлено несколько поселений, содержащих материалы сарматского облика. О них речь пойдет в другой главе. Здесь же мы ограничимся обзором первых двух групп памятников.

1. Курганный могильник у с. Караяшник Ольховатского района Воронежской области²

Находится на левом берегу р. Ольховатки (приток р. Черная Калитва). В могильнике насчитывается 23 кургана, среди которых 5 оказались собственно сарматскими.

Курган 4 высотой 1 м и диаметром 9,5 м содержал одно погребение, совершенное в прямоугольной яме $1,18 \times 2,07$ м, ориентированной меридионально. Ее дно было выстлано слоем войлока. Скелет погребенного отсутствовал. В северной части могилы стояли три круговых сероглиняных сосуда (рис. 2,1—2,4), лежали лепная курильница (рис. 2,3) и фрагменты бронзового зеркала. У западной стенки встречено скопление бус (рис. 2,8—18), две бронзовые амулетницы (рис. 2,5) и бронзовый браслет с утолщающимися концами (рис. 2,6). Второй такой же браслет найден в юго-восточном углу могилы (рис. 2,7).

Курган 7 высотой 0,65 м и диаметром 7,5 м содержал одно захоронение, совершенное в узкой яме $0,5 \times 2,2$ м, ориентированной по линии север — северо-восток — юг — юго-запад. На дне найдены отдельные кости скелета. В юго-западном углу обнаружен раздавленный лепной сосуд, орнаментированный по срезу венчика чаколами (рис. 2,28).

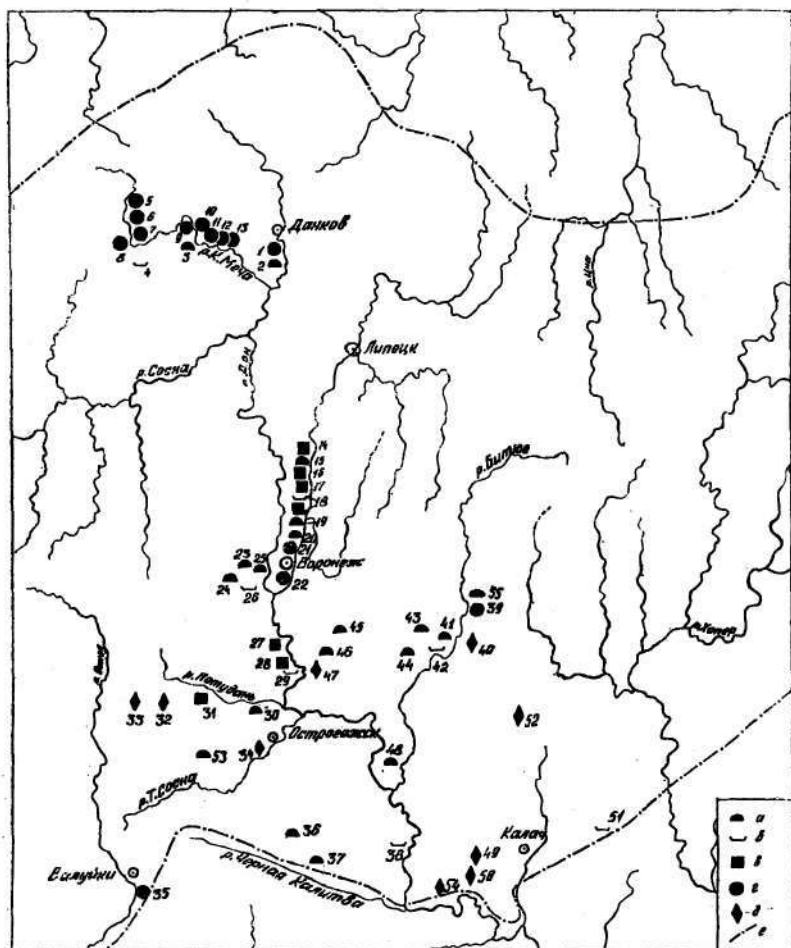

Рис. 1. Карта памятников сарматского времени в лесостепном Подолье: а — курганы; б — грунтовые погребения; в — городища; г — поселения; д — случайные находки; е — границы лесостепи; 1 — Ново-Никольское (поселение); 2 — Ново-Никольское (могильник); 3 — Вязово; 4 — Кличина; 5 — Кадное; 6 — Круглое (поселение); 7 — Красивый I; 8 — Красивый II; 9 — Красногорье; 10 — Лубянка; 11 — Шилово 2; 12 — Круглое; 13 — Иштутино; 14 — Сенное; 15 — Писаревка; 16 — Пекшево; 17 — Ивницы; 18 — Животинное (городище и могильник); 19 — Чертовницкое II; 20 — Чертовницкое I; 21 — Чертовницкое III; 22 — Чижовское 2; 23 — Дальние Солонцы; 24 — Богоявленское; 25 — Подклет-

Курган 8 высотой 1 м и диаметром 8 м содержал погребение, совершенное в яме подквадратной формы 2,4 × 2,7 м, ориентированной стенками по сторонам света. Скелет погребенного отсутствовал. В северо-западном углу найдены два круговых чернолощенных сосуда: кувшин (рис. 2,19) и маленький сосудик (рис. 2,20). Ближе к западной стенке лежало фрагментированное зеркало (рис. 2,21), находившееся в деревянном футляре (рис. 2,22). В юго-западном углу встречена агатовая подвеска — амфорка (рис. 2,23) и янтарная трапециевидная бусина (рис. 2,24).

Курган 10 высотой 0,6 м и диаметром 9 м. Погребение совершено в узкой яме 0,65 × 2,05 м, ориентированной меридионально. Судя по положению сохранившихся костей ног, погребенный лежал головой на север. В северной части могилы встречена бронзовая фибула (рис. 2,27).

Курган 15 высотой 0,2 м диаметром 10 м. В насыпи фиксировался кольцевой материковый выкид мощностью до 0,2 м, занимавший фактически всю площадь кургана. Погребение совершено под его вершиной в широкой прямоугольной яме 1,8 × 2,5 м, глубиной 1,15 м. В заполнении встречались отдельные кости человека и фрагменты кругового сосуда. На дне могилы у ее юго-восточного угла лежали кости ног человека, а в северо-западном углу кости черепа. Рядом с последними обнаружены два железных кольца от удил.

Кроме описанных основных погребений в могильнике открыты три впускных захоронения интересующего нас времени. Два погребения обнаружены в насыпи кургана 3 (погребения 5 и 9). В обоих случаях костяки лежали вытянуто на спине головой на юго-запад. У черепов стояло по круговой сероглиняной кружке (рис. 2,25—26). В насыпи кургана 13 встречено впускное погребение 4. Покойный лежал на спине вытянуто головой на северо-запад. У его головы стоял лепной горшок.

ное; 26 — Девица; 27 — Большое Сторожевое; 28 — Титчиха; 29 — Бугрики; 30 — Сасовка; 31 — Круглое (городище); 32 — Расовец; 33 — Веселое; 34 — Острогоск; 35 — Шелаево; 36 — Караяшник; 37 — Россошь; 38 — Верхний Карabut; 39 — Мосоловка; 40 — Новый Курлак; 41 — Старая Тойда; 42 — Монастырка; 43 — Левашовка; 44 — Шишовка; 45 — Каширское; 46 — Левая Россошь; 47 — Давыдовка; 48 — Антиповка; 49 — Русская Журавка; 50 — Нижний Мамон; 51 — Манино; 52 — Сериково; 53 — Дуровка; 54 — Гороховка; 55 — Большие Ясырки

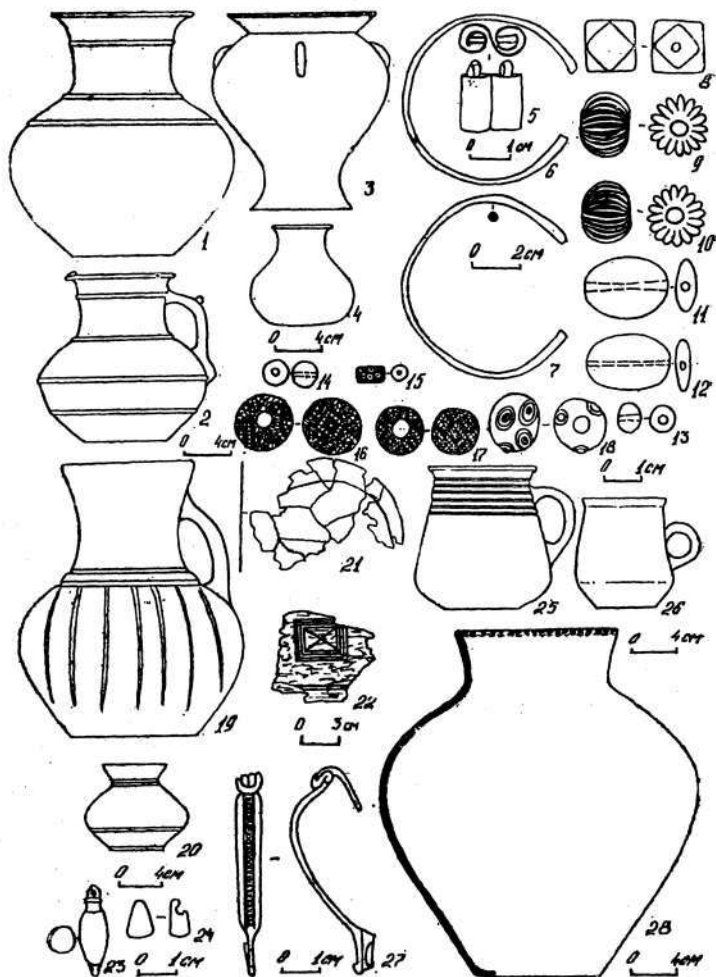

Рис. 2. Погребения Караяшниковского могильника: 1—18 — курган 4 погребение 1; 19—24 — курган 8 погребение 1; 25 — курган 3 погребение 5; 26 — курган 3 погребение 9; 27 — курган 10 погребение 1; 28 — курган 7 погребение 1

2. Курганный могильник у хут. Сасовка Рельевского района Воронежской области³

Находится на правом берегу ручья Сасовка перед впадением в р. Потудань. В могильнике исследовано 10 сарматских погребений, впущенных в насыпи курганов эпохи бронзы. Поэтому форму могильных ям в большинстве случаев установить не удалось.

Курган 1 содержал три впускных захоронения.

Погребение 3. Костяк лежал вытянуто на спине головой на север. Вокруг черепа было много угольков, а под костями фиксировалась какая-то подстилка. В ногах стоял лощеный грушевидный сосуд (см.: рис. 4,4).

Погребение 4 находилось непосредственно под погребением 3. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север с незначительным отклонением к востоку. Под черепом найдена кость животного и несколько угольков.

Погребение 5 располагалось под погребением 4. Костяк лежал вытянуто на спине головой на юг. У левого колена найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы.

Курган 3 погребение 2. Совершенно в яме овальной формы $0,8 \times 1,8$ м, ориентированной меридионально (рис. 3,1). Погребенный лежал на спине вытянуто головой на север. В ногах найден лепной горшок, орнаментированный по шейке тремя горизонтальными, а по плечикам тремя волнистыми врезными линиями (рис. 3,3). У локтя левой руки встречено бронзовое кольцо с напаянными шариками (рис. 3,2). По-видимому, с этим захоронением связан высокий сероглиняный кувшин, найденный в насыпи рядом с могилой (рис. 3,4).

Курган 5 погребение 2. Совершенно в узкой яме $0,75 \times 1,8$ м овальной формы, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. От скелета сохранились отдельные беспорядочно лежащие кости. Вместе с ними лежали спешшиеся трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 4,12).

Курган 6 погребение 1. Костяк лежал вытянуто на спине головой на северо-запад. Справа от черепа находился лепной раздавленный кувшин с петельчатой ручкой (рис. 4,8).

Погребение 3. Рядом с беспорядочно лежавшими человеческими костями найдены приземистый лощеный кувшин со

сливом (рис. 4,9), бронзовое кольцо (рис. 4,10) и бронзовая подвеска в виде полового шарика с ушком (рис. 4,11).

Курган 7 погребение 4. Погребенный положен вытянуто на спине головой на юго-запад. У левого бедра обнаружен фрагментированный железный нож, а близ правой голени — лопатка барана. В заполнении найден фрагмент лепного сосуда.

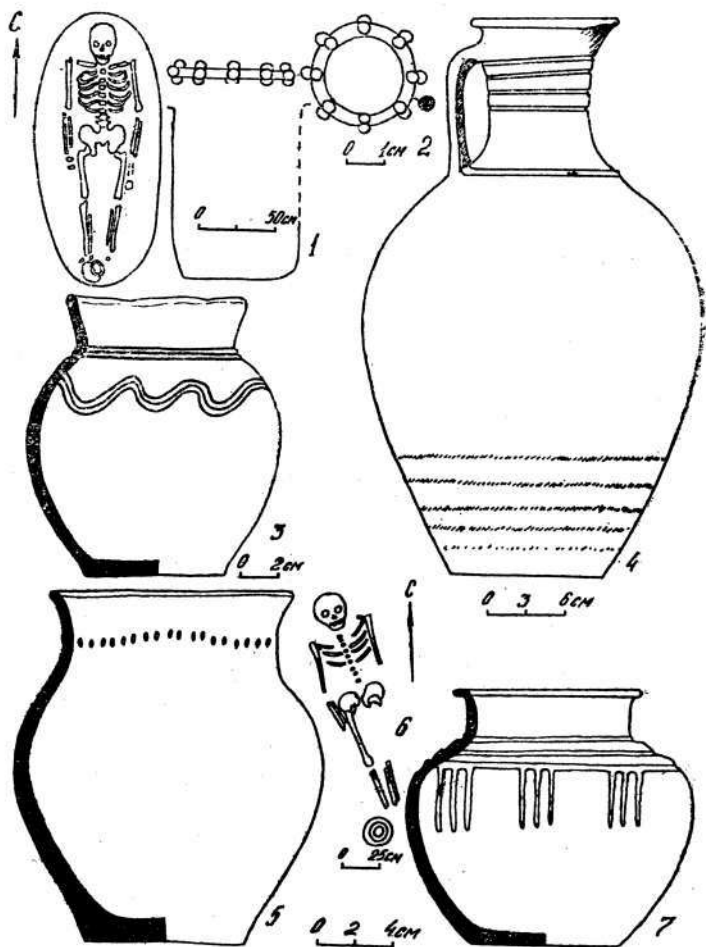

Рис. 3. Погребения Сасовского могильника: 1—3 — курган 3 погребение 2; 4 — курган 3 насыпь; 5 — курган 8 погребение 2; 6—7 — курган 8 погребение 3

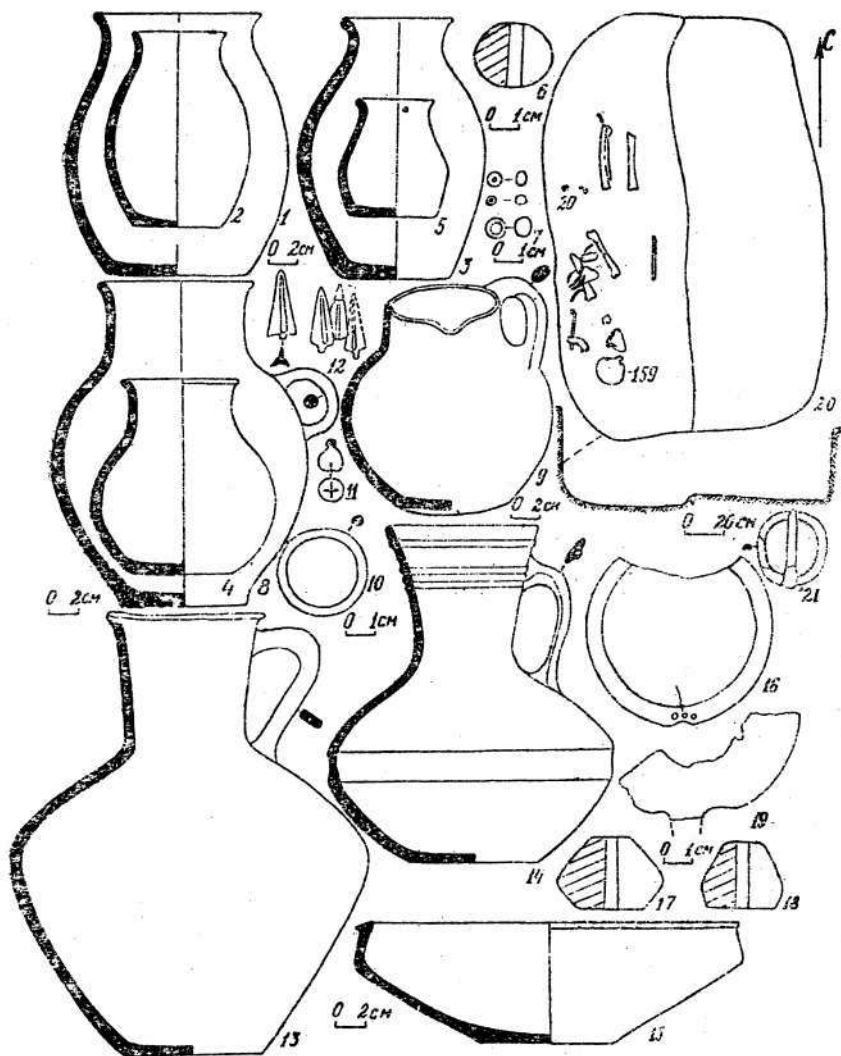

Рис. 4. Погребения Среднего Дона: 1 — Дальние Солонцы; 2 — Бугрики; 3 — Давыдовка; 4, 8—12 — Сасовка (4 — курган 1 погребение 3; 8 — курган 6 погребение 1; 9—11 — курган 6 погребение 3; 12 — курган 5 погребение 2); 5—7 — Девица; 13—15 — Нижний Мамон; 16 — Левашовка; 17—19 — Шишовка; 20—21 — Большие Ясырки

Курган 8 содержал два сарматских погребения.

Погребение 2. В насыпи встречено перекрытие из продольно положенных плах, ориентированных по линии юго-запад — северо-восток, на которых залегал массивный валун. Под перекрытием найден человеческий череп, рядом с которым стоял лепной горшок (рис. 3,5).

Погребение 3. Костяк лежал вытянуто на спине головой на север — северо-запад (рис. 3,6). Около правой ступни стоял лепной сосуд, орнаментированный по плечикам тремя параллельными врезными линиями, от которых отходят пучки из трех вертикальных линий (рис. 3,7).

3. Впускные захоронения

*Погребение в кургане у хут. Дальние Солонцы Семилукского района Воронежской области*⁴. В насыпи кургана 1 обнаружено впускное погребение плохой сохранности, сопровождаемое сосудом (рис. 4,1).

*Погребение в кургане у с. Богоявленское Семилукского района Воронежской области*⁵. Впущено в насыпь кургана. Скелет погребенного сохранился частично. Он лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Слева от черепа стояла небольшая круговая миска (рис. 5,16). Около ног обнаружены фрагменты сероглиняного кувшина (рис. 5,15).

*Погребение в кургане у с. Подклетное Семилукского района Воронежской области*⁶. В насыпь абашевского кургана 27 впущена яма с заллочниками (рис. 5,1). Погребенная лежала вытянуто на спине головой на север с незначительным отклонением к востоку. Вместе с ней найдено зеркало (рис. 5,1), бронзовое височное кольцо в полтора оборота (рис. 5,4) и несколько бронзовых украшений от головного убора (рис. 5,2—3).

*Погребение у с. Девица Семилукского района Воронежской области*⁷. Случайно обнаружено в 1949 г. на склоне второй надпойменной террасы р. Дон. Из него происходят лепной горшок (рис. 4,5), пряслице (рис. 4,6) и пять стеклянных бус с внутренней позолотой (рис. 4,7). Обследовавшая место находки А. Н. Москаленко никаких признаков кургана не обнаружила.

Могильник в урочище «Бугрики» у хут. Титчиха Лискинского района Воронежской области. Захоронения были совершены в песчаной дюне, находящейся в пойме на правом берегу р. Дон. Частично сохранился инвентарь богатого погребения

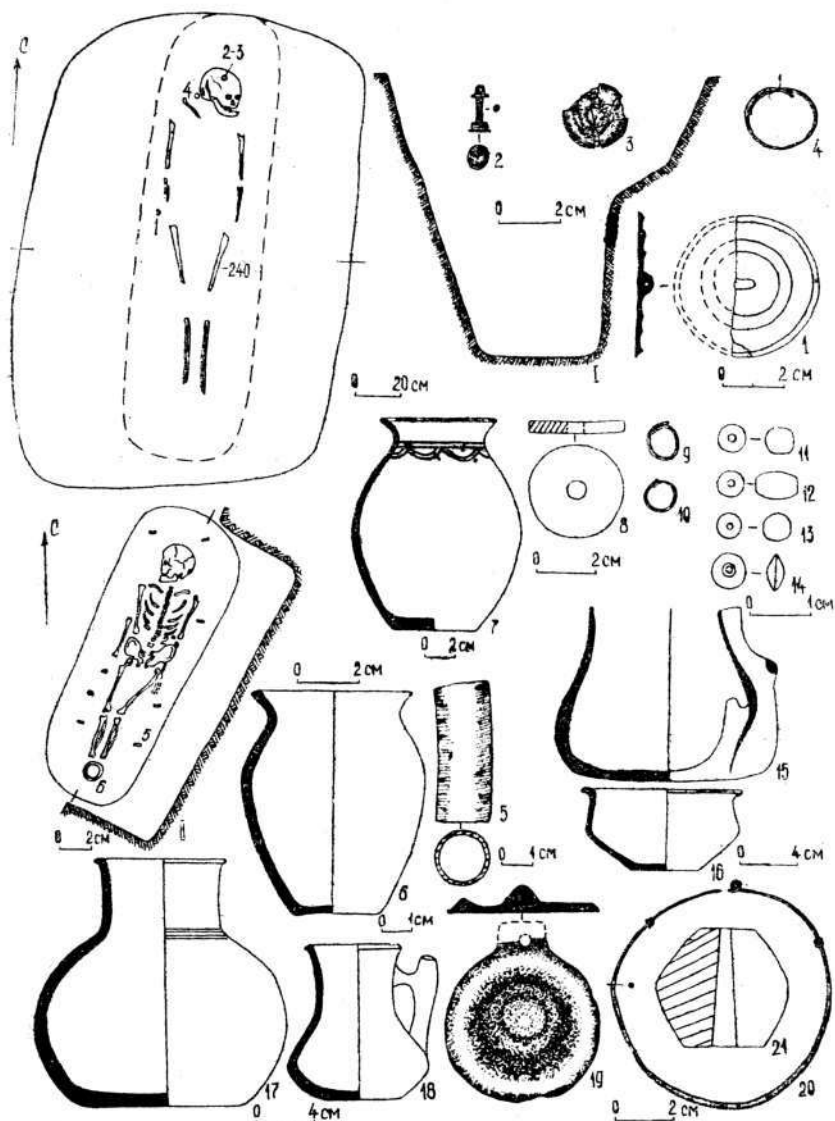

Рис. 5. Погребения Среднего Дона: I — Подклетное, курган 27 погребение 1: 1—4 — инвентарь; II — Верхний Карабут: 5—6 — инвентарь; 7—14 — Монастырка; 15—16 — Богоявленское, курган 1 погребение 2; 17—21 — Манино

ния или нескольких погребений, представленный набором золотых и серебряных изделий, известных как Давыдовский клад 1939 г.⁸ В 60-е гг. в Воронежский областной краеведческий музей были переданы находки из еще одного разрушенного захоронения: лепной горшок (рис. 4,2), пряслице и 13 халцедоновых бус. Проведенное нами в 1979 г. обследование памятника показало, что дюна, содержащая сарматские погребения, к настоящему времени полностью уничтожена.

*Погребение в кургане 3 у г. Россошь Воронежской области*⁹. Впускное захоронение совершено в яме подквадратной формы 2,1×2,7 м, ориентированной углами по сторонам света. Умерший лежал головой на северо-запад. Погребение ограблено, но, судя по описанию инвентаря, оно было довольно богатым. В нем найдена чашка, покрытая плохим лаком, маленький сероглиняный сосудик, фибула из белого сплава, три ромбические железные подвески, обтянутые листовым золотом, около 30 бус, железный нож, наконечник стрелы и ряд других изделий.

*Погребение у с. Верхний Карабут Подгоренского района Воронежской области*¹⁰. Открыто на площади неолитического поселения. Совершено в узкой яме прямоугольной формы, дно посыпано углями (рис. 5, II). Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север — северо-восток. Ноги чуть согнуты в коленях, кисть левой руки под тазом. В ногах стоял лепной горшок (рис. 5,6). Между левой голенью и стенкой найдена полая костяная трубочка (рис. 5,5). Каких-либо следов насыпи над погребением не обнаружено.

*Погребение в кургане 1 у с. Левашовка Аннинского района Воронежской области*¹¹. Впущено в насыпь эпохи бронзы. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Из сопровождавших вещей уцелело только бронзовое зеркало с валиком по краю диска (рис. 4,16).

*Погребение 5 в кургане 1 у с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской области*¹². В насыпи обнаружено впускное погребение плохой сохранности. Находка в нем нижней части сероглиняного кувшинчика позволяет отнести его к сарматскому времени.

*Погребение 2 в урочище Монастырка Аннинского района Воронежской области*¹³. При раскопках многослойного поселения эпох мезолита — бронзы открыто несколько разновременных грунтовых захоронений. Погребение 2 определенно относится к сарматскому времени. Оно совершено в овальной яме размерами 0,72×2,1 м, углубленной в материк

на 0,15 м и ориентированной меридионально. Костяк не сохранился. В северной части могилы обнаружены две височные подвески в полтора оборота из тонкой бронзовой проволочки (рис. 5, 9—10). Здесь же лежала россыпь пастовых (рис. 5, 13—14) и стеклянных бус с внутренней позолотой (рис. 5, 11—12). На дне найдено пряслице из стенки кругового серо-глиняного сосуда (рис. 5, 8). В южной части ямы стоял лепной подлощенный горшок, украшенный по плечикам горизонтальными и фестонобразными линиями (рис. 5, 7).

Погребение в кургане 5 у с. Шишовка Бобровского района Воронежской области¹⁴. В насыпь эпохи бронзы впущено парное захоронение. Погребенные мужчина и женщина лежали вытянуто на спине головой на северо-восток, причем череп женщины покоился на костях левой руки мужчины. Инвентарь представлен фрагментированным зеркалом из светлого сплава (рис. 4, 19) и двумя пряслицами (рис. 4, 17—18).

Погребение в кургане у с. Левая Россошь Каширского района Воронежской области¹⁵. При строительстве дороги разрушено впускное захоронение. Из его инвентаря уцелел бронзовый котел (рис. 6, 1), а также набор конской упряжи, состоящий не менее чем из пяти фрагментированных железных удил (рис. 6, 13—17), обломков двух железных псалий (рис. 6, 18—19), бронзовой пряжки (рис. 6, 2), бронзового кольца (рис. 6, 12), восьми бронзовых бляшек от уздечки (рис. 6, 3—10) и фрагмента серебряной лунницы (рис. 6, 11). П. Д. Либеров включил этот комплекс в свод среднедонских памятников скифского времени, что, на наш взгляд, вызывает сомнение.

Погребение 1 в кургане 5 у с. Большие Ясырки Воробьевского района Воронежской области¹⁶. В насыпь эпохи бронзы впущен подбой с камерой в западной стенке (рис. 4, 20). Скелет погребенного плохой сохранности лежал вытянуто на спине, головой на юг. У западной стенки найдена железная пряжка (рис. 4, 21) и небольшой камень.

Погребение в кургане у с. Каширское Каширского района Воронежской области¹⁷. В кургане обнаружено впускное детское захоронение, совершенное на спине, вытянуто, головой на юг — юго-восток. Справа от черепа найден развал круговой красноглиняной миски с загнутым внутрь краем, а под нижней челюстью — пастовая серая бусина.

Погребение в кургане у д. Антиповка Лискинского района Воронежской области. В 1958 г. при распашке кургана найден ряд вещей, за которыми закрепилось название «Ан-

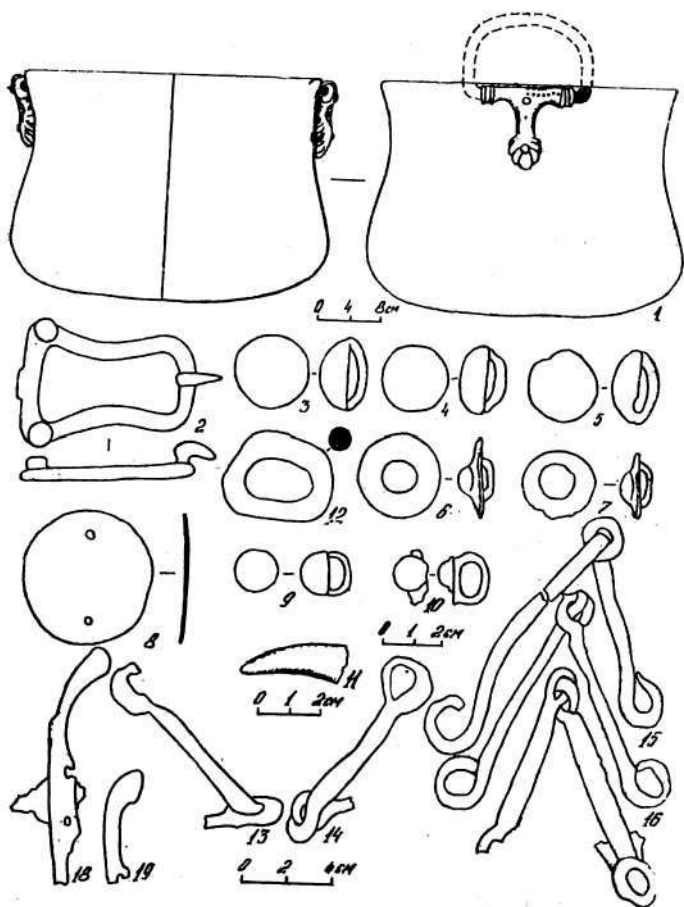
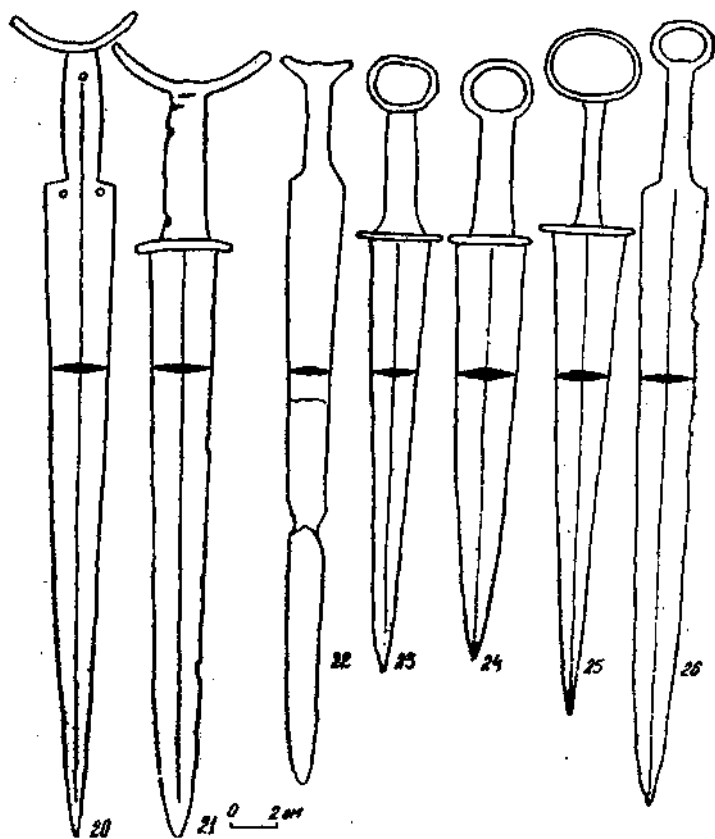

Рис. 6. Случайные находки на Среднем Дону: 1—19 — Левая Росвец; 24 — Новый Курлак; 25 — Сериково; 26 — Русская Журавка

типовский клад»¹⁸. В его состав входят бронзовый шлем, серебряные фалары, железные удила и псални. Хронология и культурная принадлежность комплекса дискуссионна, о чем речь пойдет ниже.

Погребение у с. Манино Калачеевского района Воронежской области¹⁹. Обнаружено при рытье погребка в небольшом естественном холме. По описанию местных жителей.

сошь; 20 — Острогожск; 21 — Гороховка; 22 — Веселое; 23 — Расхо-

могила напоминала подбой или катакомбу, ориентированную меридионально. Из инвентаря уцелели два сероглиняных кувшина (рис. 5,17—18), зеркало (рис. 5,19), браслет (рис. 5,20) и пряслице (рис. 5,21).

Погребение у с. Нижний Мамон Верхнемамонского района Воронежской области. Разрушено в 1968 г. при строительстве фермы. Данные о погребальном обряде отсутствуют.

По описанию очевидцев, его сопровождали железный меч в обломках, скопление железных наконечников стрел и пять сосудов. Из последних в музей археологии ВГПИ были переданы три круговых сероглиняных сосуда: два кувшина (рис. 4,13—14) и острореберная миска (рис. 4,15).

Погребение в с. Дуровка Алексеевского района Белгородской области²⁰. Под насыпью кургана обнаружена катакомба, в которой совершено захоронение молодой женщины головой на юг. Ее сопровождали круговая сероглиняная миска на поддоне, меловые и мергелевые трапещевидные подвески, обломки двух бронзовых зеркал, железные пряжки, набор бус, золотые бляшки, раковина «ропан».

По своему происхождению к погребальным памятникам примыкает серия случайных находок, скорее всего являющихся уцелевшей частью инвентаря разрушенных захоронений.

Меч из Острогожского уезда Воронежской губернии (рис. 6,20). Поступил в 80-х гг. прошлого века в Московский исторический музей²¹.

Меч из с. Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области (рис. 6,21). Найден в окрестностях села и передан Воронежский областной краеведческий музей.

Меч из с. Веселое Красновардейского района Белгородской области (рис. 6,22). Найден в окрестностях села и передан в ГИМ²².

Меч из с. Расховец Алексеевского района Белгородской области (рис. 6,23). Поступил в 70-х гг. в музей археологии ВГУ.

Меч из пос. Новый Курлак Аннинского района Воронежской области (рис. 6,24). Найден в 1958 г. при вспашке поля²³.

Меч из пос. Анна Воронежской области. Хранится у краеведа Г. И. Корнюшина. Меч имеет прямое перекрестное и кольцевитное навершие.

Меч из с. Русская Журавка Верхнемамонского района Воронежской области (рис. 6,26). Хранится в средней школе указанного села.

Меч из с. Сериково Бутурлиновского района Воронежской области (рис. 6,25). Передан в Воронежский областной краеведческий музей в 1986 г.

Лепной горшок из пос. Давыдовка Воронежской области (рис. 4,3). Поступил в Воронежский областной краеведческий музей в 1954 г.

Таковы погребальные памятники сарматского времени на Среднем Дону. Они содержат 36 захоронений. В их состав входят как курганные (6 основных и 25 впускных), так и грунтовые (5) погребения. Последние не имеют признаков искусственной намогильной насыпи. Правда, следует отметить, что все они втиснуты в естественные возвышения (холмы, дюны) и в этом смысле не отличаются от впускных захоронений в курганах. Нелюбопытными данными и неравномерная изученность среднедонских памятников сильно затрудняют их анализ и историческую интерпретацию. Однако, на наш взгляд, они все же дают определенное представление об основных чертах материальной культуры и погребального обряда среднедонского населения, его этнокультурной принадлежности.

Анализ погребального инвентаря среднедонских памятников позволил расчленить их на три хронологические группы. К первой, наиболее ранней группе, принадлежат пять погребений, два клада и две случайные находки. Дата погребения у с. Левашовка определяется по бронзовому зеркалу с валиком по краю диска (рис. 4,16). Подобные зеркала характерны для прохоровской культуры III—II вв. до н. э.²⁴ По времени ему близки два захоронения у хут. Сасовка. Погребение 2 кургана 8 содержало горшок с яйцевидным туловом, орнаментированный по шейке рядом каплевидных вдавлений (рис. 3,5). Он обнаруживает аналогии в нижнедонских погребениях конца раннесарматской эпохи²⁵. Погребение 3 того же кургана сопровождал горшок (рис. 3,7), украшенный характерным прохоровским орнаментом в виде «полотенец»²⁶. В погребении из урочища Монастырка встречен горшок раннесарматского облика с яйцевидным туловом и орнаментом из прочерченных горизонтальных и расположенных под ними фестонобразных линий (рис. 5,7)²⁷. Остальные находки не противоречат атрибуции этого захоронения как позднепрохоровского. По инвентарю и типу погребально-го сооружения катакомба из Дуровки датирована А. И. Пузиковой III—II вв. до н. э.²⁸ Эту дату можно принять с одной оговоркой — надежно датируемых III в. до н. э. вещей в этом комплексе нет. К этой хронологической группе относятся мечи из Острогужского уезда (рис. 6,20), с. Гороховка (рис. 6, 21) и с. Веселое (рис. 6, 22). По серповидному навершию их следует датировать III—II вв. до н. э.²⁹

Несколько более позднему времени принадлежат Антиповский и Леворосошанский клады. Поскольку хронологи-

ческая и культурная принадлежность этих памятников дискуссионна, представляется целесообразным проанализировать их подробнее. Опубликовавшая Антиловский клад И. И. Гущина пришла к выводу о его сарматской принадлежности и датировала его сперва II — началом I вв. до н. э.³⁰, а затем концом II—I вв. до н. э.³¹ П. Д. Либеров включил этот клад в свод среднедонских памятников скифского времени и отнес его к рубежу III—II вв. до н. э.³² Главный его аргумент состоял в том, что в кладе отсутствуют типично сарматские вещи, в то время как некоторые детали узды из Антиповки восходят к позднескифским традициям. Однако, на наш взгляд, в его составе все-таки имеются вещи, отражающие иную эпоху и, видимо, иную этнокультурную принадлежность. Такими мы считаем шлем и набор фаларов.

Разумеется, по своему происхождению ни шлем, ни фалары не являются собственно сарматскими. Шлем изготовлен в одной из западноевропейских мастерских. Он имеет вид «шапочки жокея» и принадлежит типу Монтефортино A/B классификации Р. Робинсона³³. Его дата II в. до н. э. Из семи шлемов этого типа, найденных на юге Восточной Европы, шесть происходят с территории, занятой сарматскими племенами. Исследователи правомерно связывают появление этих шлемов у сарматов с участием последних в Митридатových войнах конца II — начала I вв. до н. э.³⁴ По нашему мнению, уже это одно обстоятельство заставляет вывести указанный комплекс за пределы верхней хронологической границы среднедонской культуры скифского времени. То же самое следует сказать о датировке и культурной принадлежности антиповских фаларов. Как исключение находки фаларов встречаются в позднескифских погребениях, но подавляющее большинство их связано с сарматскими погребениями или захоронаниями населения, подвергнувшегося сарматизации. На наш взгляд, все это позволяет с большой долей вероятности включить Антиловский клад в группу ранних памятников сарматского времени лесостепного Подонья и датировать его концом II — началом I вв. до н. э.

Левороссошанский клад также рассматривался П. Д. Либеровым в числе позднейших памятников среднедонской культуры и был датирован не позже начала II в. до н. э.³⁵ Исследователь правильно указал на ряд деталей женской упряжи из Левоi Россоши, находящих близкие аналогии в памятниках позднескифского времени на Среднем Дону. В то же время нужно признать, что указанные им типы (С-

видные псалми, бронзовые бляшки) переживают хронологические рамки скифской эпохи и бытуют по крайней мере до I в. до н. э. Однако в составе «клада» есть и вещи, датируемые более поздним временем. Это котел и пряжка. Бронзовый котел имеет округлое дно без поддона (рис. 6,1). У него частично сохранились подвижные железные ручки, концы которых входили в гнезда Т-образной основы. Последняя заворачивалась снизу атташем в виде лапы. Уже П. Д. Либеров обратил внимание на резкое отличие этой находки от котлов скифского типа, характерных для среднедонской культуры. Однако нельзя согласиться с указанными им возможными прототипами котла излевой Россоси. П. Д. Либеров предлагал искать их, с одной стороны, среди круглодонной керамики ананьинской культуры (форма котла), с другой стороны — среди бронзовой посуды Чертомлыкского кургана (тип ручки)³⁶. По определению Д. Б. Шелова, форма котла и, особенно, тип ручки указывают на итальянское производство II—I вв. до н. э.

Бронзовая литая пряжка с прямоугольной чуть прогнутой в средней части рамкой имеет неподвижный язычок на одном конце и два круглых прилива на другом (рис. 6,2). Точные аналогии ей удалось найти среди инвентаря погребения XXIV Мавзолея³⁷ и склепа № 54 Восточного некрополя³⁸ Неаполя Скифского. Обе датируются I в. до н. э. К этому времени, видимо, следует отнести и весь Левороссосханский комплекс.

Таковы наиболее ранние памятники сарматского времени на Среднем Дону. Если их включить в классическую схему периодизации сарматской культуры, то в основном они оказываются синхронными раннесарматским памятникам третьей хронологической группы, датируемой М. Г. Мошковой III—II вв. до н. э.³⁹ Однако скорее всего они появляются здесь не ранее II в. до н. э., а некоторые из рассмотренных комплексов (Антиповка, Левая Россось) датируются концом II — I вв. до н. э. Если исходить из традиционной периодизации Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова, то они должны быть сопоставлены с наиболее ранними памятниками среднесарматской культуры, в частности, с очень близкими им по составу находками конского снаряжения и фаларов. Однако недавно А. С. Скрипкин привел убедительные доказательства существования памятников раннесарматской культуры вплоть до конца I в. до н. э.⁴⁰ В связи с этим в дальнейшем,

возможно, окажется ненужной сделанная выше оговорка относительно хронологической позиции рассмотренных кладов.

Следующую группу составляют 17 погребений с инвентарем среднесарматского типа. На Среднем Дону наиболее исследованным памятником этого времени является Караяшниковский могильник. Время совершения погребений в кургане 4 определяет набор круговой сероглиняной керамики (рис. 2,1—2,4), бронзовых украшений (рис. 2,5—7) и бус. Среди последних имелись глазчатые бусы типа 104 классификации Е. М. Алексеевой (рис. 2,15), характерные для I в. н. э.⁴¹, округло-ребристые бусы из египетского фаянса типа 16а (рис. 2,9—10), большинство находок которых также связано с комплексами этого времени⁴², бусина-четырнадцатигранник из того же материала, принадлежащая типу 12 (рис. 2,8), датируемому второй половиной I—II вв. н. э.⁴³, а также мозаичные бусы типа 437⁴⁴ (рис. 2,16—17), бусы из горного хрусталя (рис. 2,11) и сердолика (рис. 2,12) I—II вв. Все они могли оказаться в составе одного ожерелья скорее всего во второй половине I в. н. э. Погребение в кургане 8 датируется по совместной находке кругового сероглиняного кувшина (рис. 2,19), характерного для сарматских погребений I—II вв.⁴⁵, небольшого сероглиняного сосулика с биконическим туловом и воронкообразным горлом (рис. 2,20), многочисленным аналогий которому известны только в комплексах I — начала II вв.⁴⁶, бронзового зеркала среднесарматского типа (рис. 2,21) и халцедоновой подвески в виде амфорки типа 25а (рис. 2,23). Последняя сужает дату комплекса до второй половины I в. н. э.⁴⁷ К I в. н. э. нужно отнести погребение в кургане 10, из которого происходит бронзовая фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (рис. 2,27)⁴⁸. Однако обращает на себя внимание не характерная для этого времени северная ориентировка погребенного.

Впускные погребения 5 и 9 кургана 3 скорее всего относятся к несколько более позднему времени, нежели рассмотренные выше основные. В каждом из них найдено по круговой сероглиняной кружке (рис. 2,25—26), время бытования которых приходится на II — середину III вв. н. э.⁴⁹ Однако в обряде погребения налицо сохранение среднесарматских традиций (юго-западная ориентировка). По-видимому, оба эти захоронения следует рассматривать как переходные к позднесарматской эпохе и датировать II в. н. э., скорее всего его первой половиной.

Из остальных памятников этой группы датирующий материал содержало лишь погребение в с. Манино. Зеркало-подвеска с валиком по краю и коническим выступом в центре диска (рис. 5,19) датируется I — началом II в. н. э.⁵⁰ Преимущественно в комплексах того же времени встречаются провололочные браслеты с завязанными концами. Наконец, сероглиняный кувшин с трубчатой ручкой (рис. 5,18) ограничивает время совершения этого захоронения второй половиной I — началом II вв. н. э.⁵¹

К сожалению, памятники второй хронологической группы содержат мало данных о погребальном обряде. Однако можно считать установленным, что в это время на Среднем Дону появляются не только отдельные захоронения, но и целые курганные могильники, содержащие как основные, так и впускные погребения. Они не образуют отдельных курганных групп, но входят в состав курганных полей, состоящих из разновременных и разнокультурных насыпей. Для среднедонского населения начала нашей эры характерен степной обычай «пристраивать» свои курганные захоронения по соседству с насыпями предшествующего времени или же просто хоронить в них своих покойников. В Караяшниковском кургане I — начала II вв. занимают определенный участок могильника ближе к склону берега. Они выделяются небольшими размерами насыпей. Их высота не превышает 1 м, диаметр 10 м. В этом могильнике наблюдается разнообразие типов погребальных сооружений: узкая яма, широкая прямоугольная яма, подквадратная яма. Подбойное погребение открыто в Больших Ясырках (рис. 4,20). Как указывалось, в Манино, возможно, также был подбой или катакомба. Погребенные лежат вытянуто на спине головой на юг с отклонениями к юго-западу и юго-востоку. Из особенностей обряда следует указать находку лопатки барана в погребении 4 кургана 7 у хут. Сасовка.

Среди инвентаря чаще всего встречается керамика. Это, как правило, круговые сероглиняные сосуды: кувшины разных типов (рис. 2,1—2,4, 19—20; 4,13—14), кружки (рис. 2,25—26) реже миски (рис. 4,15; 5,16). Они покрыты серым, реже черным лощением. По своим формам, характеру обработки поверхности и составу глины эти сосуды принадлежат керамике нижнедонского или северо-кавказского производства. Лельной сосуд встречен лишь однажды — это курильница из погребения 4 Караяшниковского могильника (рис. 2,3). Ее следует отнести к позднескифским курильницам⁵².

Украшения, детали одежды и предметы туалета встречаются редко. Прежде всего это различные типы бус: стеклянные одноцветные, глазчатые, мозаичные, из египетского фаянса и полудрагоценных минералов. Металлические детали костюма представлены бронзовыми браслетами с утолщающимися (рис. 2,6—7) и завязанными (рис. 5,20) концами, амулетницами в виде спаренных цилиндров (рис. 2,5), фибулой (рис. 2,27). Наряду с украшениями обязательным атрибутом женских захоронений являлись бронзовые зеркала, принадлежащие двум типам. Первый тип представляет бронзовое фрагментированное зеркало с плоским диском большого диаметра из погребения кургана 8 у с. Караяшник (рис. 2, 21). К иному типу относится небольшое зеркало с боковой петлей, валиком по краю и коническим выступом в центре из с. Манино (рис. 5,19). Оба представляют характерные типы среднесарматских зеркал. Из орудий труда можно указать только находку глиняного биконического пряслица в погребении у с. Манино (рис. 5,21) и железного ножа в погребении кургана 7 у хут. Сасовка. Оружие и снаряжение коня в среднедонских погребениях I — начала II вв. почти не встречается. Лишь в погребении 5 кургана I у хут. Сасовка найден трехлопастной черешковый наконечник стрелы из железа. Однако на этой территории известны случайные находки мечей с кольцевым навершием и прямым перекрестием, скорее всего, происходящие из разрушенных погребений этого времени (рис. 6,23—26).

Таковы памятники второй хронологической группы. Как по обряду, так и по инвентарю они сопоставимы со степными погребениями среднесарматской культуры.

Третья хронологическая группа включает 15 погребений. Наибольшая их концентрация наблюдается в Сасовском могильнике. Остальные памятники дают, как правило, по одному захоронению. В отличие от предшествующей ступени, инвентарь большинства погребений этой группы мало выразителен. Поэтому нередко главным критерием для включения в нее того или иного захоронения является погребальный обряд, в частности, такой его признак, как ориентировка. Подавляющее большинство погребений нельзя датировать точнее, чем II — серединой III вв. н. э. Среди них наиболее поздним является захоронение в кургане 27 Подклетнинского могильника. Оно совершено в яме с заплечиками и сопровождалось бронзовым зеркалом с центральной петлей на обороте (рис. 5, 1). По этой находке комплекс скорее

всего следует датировать III в., возможно, второй его половиной⁵³.

За исключением погребений в кургане 7 и 15 Караяшниковского могильника все захоронения этой группы впускные. Два из них (Девица и Верхний Карабут) впущены в естественные возвышения. Большинство погребений совершено в узких ямах (рис. 5, II). Однако известны захоронения в могилах иных типов. Погребение в кургане у г. Россошь находилось в яме подквадратной формы, ориентированной углами по сторонам света, покойник лежал вдоль ее стенки. В широкой прямоугольной могиле кургана 15 у с. Караяшник, видимо, было совершено «диагональное» захоронение. Как указывалось, могила в кургане 27 у с. Подклетное представляла яму с заплечиками вдоль ее длинных сторон. По характеру захоронения большинство погребений этого времени являются индивидуальными. Лишь в кургане 3 у с. Шишовка было открыто парное захоронение мужчины и женщины. По способу захоронения все рассматриваемые погребения являются труположениями. Позу и ориентировку удалось определить в 11 случаях. Во всех захоронениях погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север, иногда с отклонениями к северо-востоку и северо-западу. В трех захоронениях дно могил было посыпано углем. Лишь одно погребение сопровождалось мясной напутственной пищей (Сасовка, курган 1, погребение 4).

Погребальный инвентарь захоронений третьей хронологической группы отличается бедностью и невыразительностью. В его состав, как правило, входит лишь один сосуд. В отличие от предшествующего времени из десяти сосудов, встреченных в погребениях этой хронологической группы, восемь были лепными. Изменения наблюдаются не только в технике, но и в форме керамики. Теперь явно преобладают лепные горшки с яйцевидным туловом (рис. 2,28; 3,3; 5,6). Встречаются лепные лощеные кувшины более грубых форм, нежели в предшествующее время (рис. 4,8—9). Сероглиняная керамика нижнедонского типа представлена единичными находками (рис. 3,4).

Разительные отличия от второй хронологической группы наблюдаются в наборе украшений, деталях одежды и предметах туалета. Эти категории находок встречаются гораздо реже, чем в предшествующее время. Из бус известны только мелкие стеклянные, иногда с внутренней позолотой (рис. 4,7). Металлические украшения представлены лишь

бронзовой подвеской в виде полого шарика (рис. 4,11), бронзовыми кольцами, в том числе с напаянными шариками из Сасовского могильника (рис. 3,2) и бронзовым височным кольцом в полтора оборота из погребения у с. Подклетное (рис. 5,4). В двух захоронениях встречены зеркала. В погребении у с. Шишовка найдено зеркало с плоским диском и ручкой-штырем (рис. 4,19), в погребении у с. Подклетное — зеркало-подвеска с центральной петлей на обороте (рис. 5,1). Так же как и в предшествующее время, в среднедонских захоронениях почти не встречается оружие. Можно указать лишь находку нескольких трехлопастных черешковых наконечников стрел из погребения 2 кургана 5 у с. Сасовка. Впрочем, отмечая бедность инвентаря среднедонских памятников II—III вв. н. э., следует все же оговориться, что эта черта характерна для основной массы рядовых захоронений. Несомненно, здесь существовали и довольно богатые погребения, о чем свидетельствуют остатки инвентаря погребения у г. Россошь или золотые вещи из Давыдовского клада 1939 г.

Рассмотренная группа памятников как по обряду, так и по инвентарю обнаруживает несомненную близость к позднесарматской культуре Волго-Донского междуречья. Памятники какой-либо иной культурной принадлежности здесь отсутствуют. Все это дает основание считать, что южные районы лесостепного Подонья входили в первые века нашей эры в ареал сарматских кочевий.

МОГИЛЬНИКИ НА РЕКЕ ВОРОНЕЖ

Воронежская группа объединяет памятники центральных районов донской лесостепи. Сейчас в низовьях р. Воронеж известно четыре могильника сарматского времени: I и II Чертовицкие, Писаревский и Животинный. Наиболее полно исследованы Чертовицкие могильники. Результаты их раскопок частично опубликованы¹.

1. I Чертовицкий могильник

Могильник находится на правом берегу р. Воронеж у с. Чертовицкое Рамонского района Воронежской области (рис. 7). Он занимает наиболее высокую часть мыса, на оконечности которого расположено городище скифского времени. В могильнике насчитывается 54 насыпи. В их расположении выделяется пять групп. В каждой группе насыпи расположены очень компактно. Все они имеют округлую в плане форму и сильно оплыли. В могильнике исследовано 33 кургана. Кроме того, благодаря раскопкам памятника сплошными площадями, открыты еще четыре грунтовых погребения.

Курган 1/16. Его размеры 5×6 м, высота 0,4 м. Погребение совершенно под вершиной насыпи в яме прямоугольной формы 1,2×2,4 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток (рис. 8,1). При выборке заполнения в восточном углу найдена мозаичная бусина (рис. 8,4). Дно могилы обозначилось на глубине 2,3 м от вершины кургана. Скелет мужчины лежал на спине вытянуто головой на юго-восток. Под ним фиксировалась подсыпка из белого песка. Справа от погребенного находился железный меч с бронзовым перекрестием длиной 71 см с остатками деревянных ножен, покрытых красной краской (рис. 8,1). Часть его рукоятки и клинка не сохранилась. Между костями правой голени и стенкой найдены железные удила плохой сохранности, а ближе к костям стопы окислившийся железный предмет. Рядом с костями левой ноги обнаружены два скопления железных трехлопастных черешковых наконечников стрел общим числом более 40 экземпляров (рис. 8,2) и фрагментированный железный нож. Слева от черепа встречен обломок изогнутого железного прута (рис. 8,3).

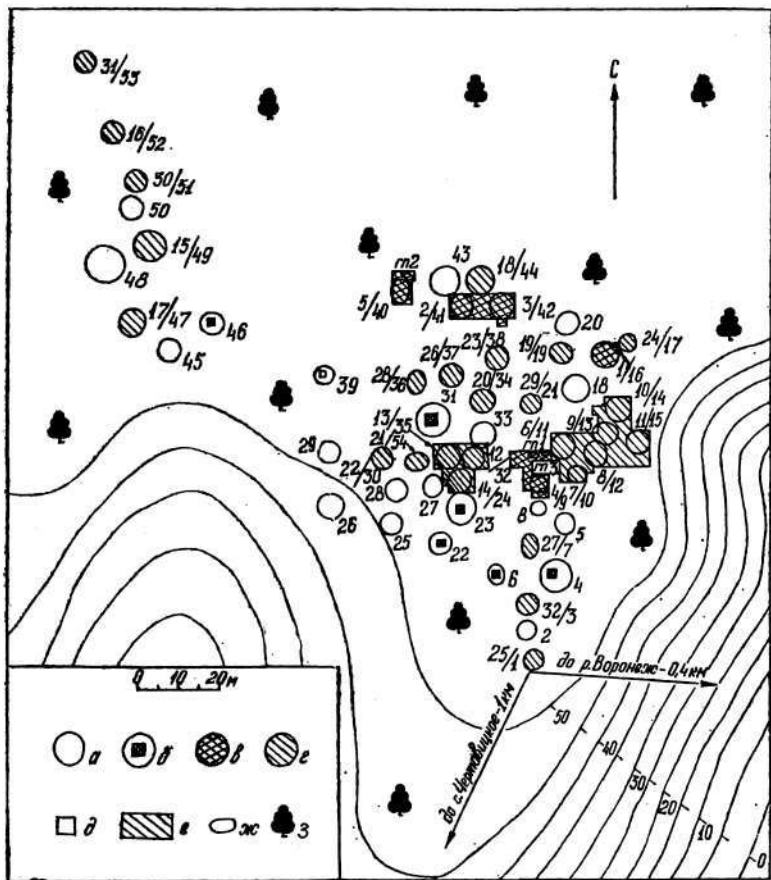

Рис. 7. План I Чертовницкого могильника: а — нераскопанные курганы; б — нарушенные насыпи; в — курганы, раскопанные в 1978 г.; г — курганы, раскопанные в 1979—1980 гг.; д — шурфы; е — раскопы; ж — грунтовые захоронения; з — деревья

Курган 2/41 (рис. 9, I). Размеры насыпи 5×6 м, высота 0,35 м. Могила прямоугольной формы 1,6×3,75 м находилась в центре кургана (рис. 9, II). В ней оказалось два костяка, соответствующие двум захоронениям.

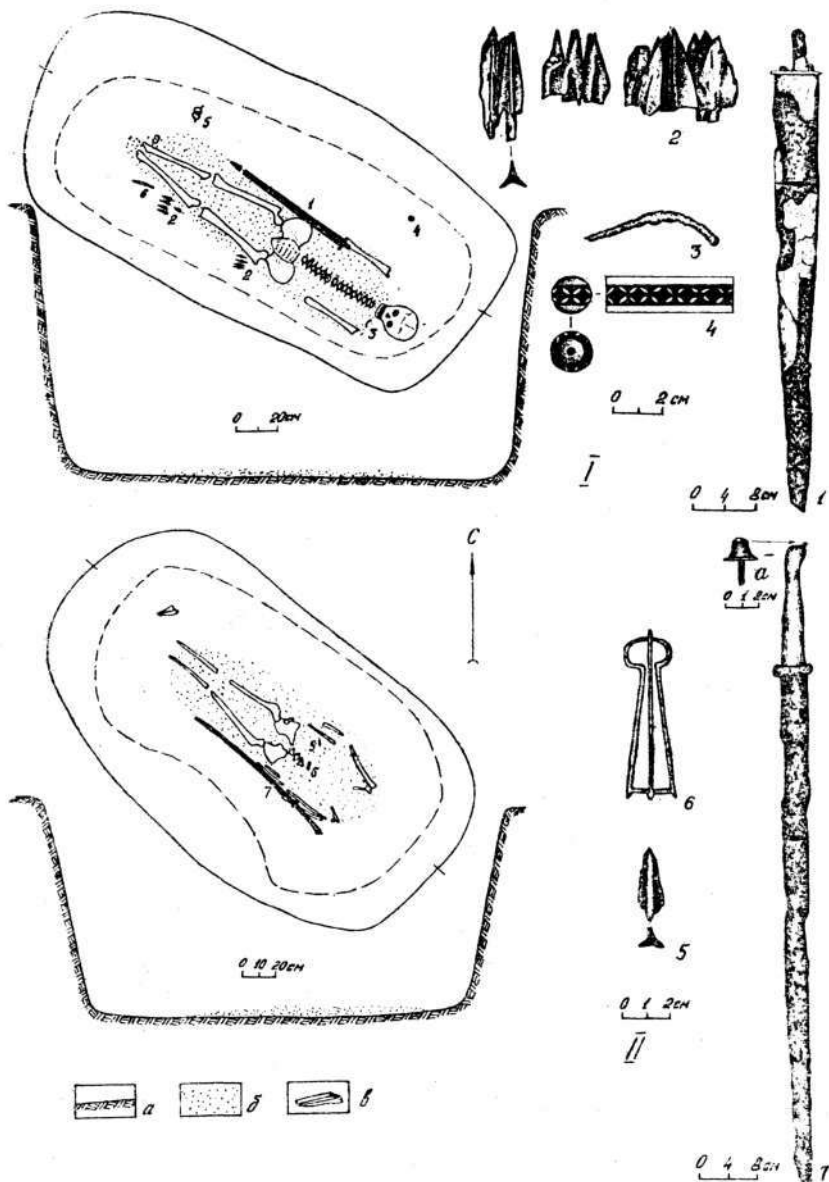

Рис. 8. Курганы 1/16 и 4/9 I Чертовицкого могильника: I — погребение кургана 1/16, 1—4 — инвентарь погребения кургана 1/16; II — погребение кургана 4/9, 5—7 — инвентарь погребения кургана 4/9; а — материк, б — песок, в — лопатка барана

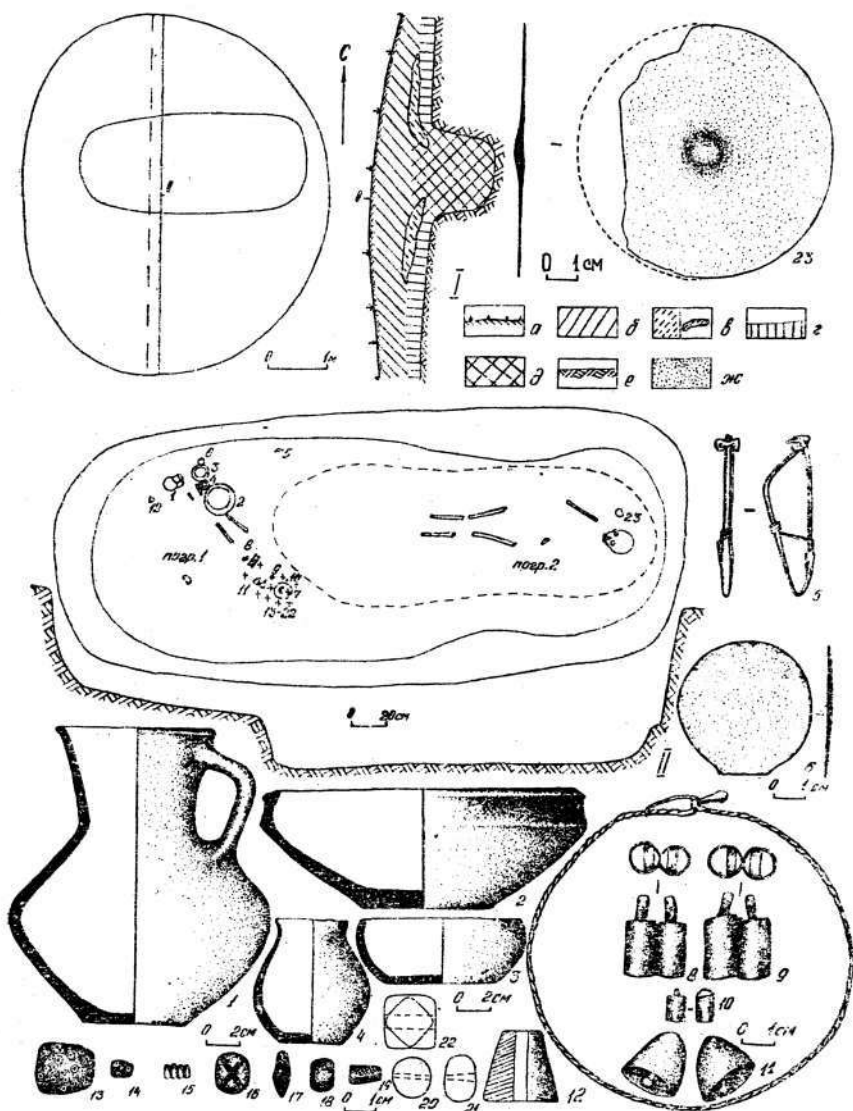

Рис. 9. Курган 2/41 I Чертовичского могильника: I — курган; II — погребения 1 и 2; 1—22 — инвентарь погребения 1; 23 — инвентарь погребения 2; а — дерн; б — насыпь; в — выкид; г — погребенная почва; д — заполнение; е — материк; ж — песок

Погребение 1 обнаружено в западной части ямы на глубине 1,4 м. При выборке заполнения у стенки найдена бронзовая лучковая фибула (рис. 9,5). От скелета сохранились лишь кости ног, челюсти и зубы. Судя по их расположению, погребенная лежала на спине головой на юго-восток. В ногах стояло четыре сосуда: сероглиняный круговой кувшин (рис. 9,1), серолощенная круговая миска (рис. 9,2), в которой находилась кость крупного животного, лощеная чашечка, доверху заполненная мелом (рис. 9,3) и лепной сосудик (рис. 9,4). Рядом найдено зеркало с отломанной в древности ручкой (рис. 9,6) и глиняное пряслице (рис. 9,12). Над челюстными костями лежали бронзовые украшения: витая гривна (рис. 9,7), два колокольчика с язычками из железа (рис. 9,11), две амулетницы в виде спаренных цилиндров (рис. 9,8—9) и еще одна маленькая амулетница в виде цилиндрика (рис. 9,10). Тут же встречено скопление из более чем 30 бус: глазчатых синего стекла (рис. 9,13—14), с крестовидным орнаментом (рис. 9,16), рубчатых (рис. 9,15), гататовых (рис. 9, 17—19), сердоликовых (рис. 9, 20—21) и халцедоновых (рис. 9,22). В юго-западном углу могилы найден кусок минерала алого цвета.

Погребение 2 находилось в восточной половине ямы на глубине 2 м. Скелет женщины лежал на подсыпке из белого песка, вытянуто на спине, головой на восток. Справа от черепа найдено бронзовое зеркало с чуть намечающимся выступом в центре (рис. 9,23). В заполнении встречен кусок охры.

Курган 3/42 (рис. 10,1). Его диаметр 7 м, высота 0,4 м. В насыпи встречен лепной горшок, стоявший над засыпаной могильной ямой (рис. 10,1). Под северо-восточной полкой кургана в материке обнаружена неглубокая яма с костями и зубами лошади. Могила овальной формы 1,45×2,15 м, глубиной 2,01 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток (рис. 10,11). От скелета сохранились лишь берцовые кости. Рядом с ними найдено золотое височное кольцо из витой проволоки в полтора оборота, украшенное четырьмя гроздьями крупной зерни (рис. 10,6). В западном углу стояли два сосуда: лепная лощеная миска с лавно загнутым внутрь краем (рис. 10,2) и круговой сероглиняный сосудик с биконическим туловом и раструбовидным горлом (рис. 10,4). В 0,5 м к северу от последнего лежал обломок бронзового зеркала с валиком по краю диска (рис. 10,5). Поблизости обнаружено 11 мелких пасто-

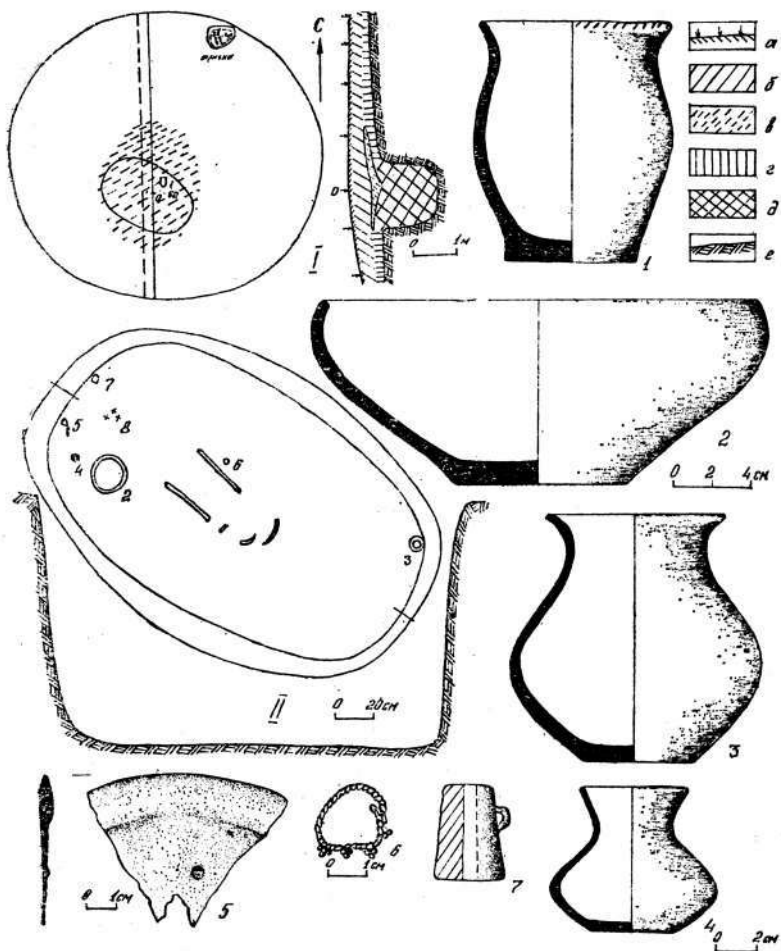

Рис. 10. Курган 3/42 I Чертовщкого могильника: I — курган; II — погребение; 1 — насыпь; 2—7 — инвентарь погребения; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

вых бус и пряслице, в стенку которого вставлена железная дужка (рис. 10,7). В восточном углу стоял лелной горшок грушевидной формы, стенки которого сохранили следы пребывания в огне (рис. 10,8).

Курган 4/9. Его диаметр 5 м, высота 0,2 м. Погребение совершено под вершиной насыпи в могиле прямоугольной формы 1,56×2,7 м, глубиной 2,18 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток (рис. 8,II). Дно посыпано белым песком. Скелет погребенного лежал на спине, вытянуто, ориентировка юго-восточная. Несмотря на хорошую сохранность костяка, черепа не обнаружено. Правая рука согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях, левая вытянута вдоль туловища. Рядом с ней был положен железный меч длиной 104 см (рис. 8,7). Он имеет небольшое железное перекрестие и бронзовое навершие, украшенное пастовой вставкой. Несколько выше пояса найдена бронзовая пряжка с фигурной рамкой (рис. 8,6). Между лучевой костью правой руки и позвоночником находился железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 8,5). В ногах погребенного лежала лопатка барана.

Погребение принадлежит воину, скорее всего убитому (наконечник стрелы в правом боку) и обезглавленному.

Курган 5/40 (рис. 11,1). Размеры его насыпи 4,6×5,6 м, высота 0,3 м. Погребение совершено в могиле прямоугольной формы 1,3×2,7 м, глубиной 1,5 м, ориентированной по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток (рис. 11, II). На дне зафиксирована подсыпка из белого песка. От погребенной сохранились отдельные кости черепа и зубы, найденные в восточной части могилы. Удалось проследить остатки деревянного гроба прямоугольной формы. В западной половине могилы стояли три сосуда: сероглиняная круговая миска (рис. 11, 1), внутри которой лежал железный предмет с заостренным концом (рис. 11, 4), красноглиняный круговой кувшин с отбитым верхом (рис. 11, 2), красноглиняный круговой сосудик (рис. 11, 3), внутри которого находился мел. Рядом с последним лежали румяна алого и пунцового цвета. Между сосудами и западной стенкой были рассыпаны бусы из египетского фаянса: восемь пронизей в виде скарабея (рис. 11, 11—17, 27), две пронизи, изображающие лягушку (рис. 11, 28—29), две подвески — амфорки (рис. 11, 30—31), одна округло-ребристая бусина (рис. 11, 33), одна плакетка с изображением головы Гора (рис. 11, 32). Вместе с ними найдены две плоскогранные мозаичные

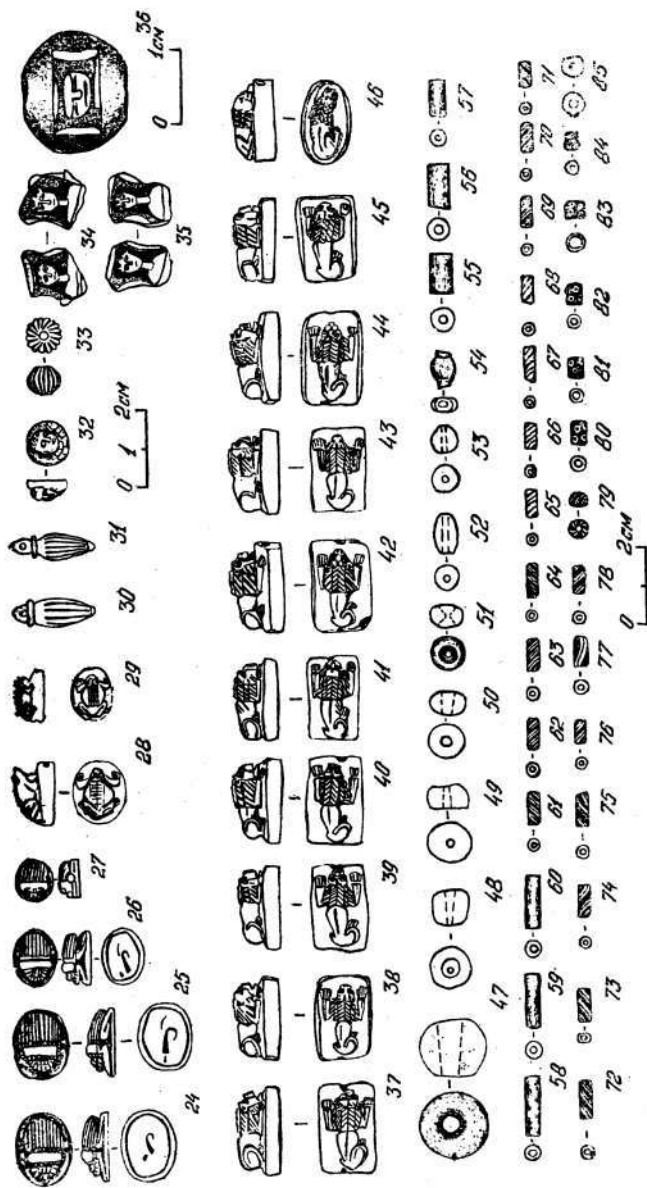

Рис. 11. Курган 5/40 I Чертовницкого могильника. I — курган; II — погребение; 1—85 — инвентарь погребения.

бусины с изображением женского лица (рис. 11, 34—35). Тут же лежали сердоликовые (рис. 11, 48—52) и стеклянные бусы. Среди последних одна округлая бусина темно-зеленого цвета (рис. 11, 53), цилиндрическая и бочковидная пронизи красного цвета (рис. 11, 54—55), 14 синих цилиндрических пронизок (рис. 11, 65—78) и одна округлая бусина (рис. 11, 79) с полихромным спиральным орнаментом, четыре красные пронизи с тем же орнаментом (рис. 11, 61—64), а также более 60 мелких стеклянных бус.

Вторая группа украшений найдена рядом с черепом погребенной. Слева и справа от нее лежали две фигурные золотые серьги с цветными стеклянными вставками и подвесками в виде золотых цепочек, заканчивающихся белыми пастовыми бусами и золотыми дисками (рис. 11, 6—7). Левая серьга имеет следы длительного ношения. У нее отсутствуют стеклянные вставки, бусинки утеряны, одна из цепочек оборвана. Кроме того, на обратной стороне серьги имеются три заплатаки из листового золота. Рядом с левой серьгой лежало бронзовое зеркальце с отломанной ручкой (рис. 11, 5). Здесь же обнаружены остатки деревянной шкатулки со второй россыпью бус из египетского фаянса. В ее состав входят девять пронизей с изображением скарабея (рис. 11, 18—26), восемь пронизей с изображением льва на прямоугольной подставке (рис. 11, 37—44) и одна пронизь с аналогичным изображением, но на овальной подставке (рис. 11, 46). Тут же найдена мозаичная бусина с поперечным пояском, украшенным изображением лица (рис. 11, 36), цилиндрические стеклянные пронизи красного цвета (рис. 11, 56—60) и одна круглая белая стеклянная бусина с синим глазком (рис. 11, 85). Вместе с бусами находился массивный бронзовый колокольчик, корпус которого имел четыре треугольных отверстия (рис. 11, 8) и колокольчик меньших размеров из листовой бронзы (рис. 11, 9). Здесь же лежал бронзовый перстень со щитком, украшенным четырьмя продольными каннелюрами (рис. 11, 10).

В центре могилы обнаружена третья россыпь бус, в состав которой входили: пронизь из египетского фаянса с изображением льва (рис. 11, 45), круглая бусина из горного хрусталя (рис. 11, 47), пять синих стеклянных глазчатых пронизок (рис. 11, 80—84), две пронизки красного цвета, а также более 150 мелких стеклянных и пастовых бус.

Курган 6/11 (рис. 12, 1). Размеры его насыпи 5,8××6,4 м, высота 0,25 м. Под северной полкой найдено желез-

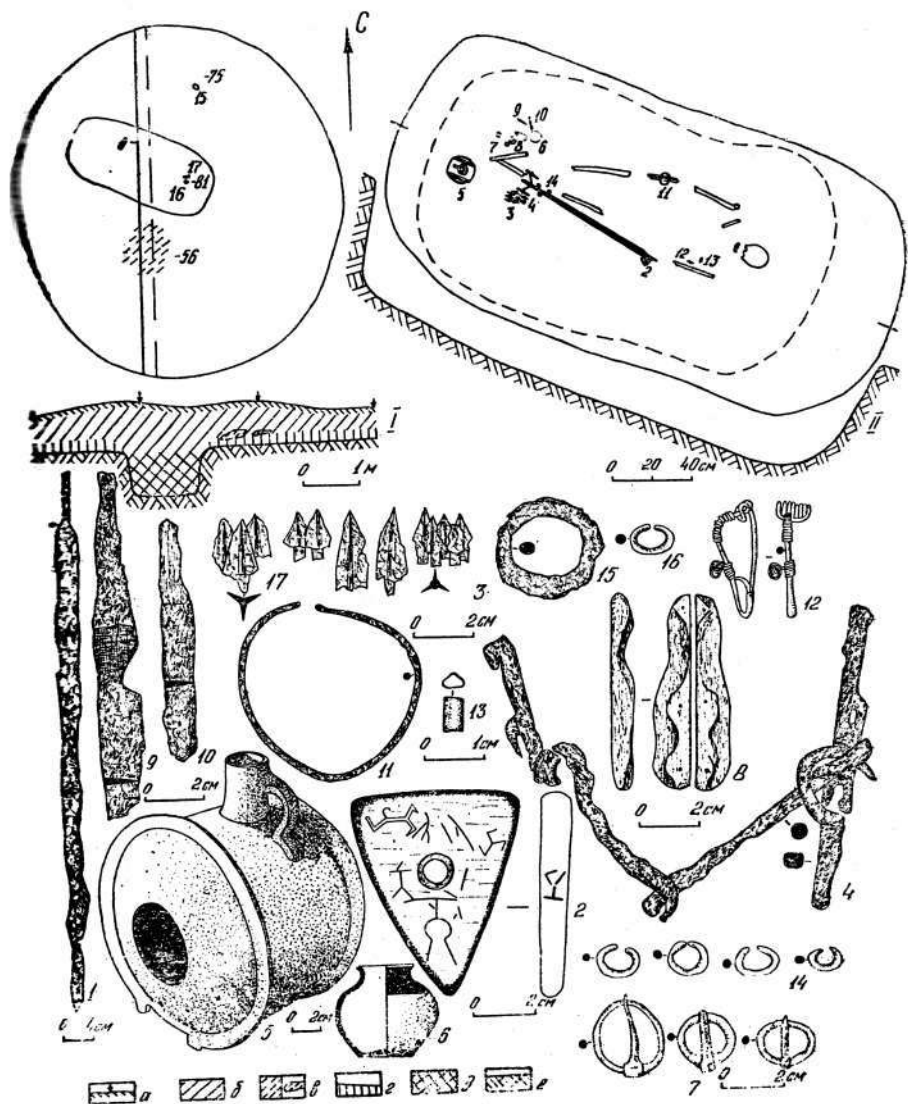

Рис. 12. Курган 6/11 I Чертовицкого могильника: I — курган; II — погребение; 1—14, 16—17 — инвентарь погребения; 15 — насыпь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

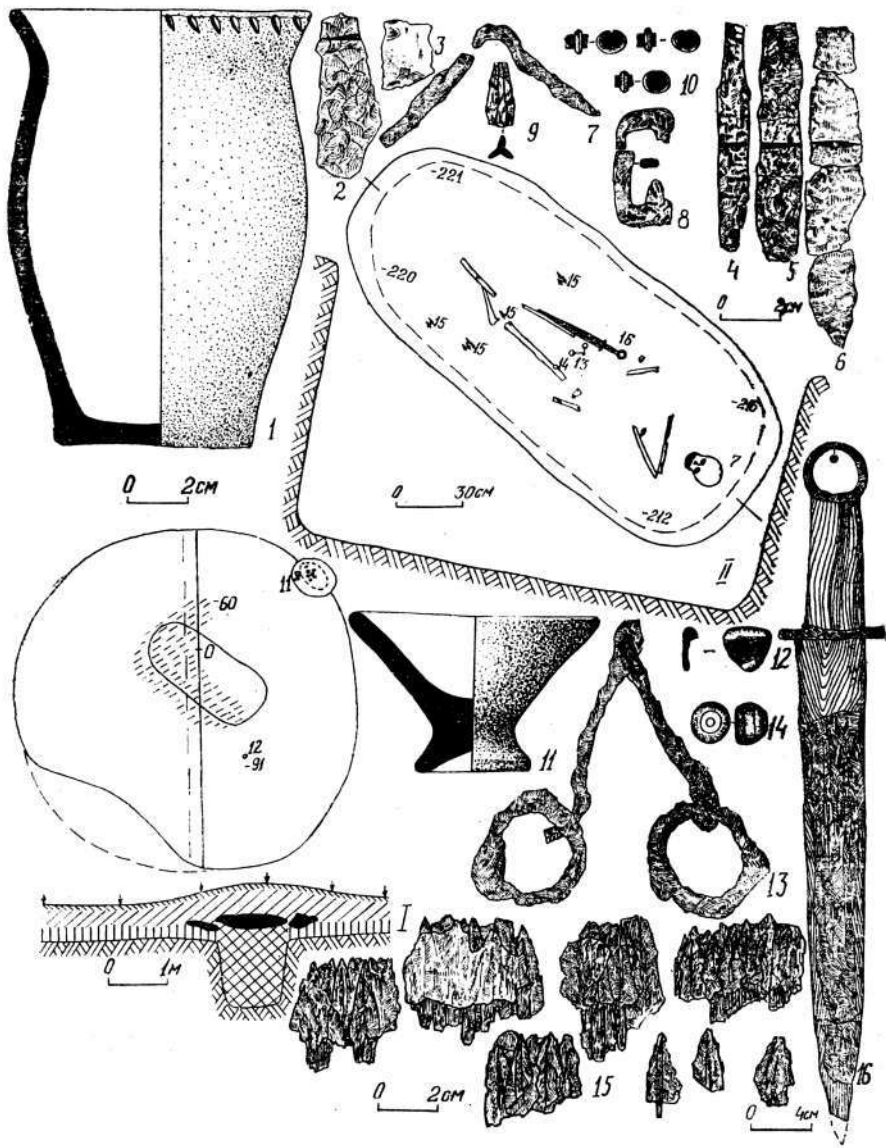

Рис. 13. Курганы I Чертовичского могильника: I — курган 9/13; II — погребение кургана 9/13; 1-3 — инвентарь погребения кургана

ное кольцо (рис. 12, 15), а при зачистке могильного пятна — бронзовое колечко с несомкнутыми концами (рис. 12, 16) и спайка железных трехлопастных наконечников стрел (рис. 12, 17). Погребение совершено в яме прямоугольной формы 1,35×2,7 м, глубиной 1,75 м (рис. 12, II). На дне встречена меловая крошка и мелкие кальцинированные кости.

Скелет погребенного лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и перекрещенными в голених ногами, головой на юго-восток. Слева от него положен железный меч с ручкой-штырем длиной 84 см (рис. 12, I). На остатках его деревянных ножен обнаружены четыре бронзовые колечка (рис. 12, 14), аналогичные найденному при зачистке. Под рукоятью меча лежал гагатовый предмет треугольной формы с отверстием в центре, на котором процарапаны тамгообразные знаки (рис. 12, 2). У голени левой ноги найдены железные удила (рис. 12, 4) и железные трехлопастные наконечники стрел с черешком общим числом 26 экземпляров (рис. 12, 3).

В ногах погребенного стояли два круговых сосуда: большой серолощенный кувшин в виде бочонка (рис. 12, 5) и маленький красноглиняный горшочек, верхняя часть которого покрыта коричневым лаком (рис. 12, 6). Поблизости найдены три бронзовые пряжки с округлыми рамками и подвижными язычками (рис. 12, 7) и два железных ножа (рис. 12, 9—10). На лезвии одного из них сохранились остатки ткани. Здесь же находился деревянный предмет, состоящий из двух разъемных половинок (рис. 12, 8). На лучевых костях правой руки обнаружен бронзовый браслет (рис. 12, 11). Рядом с плечевой костью левой руки лежала бронзовая лучковая фибула (рис. 12, 12). Тут же найдено украшение в виде пистона, изготовленное из листового золота (рис. 12, 13).

Курган 7/10. Диаметр его насыпи 4,5 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в яме прямоугольной формы размерами 1,15×2,45 м, глубиной 1,83 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. От скелета сохранился обломок берцовой кости и зубы, найденные у южной стенки. Здесь же встречен фрагмент железного ножа (рис. 13, 2) и кремь (рис. 13, 3). У западного угла могилы лежал на боку лепной горшок (рис. 13, 1).

7/10; 4—6 — инвентарь погребения кургана 8/12; 7—10 — инвентарь погребения кургана 10/14; 12—16 — инвентарь погребения кургана 9/13; 11 — яма в насыпи кургана 9/13; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

Курган 8/12. Размеры его насыпи $5,2 \times 6,4$ м, высота 0,35 м. Под вершиной обнаружена прямоугольная яма $1,9 \times 2,25$ м, глубиной 1,45 м, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Скелет погребенного отсутствовал. На дне найдены два железных ножа (рис. 13, 4—5) и обломки железного меча (рис. 13, 6). Погребение ограблено.

Курган 9/13 (рис. 13, I). Его диаметр 6 м, высота 0,4 м. У края северо-восточной полы насыпи обнаружена яма овальной формы $0,6 \times 0,9$ м, углубленная в материк на 0,3 м. Ее заполнение состояло из перегноя, насыщенного углями. У западной стенки ямы стояла лепная чашечка на поддоне с темным нагаром внутри (рис. 13, II). Погребение совершено в яме прямоугольной формы $1,05 \times 2,35$ м, глубиной 2,2 м (рис. 13, III). При зачистке могильного пятна найден фрагмент бронзового изделия (рис. 13, IV). Скелет погребенного лежал на спине вытянуто с перекрещенными в голенях ногами, головой на юго-восток. На тазобедренных сохранились следы мела. Вдоль правого бедра положен железный меч с кольцевым навершием длиной 46 см (рис. 13, V). В области таза найдены железные удила (рис. 13, VI). Справа и слева от погребенного встречены скопления железных трехлопастных наконечников стрел в количестве 60 экземпляров (рис. 13, VII). На левой берцовой кости лежала стеклянная зеленая бусина (рис. 13, VIII).

Курган 10/14. Диаметр его насыпи 6,3 м, высота 0,4 м. На ее вершине хорошо заметна западина. В юго-западной поле насыпи, на уровне погребенной почвы обнаружены остатки двух конских черепов и скопление углей. Погребение совершено под вершиной насыпи в яме прямоугольной формы $1 \times 2,4$ м, глубиной 1,65 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Центральная часть могилы разрушена грабительским шурфом. В его заполнении встречены обломки железных удилищ (рис. 13, IX), три бронзовых обоймочки с остатками ремешков (рис. 13, X), фрагментированная железная пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 13, XI) и трехлопастной черешковый наконечник стрелы из железа (рис. 13, XII). На дне могилы скелета погребенного не обнаружено.

Курган 11/15 (рис. 14, I). Диаметр его насыпи 6 м, высота 0,25 м. В юго-восточной ее поле на уровне погребенной почвы встречено скопление костей и зубов лошади. Находки костей отмечены также в северной поле насыпи. Погребение совершено в прямоугольной яме $0,95 \times 1,6$ м, глуби-

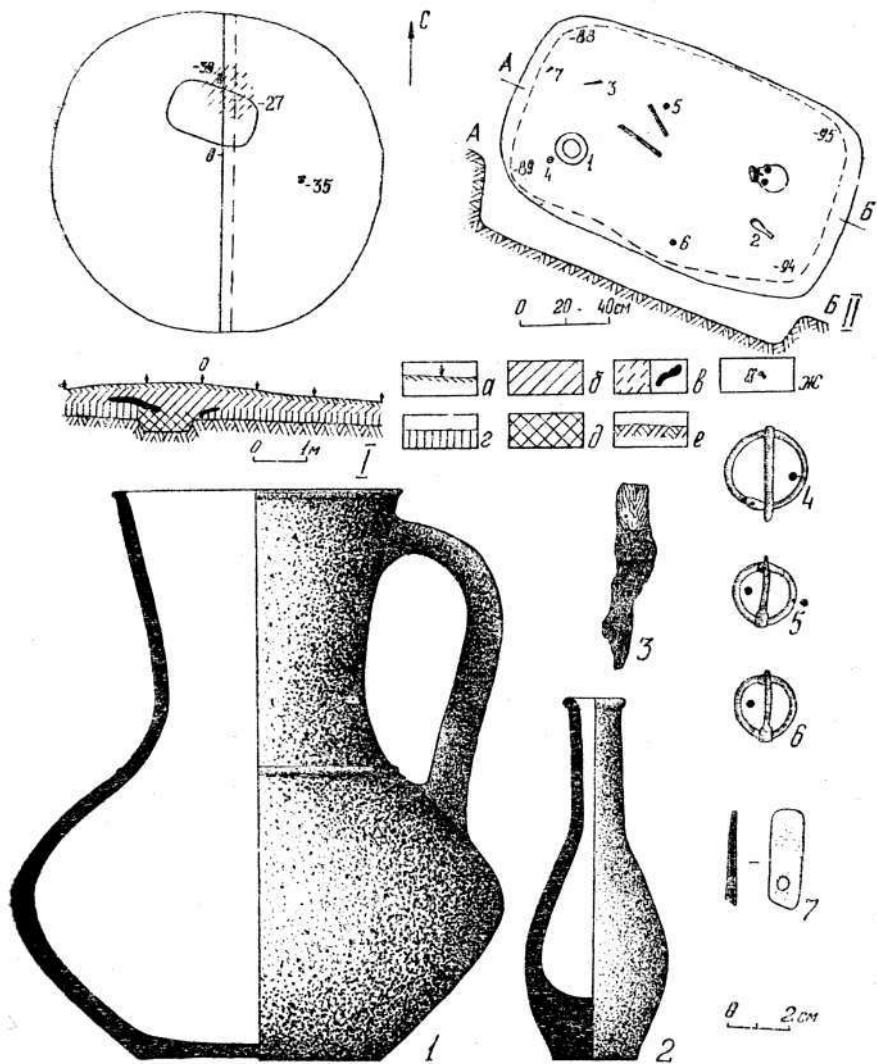

Рис. 14. Курган 11/15 I Чертовичского могильника: I — курган, II — погребение, 1—7 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — кости

ной 0,95 м (рис. 14, 11). От скелета сохранились череп и берцовые кости, судя по которым, он ориентирован головой на восток — юго-восток. Слева от черепа лежал красноглиняный бальзамарий (рис. 14, 2). В ногах стоял сероглиняный круговой кувшин (рис. 14, 1). Здесь же найден железный нож (рис. 14, 3) и бронзовый наконечник ремня (рис. 14, 7). В западной половине ямы встречены три бронзовые пряжки с округлыми рамками и подвижными язычками (рис. 14, 4—6).

Курган 12/32. Диаметр его насыпи 6 м, высота 0,25 м. При зачистке могильного пятна обнаружен трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Погребение совершено в могиле прямоугольной формы $1,2 \times 2,6$ м, глубиной 1,52 м (рис. 15, 1). У северной стенки имелась невысокая приступка. Скелет погребенного лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток — юго-восток. Правая нога согнута в колене и немного выставлена вперед. Вдоль правого бедра положен железный меч с кольцевым навершием длиной 41 см (рис. 15, 1). В ногах найдено скопление железных трехлопастных наконечников стрел в количестве 37 экземпляров (рис. 15, 2). У некоторых сохранились верхние части древков со следами обмотки в виде спиральных лент.

Курган 13/35. Диаметр его насыпи 6,5 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в прямоугольной яме $1 \times 2,1$ м, глубиной 2,45 м (рис. 15, 11). В заполнении у южной стенки ямы встречена песчаниковая плитка (рис. 15, 5). На дне лежал скелет мужчины, от которого сохранились череп и кости ног. Судя по их расположению, он погребен на спине, вытянуто, головой на юго-восток. Справа от него найден железный меч с кольцевым навершием длиной 44 см (рис. 15, 3). В западном углу обнаружены два скопления железных трехлопастных наконечников стрел общим числом не менее 60 экземпляров (рис. 15, 4).

Курган 14/24 (рис. 16, 1). Диаметр его насыпи 6 м, высота 0,3 м. Погребение совершено в яме овальной формы $1,3 \times 2,55$ м, глубиной 2,44 м (рис. 16, 11). На дне лежал скелет мужчины очень высокого роста (длина костяка 1,95 м). Он был положен на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и перекрещенными в голених ногами, головой на юг. Вдоль его правого бедра обнаружен массивный меч с кольцевым навершием длиной 52 см (рис. 16, 1). Справа от ног погребенного найден железный нож (рис. 16, 3) и скопление железных трехлопастных наконечников стрел, состоящее не менее чем из 30 экземпляров (рис. 16, 2).

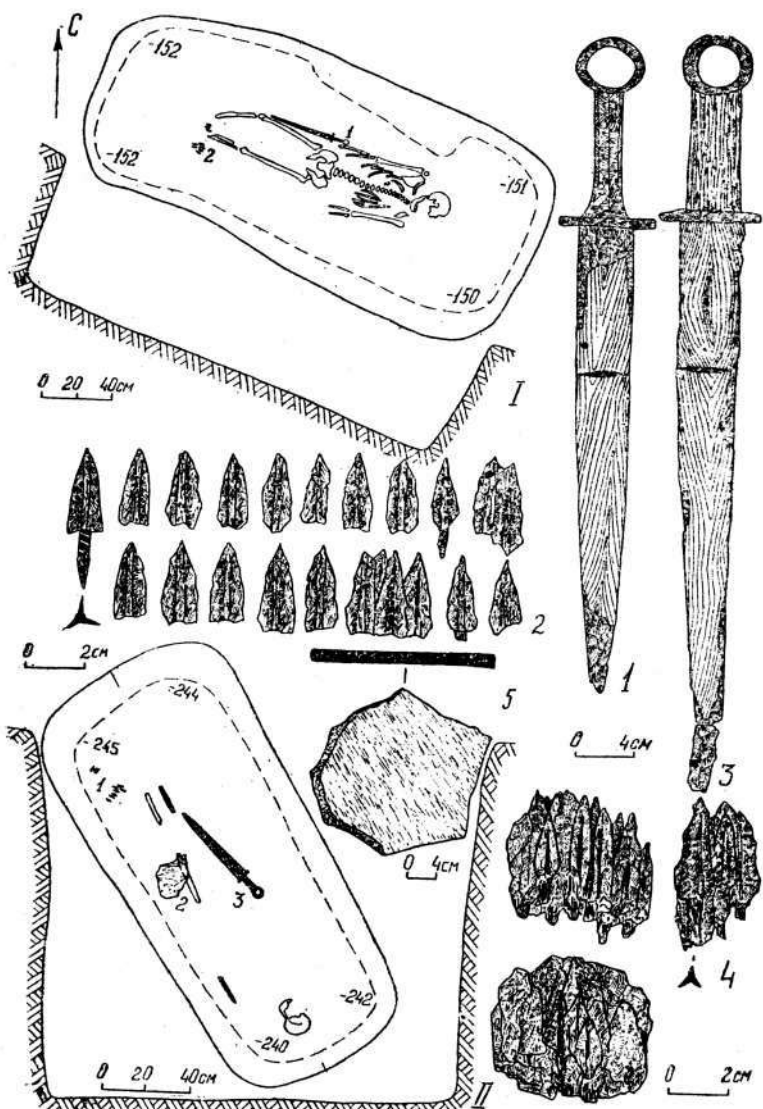

Рис. 15. Курганы 12/32 и 13/35 I Чертовницкого могильника: I — погребение кургана 12/32: 1—2 — инвентарь; II — погребение кургана 13/35: 3—5 — инвентарь

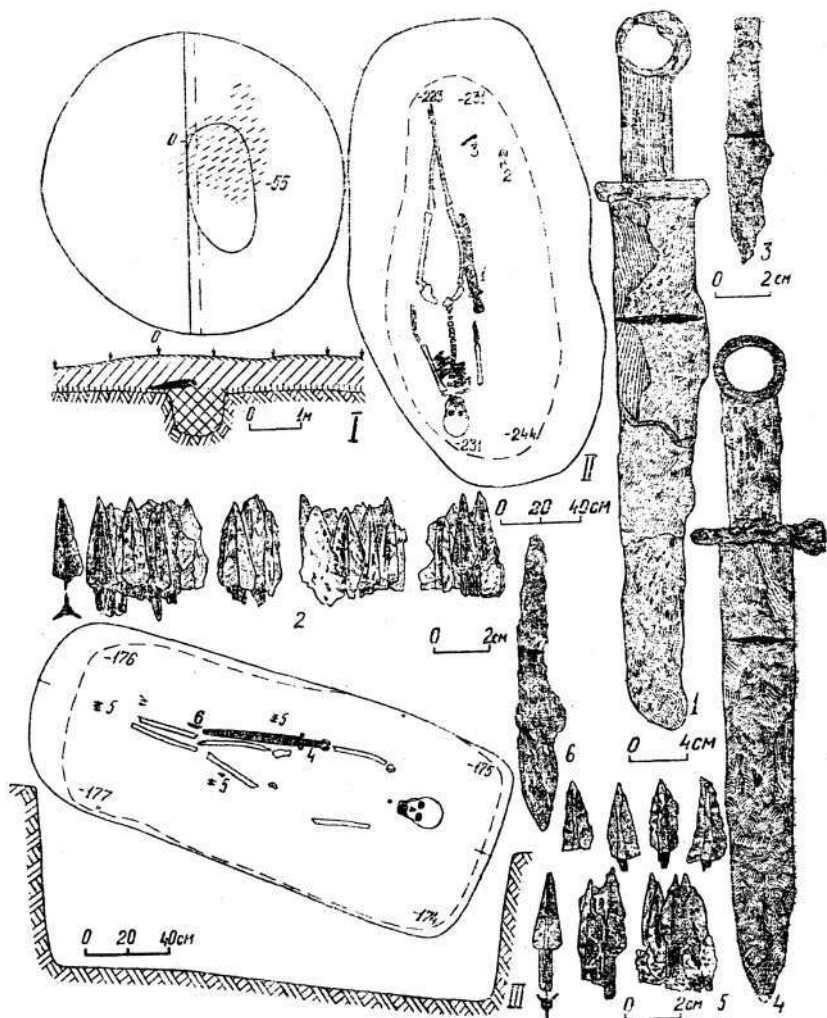

Рис. 16. Курганы 14/24 и 17/47 I Чертовяцкого могильника: I — курган 14/24; II — погребение кургана 14/24: 1—3 — инвентарь; III — погребение кургана 17/47: 4—6 — инвентарь

Курган 15/49. Диаметр его насыпи 8 м, высота 0,4 м. Под насыпью погребения не обнаружено. Возможно, что это курган-кенотаф.

Курган 16/52. Его диаметр 6 м, высота 0,2 м. Могила находилась несколько северо-восточнее вершины. Она имела удлиненно-прямоугольную форму 0,7×2,1 м, при глубине 0,69 м и была ориентирована по линии запад — восток. Скелет погребенного и какие-либо находки отсутствовали.

Курган 17/47. Диаметр его насыпи 6 м, высота 0,3 м. В юго-восточном секторе встречено скопление зубов лошади. Погребение совершено в прямоугольной яме размером 1×2,3 м, глубиной 1,77 м (рис. 16, III). Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на восток — юго-восток. Вдоль его бедра положен железный меч с кольцевым навершием длиной 48 см (рис. 16, 4). У его острия найден железный нож (рис. 16, 6). В ногах лежали железные трехлопастные наконечники стрел в количестве 36 экземпляров (рис. 16, 5). У нижней челюсти обнаружен фрагмент бронзового украшения в виде трубочки.

Курган 18/44 (рис. 17, I). Его диаметр 8 м, высота 0,4 м. В юго-восточном секторе насыпи обнаружена лепная миска, перевернутая вверх дном (рис. 17, I). В северной части насыпи встречались кости животных. Погребение совершено в яме овальной формы размерами 1,55×2,9 м, глубиной 2,18 м (рис. 17, II). Вдоль ее поперечных сторон имелись заплечики, на которых сохранились остатки перекрытия из продольно положенных плах шириной 25—30 см и толщиной до 10 см. В заполнении встречались куски обгорелого дерева и угли. От скелета погребенного уцелела черепная крышка и отдельные кости ног. В северо-восточной части могилы лежал сероглиняный гончарный кувшин (рис. 17, 2). В центральной части ямы найдено бронзовое колечко (рис. 17, 3).

Курган 19/19 (рис. 18, I). Диаметр его насыпи 6 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в могиле прямоугольной формы, несколько искаженной в восточной части невысокой приступкой (рис. 18, II). Размеры ямы 1,5×2,9 м, глубина 1,7 м. Скелет погребенного лежал на спине вытянуто, головой на юго-восток. Кости ног скрещены в голених. Вдоль правой ноги положен железный меч с кольцевым навершием длиной 45 см (рис. 18, I). У его рукояти найдено бронзовое колечко (рис. 18, 5). Между левой ногой и стенкой находились железные удила (рис. 18, 2). Поблизости обнаружены два трехлопастных черешковых наконечника стрел из железа

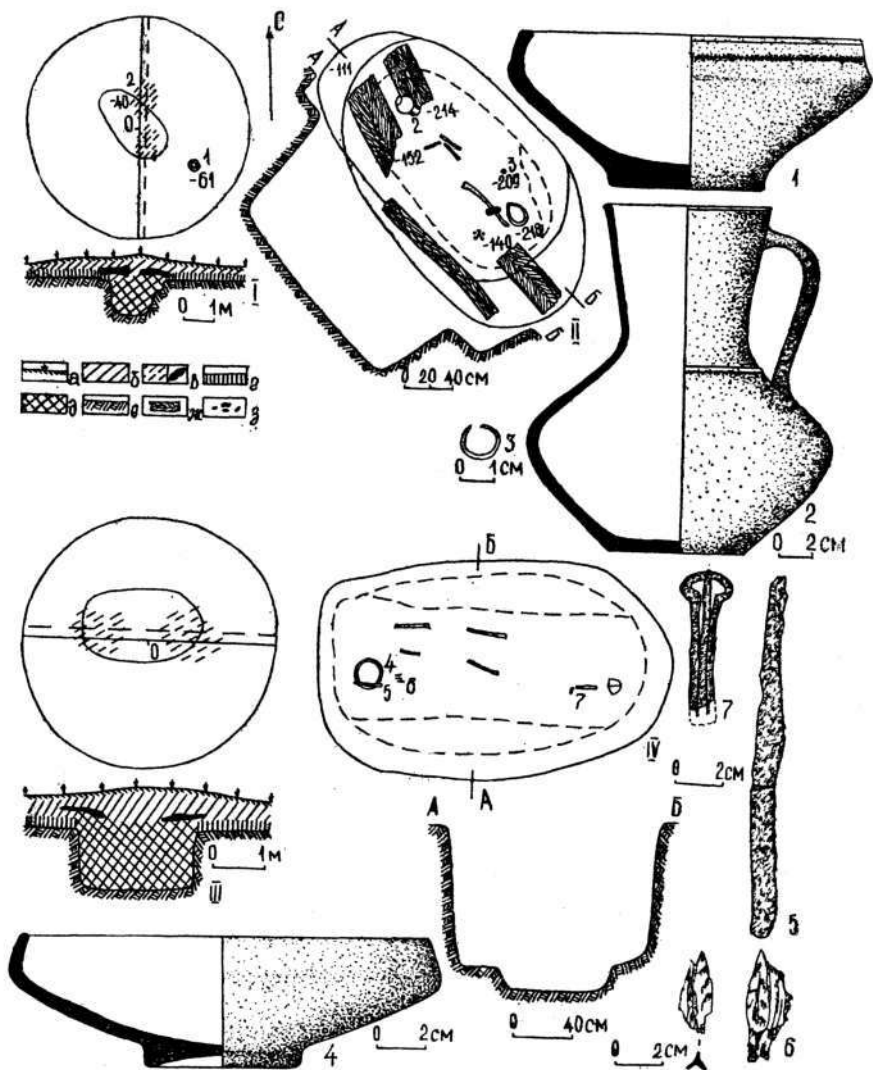

Рис. 17. Курганы 18/44 и 20/34 I Чертовичского могильника: I — курган 18/44: I — насыпь; II — погребение кургана 18/44: 2—3 — инвентарь; III — курган 20/34: IV — погребение: 4—7 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — дерево, з — угли.

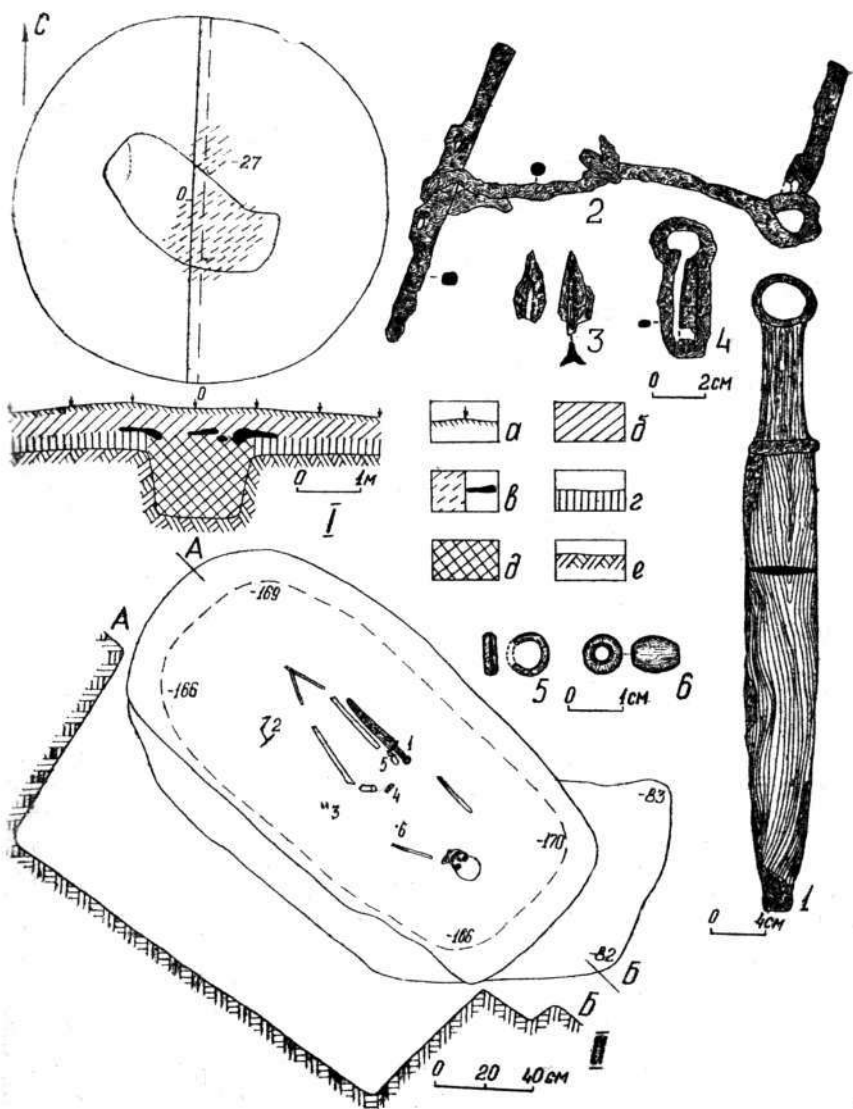

Рис. 18. Курган 19/19 I Чертовичского могильника: I — курган, II — погребение: 1—6 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — матрикс

(рис. 18, 3). В области таза встречена железная пряжка с фигурной рамкой (рис. 18, 4). В районе груди лежала стеклянная бусина с внутренней позолотой (рис. 18, 6).

Курган 20/34 (рис. 17, III). Диаметр его насыпи 5 м, высота 0,25 м. Погребение совершено в овальной яме $1,95 \times 2,35$ м, глубиной 2,13 (рис. 17, IV). От погребенного сохранилась часть черепной крышки и отдельные кости конечностей. Скорее всего он был положен на спине, вытянуто, головой на восток. В ногах стояла лепная чернолощенная миска на поддоне (рис. 17, 4), в которой находился железный нож (рис. 17, 5). Поблизости найдены три железных трехлопастных черешковых наконечника стрел (рис. 17, 6). На плечевой кости левой руки лежала фрагментированная железная пряжка с фигурной рамкой (рис. 17, 7).

Курган 21/54. Размеры его насыпи 5×6 м, высота 0,3 м. Могильная яма обнаружена несколько южнее вершины кургана. Она имела овальную форму и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Ее размеры $1 \times 1,9$ м, глубина 1,05 м. В заполнении встречен кусок кремня и зуб лошади. Скелет погребенного не сохранился.

Курган 22/30. Размеры его насыпи 4×5 , высота 0,3 м. Могильная яма находилась под ее вершиной, имела удлиненно-овальную форму и была ориентирована по линии север — юг. Размеры ямы $0,5 \times 1,4$ м, глубина 0,5 м. Скелета и инвентаря не обнаружено.

Курган 23/38. Его диаметр 5 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в прямоугольной яме $1 \times 2,5$ м, глубиной 1,21 м (рис. 19, I). Вдоль ее южной стенки лежала деревянная плаха от гробовища. От костяка сохранились лишь два обломка трубчатых костей, найденные в центре могилы. Рядом с ними обнаружены фрагменты железного ножа (рис. 19, 5) и румяна. Ближе к западной стенке стояла круговая чернолощенная миска (рис. 19, 1). Ее дно покрыто множеством неглубоких наколов. Рядом с миской найдена чернолощенная вазочка на высоком коническом поддоне, украшенная врезным орнаментом (рис. 19, 4). В юго-западном углу на боку лежала массивная курильница (рис. 19, 2), в которой находилась маленькая курильница с отверстием в стенке (рис. 19, 3).

Курган 24/17. Его диаметр 4 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в яме прямоугольной формы размером $1,2 \times$

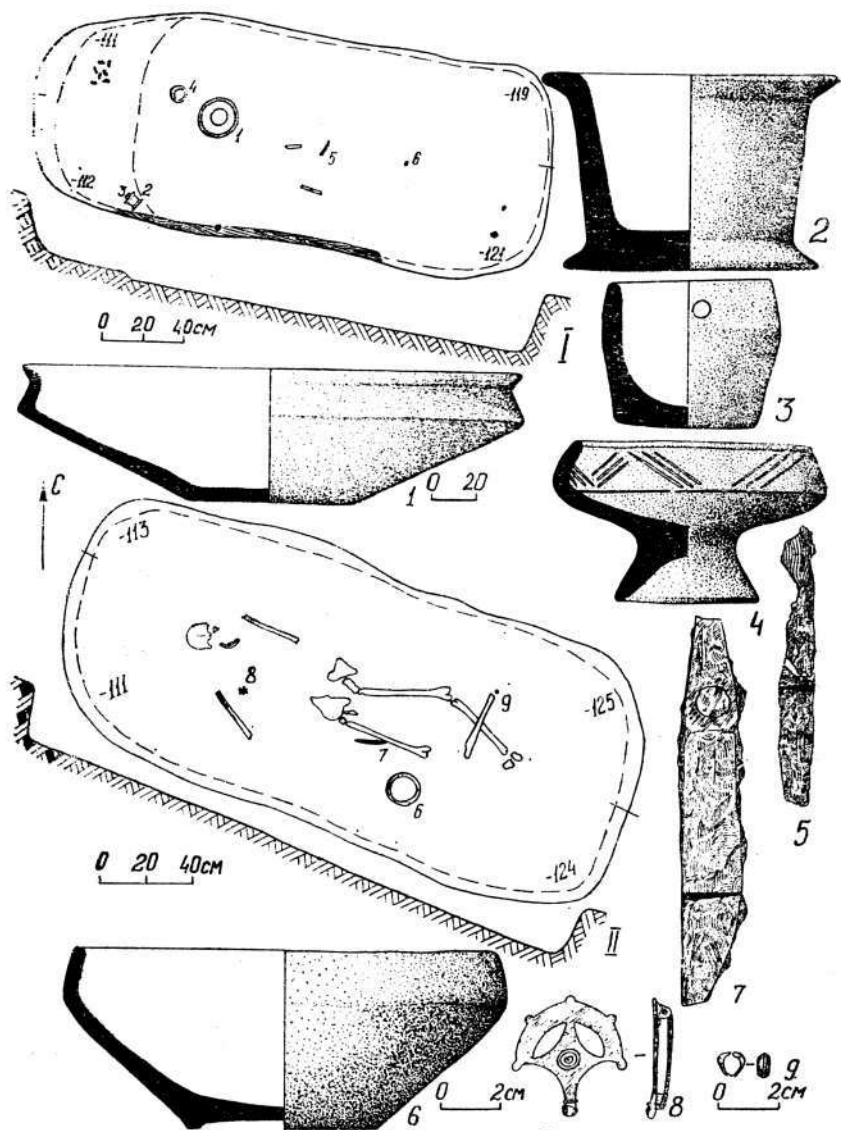

Рис. 19. Курганы 23/38 и 24/17 I Черволицкого могильника: I — погребение кургана 23/38: 1—5 — инвентарь; II — погребение кургана 24/17: 6—9 — инвентарь

×2,6 м, глубиной 1,25 м (рис. 19, II). Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Справа от ног стояла лепная миска на поддоне (рис. 19, 6). Вдоль правого бедра положен массивный железный нож (рис. 19, 7). У левой голени найдена бронзовая обоймочка (рис. 19, 9). В области грудной клетки встречена бронзовая фибула-брошь (рис. 19, 8).

Курган 25/1 (рис. 20, I). Его диаметр 5 м, высота 0,35 м. Содержал два погребения. Погребение 1 относится к поселению эпохи бронзы, погребение 2 сарматского времени. Последнее совершено в яме прямоугольной формы 0,8×1,4 м, глубиной 1,7 м (рис. 20, II). От скелета сохранился только череп, найденный в восточной части могилы. Рядом с ним обнаружено украшение из двух бронзовых колец, продетых одно в другое с петлей для подвешивания (рис. 20, I). Справа от черепа встречена янтарная бусина (рис. 20, 2).

Курган 26/37 (рис. 20, III). Диаметр его насыпи 4 м, высота 0,2 м. Погребение совершено в яме прямоугольной формы 0,8×1,65 м, глубиной 2,07 м (рис. 20, IV). В северной ее части имелась приступка. Скелет погребенного не сохранился. На дне стояла лепная лощеная миска на поддоне (рис. 20, 3). В ней лежал железный нож (рис. 20, 4). У южного угла могилы найдены фрагменты железного изделия и зеленая пастовая бусина (рис. 20, 5).

Курган 27/7. Его размеры 5×7 м, высота 0,4 м. Погребение совершено в прямоугольной яме 1,15×2,45 м, глубиной 1,43 м (рис. 21, I). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юг — юго-восток. Кости его ног образуют ромб. В ногах стояла круговая чернолощенная миска (рис. 21, I). В ней найден фрагментированный железный нож (рис. 21, 7). Рядом с миской лежали железные удила (рис. 21, 2) и три бронзовые обоймочки с продетыми в них крест-накрест тонкими ремешками (рис. 21, 4). Здесь же обнаружена двойная бронзовая перевитая проволочка (рис. 21, 5). В ногах встречено десять железных трехлопастных наконечников стрел (рис. 21, 3). В области пояса найдена бронзовая пряжка с фигурной рамкой, орнаментированной насечками, образующими зигзаг (рис. 21, 6). На пряжке сохранились остатки ремня. Между левой бедренной костью и стенкой ямы лежали зубы лошади.

Курган 28/36. Его размеры 4,5×6 м, высота 0,25 м. В насыпи под вершиной отмечено скопление углей. Могила име-

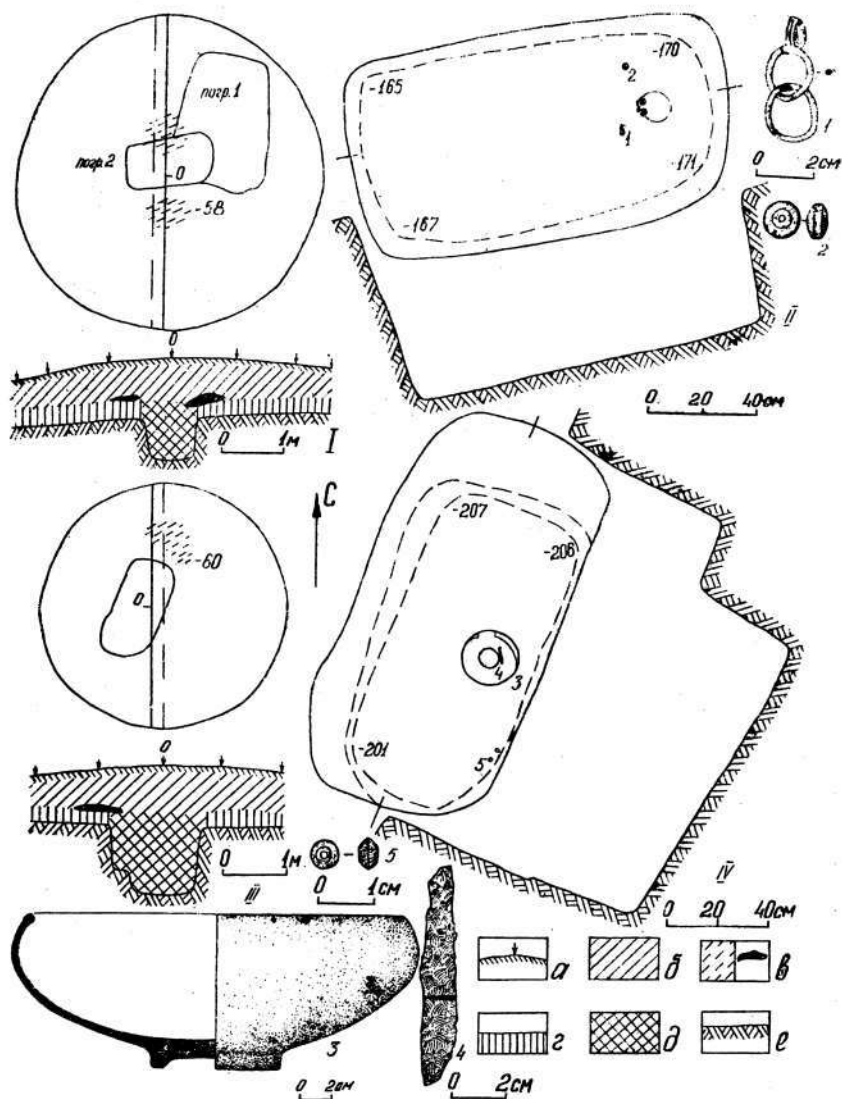

Рис. 20. Курганы 25/1 и 26/37 I Чертовичского могильника: I — курган 25/1; II — погребение 2 кургана 25/1: 1—2 — инвентарь; III — курган 26/37; IV — погребение кургана 26/37: 3—5 — инвентарь; а — дери, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва. д — заполнение, е — материк

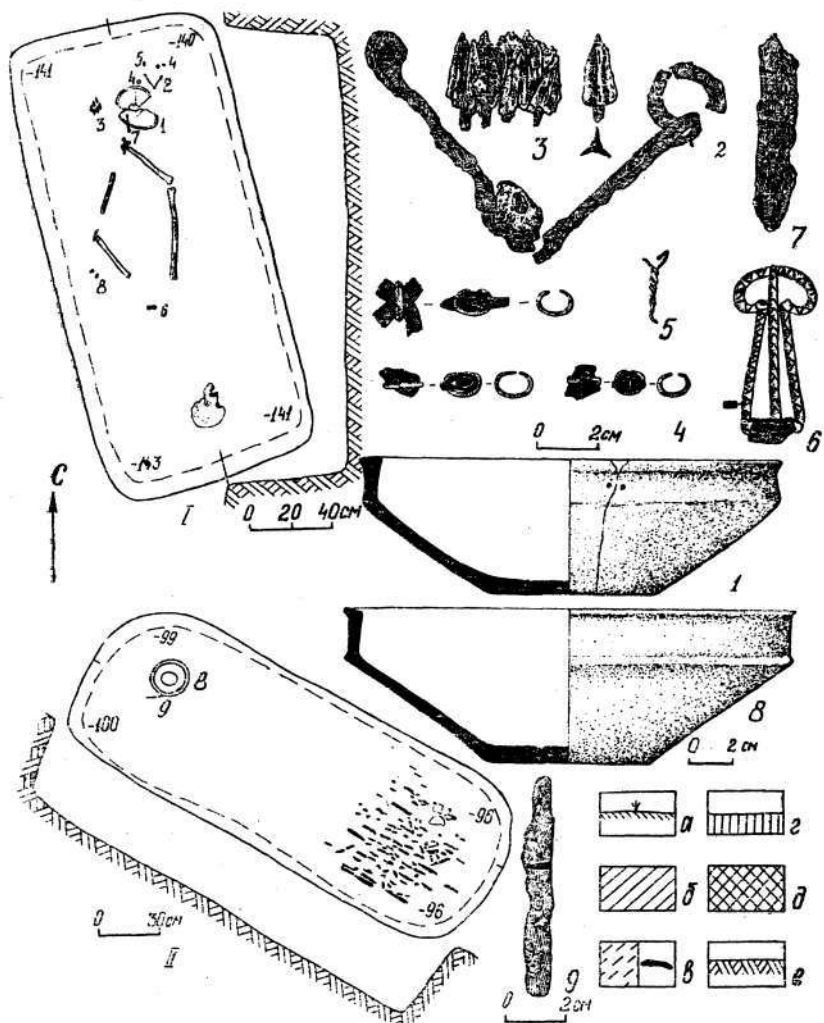

Рис. 21. Курганы 27/7 и 28/36 I Чертовичского могильника: I — погребение кургана 27/7: 1—7 — инвентарь; II — погребение кургана 28/36: 8—9 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

ла прямоугольную форму $0,9 \times 2,2$ м, глубина 1 м (рис. 21, 11). Юго-восточная половина ямы заполнена обгорелым деревом и углями, а на дне сохранились следы прокала. От скелета уцелела часть черепной крышки, найденная в юго-восточной половине могилы. В северо-западной половине стояла круговая сероглиняная миска (рис. 21, 8). Рядом найден железный нож (рис. 21, 9).

Курган 29/21. Его диаметр 5 м, высота 0,15 м. Погребение совершено в яме прямоугольной формы $0,75 \times 2,1$ м, глубиной 2,04 м (рис. 22, 1). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юго-восток, кости ног перекрещены в голенях. Справа от него положен железный меч с кольцевым навершием длиной 57 см (рис. 22, 1). В ногах обнаружено 40 железных трехлопастных наконечников стрел (рис. 22, 2). Под черепом найдено колечко из витой серебряной проволоки (рис. 22, 4). Справа от черепа встречен фрагмент круглой мозаичной бусины с ромбическим орнаментом (рис. 22, 3).

Курган 30/51. Его диаметр 6 м, высота 0,2 м. В северо-западной поле обнаружена лепная лощеная миска (рис. 22, 5). У западного края полы на уровне материка найден развал лепного сосуда, относящегося к поселению эпохи бронзы. Погребение не обнаружено. Вероятно, это курган-кенограф.

Курган 31/53. Размеры его насыпи 4×5 м, высота 0,2 м. Погребение встречено несколько южнее вершины кургана. Оно совершено в яме прямоугольной формы $0,7 \times 1,3$ м; глубина 1,44 м. Скелета погребенного и инвентаря не обнаружено.

Курган 32/3. Его диаметр 6 м, высота 0,3 м. Погребение совершено в могиле прямоугольной формы $1,2 \times 2,3$ м, глубиной 1,53 м (рис. 22, 11). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юго-восток. Вдоль его правого бедра положен железный меч с кольцевым навершием (распалось) длиной 47 см (рис. 22, 6). На его клинке найден фрагментированный железный нож (рис. 22, 8). В области таза обнаружены обломки железных удил (рис. 22, 9). В ногах стояла лепная чернолощенная миска (рис. 22, 7). Здесь же встречена железная, полностью корродированная пряжка. Вторая пряжка, имевшая прямоугольную рамку, находилась в области грудной клетки (рис. 22, 10). Рядом обнаружен фрагмент изогнутого железного стерженька. Справа от черепа погребенного лежала крупная бусина овальной формы из

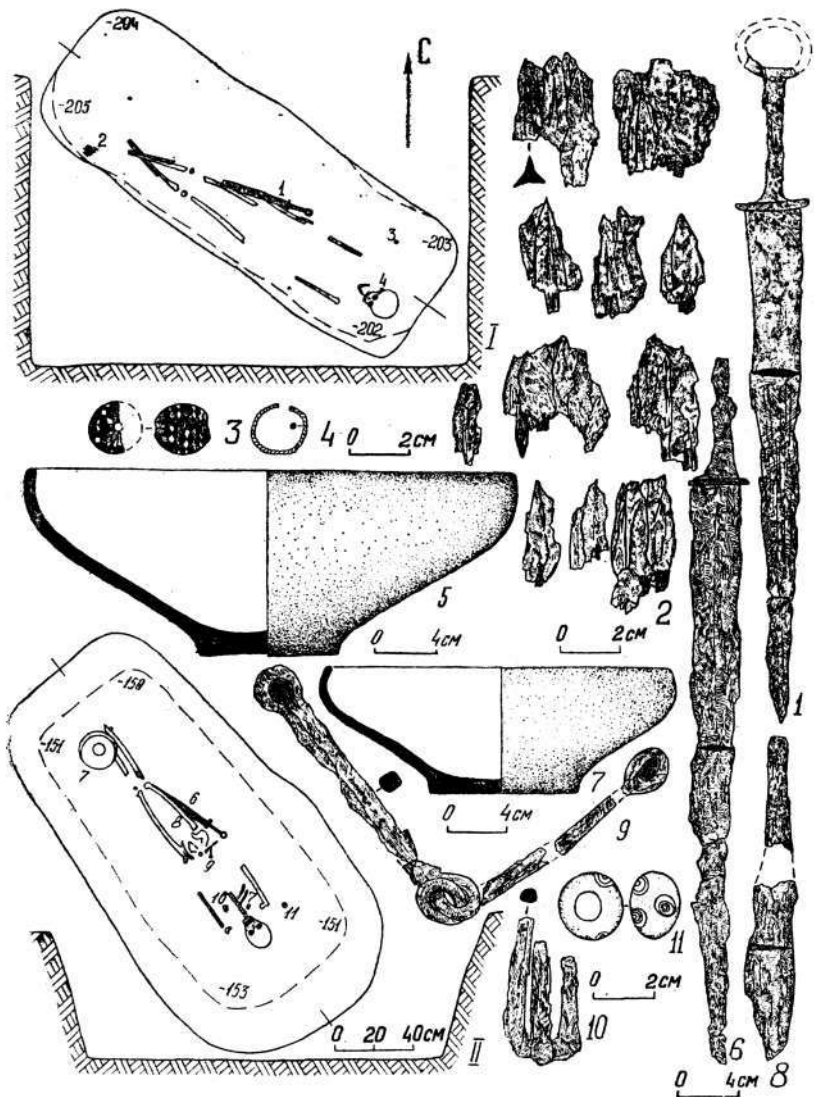

Рис. 22. Курганы 29/21, 30/51 и 32/3 I Чертовичского могильника: I — погребение кургана 29/21: 1—4 — инвентарь; II — погребение кургана 32/3: 6—11 — инвентарь; 5 — насыпь кургана 30/51

засты грязно-фисташкового цвета, орнаментированная крупными желтыми глазками (рис. 22, 11).

Курган 33/45. Его диаметр 5 м, высота 0,25 м. В юго-западной поле насыпи на уровне древней поверхности встречены остатки черепа лошади. Погребение совершено несколько западнее вершины кургана в яме прямоугольной формы 1,1×1,8 м, глубиной 1,6 м, ориентированной по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток. В заполнении встречались отдельные кости человека и угли. На дне могилы скелета погребенного и инвентаря не обнаружено.

Кроме курганов на площади могильника исследованы четыре грунтовых погребения. На современной поверхности они не имели каких-либо видимых признаков и были обнаружены в межкурганых пространствах при исследовании могильника сплошными раскопками.

Грунтовое погребение 1 (рис. 23, I). Совершено в яме прямоугольной формы 1,2×2,48 м, глубиной 0,41 м от уровня материка, ориентированной по линии запад — восток. От скелета сохранился череп и отдельные кости, судя по которым он ориентирован головой на восток. Справа лежал железный меч с кольцевым навершием длиной 45 см (рис. 23, I). Здесь же стояла круговая сероглиняная миска (рис. 23, 2).

Грунтовое погребение 2 (рис. 24, I). Могильная яма имеет прямоугольную форму 1,05×2,45 м, глубиной 0,8 м, ориентирована по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток. На дне фиксировалась подсыпка из белого песка. Скелет лежал на спине вытянуто, головой на восток — юго-восток. Руки были сложены на груди. В ногах найдено шесть сосудов: круговая сероглиняная миска (рис. 24, 1), в которой лежали кости крупного животного и железный нож (рис. 24, 8), круговой сероглиняный сосудик с биконическим туловом и раструбовидным горлом (рис. 24, 2), краснолаковый канфар с отбитой в древности ручкой (рис. 24, 6), чернолощенная ребристая курильница (рис. 24, 4), в которой находилась маленькая бочковидная курильница с отверстием в стенке (рис. 24, 5) и лепная чашечка на полом поддоне (рис. 24, 3). Под последней находилось пряслице в виде усеченного конуса (рис. 24, 7). На ней же лежало бронзовое зеркало с плоским диском и ручкой-штырем (рис. 24, 9).

Грунтовое погребение 3 (рис. 23, II). Совершено в яме прямоугольной формы 0,7×1,4 м, глубиной 0,72 м, ориентированной по линии запад — восток с отклонением к северу. В заполнении встречено пряслице, скорее всего попавшее сюда

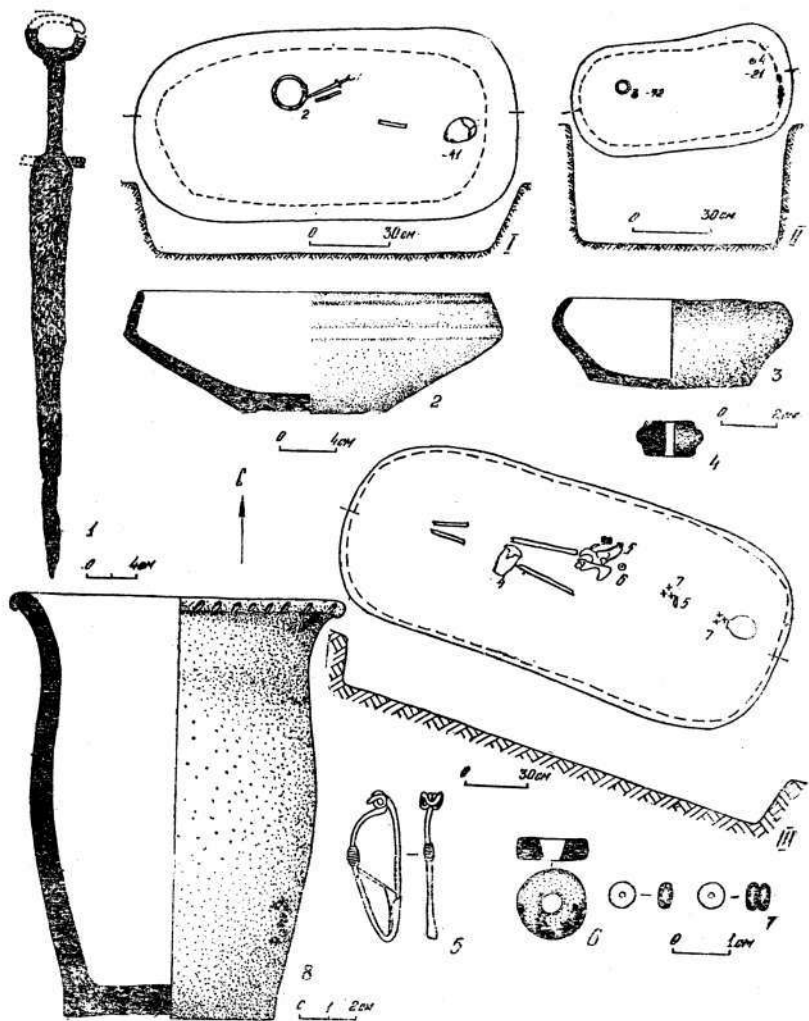

Рис. 23. Грунтовые погребения I Чертовичского могильника: I — грунтовое погребение 1: 1—2 — инвентарь; II — грунтовое погребение: 3—4 — инвентарь; III — грунтовое погребение 4; 5—8 — инвентарь

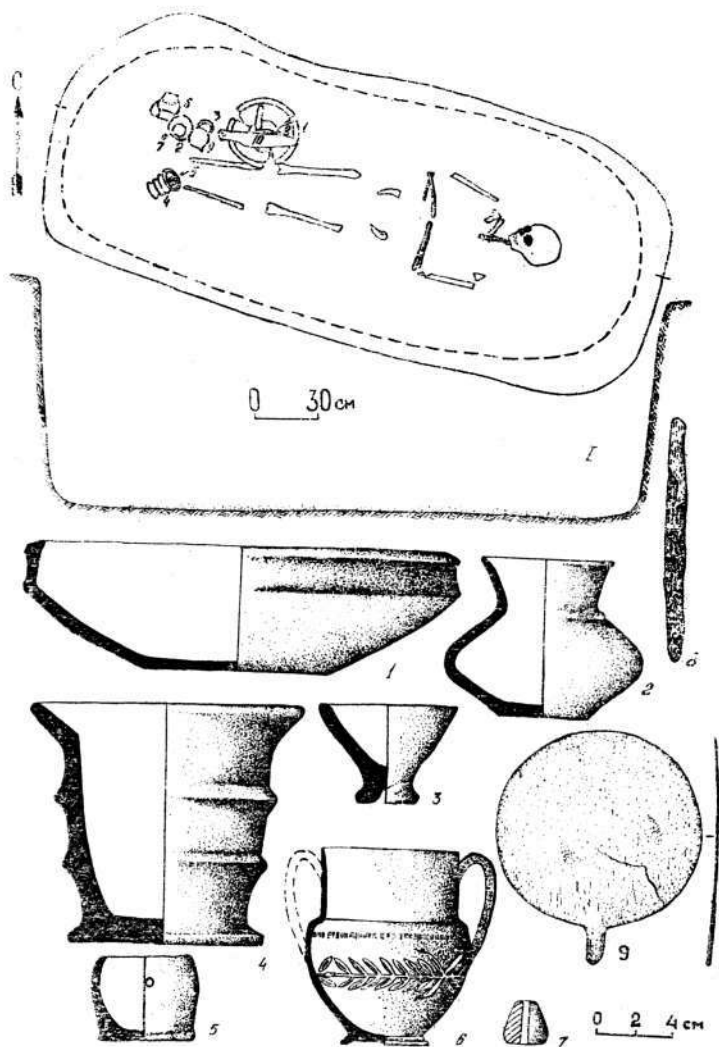

Рис. 24. Грунтовое погребение 2 I Чертовнического могильника: I — погребение; 1—9 — инвентарь

из слоя поселения скифского времени (рис. 23, 4). Скелет отсутствовал. В западной части могилы стояла лепная чернолощенная мисочка грубой работы (рис. 23, 3).

Грунтовое погребение 4 (рис. 23, III). Совершено в яме прямоугольной формы $0,95 \times 2,1$, глубиной $0,25$ м. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на восток — юго-восток. На тазовых костях найдены остатки черепа лошади, а рядом — плоское красноглиняное пряслице (рис. 23, 6). В районе коленей находился лепной горшок (рис. 23, 8). В области груди встречена бронзовая лучковая фибула (рис. 23, 5). Здесь же и рядом с черепом найдено 11 мелких синих стеклянных бус (рис. 23, 7).

Анализ I Чертовницкого могильника начнем с разработки его хронологии. В предварительном плане датировка памятника обоснована в специальной статье, написанной по материалам первого сезона раскопок². Исследования последующих лет дали более многочисленный и серийный материал, что позволило не только уточнить время функционирования могильника, но и выявить в нем несколько хронологических групп погребений.

Вначале остановимся на датировке курганных захоронений. Среди них выделяется устойчивая группа погребений, сопровождаемых короткими мечами с кольцевым навершием и наборами трехлопастных черешковых наконечников стрел (курганы 9/13, 12/32, 13/35, 14/27, 17/47, 19/19, 29/21, 32/3). Время наибольшего распространения мечей этого типа — I в. до н. э. — I в. н. э., хотя отдельные экземпляры изредка встречаются и во II в. н. э.³ Трехлопастные железные наконечники стрел с короткими черешками представляют основной тип в колчаных наборах сусловского времени, но известны и позже в погребениях позднесарматской культуры. Однако, как установил К. Ф. Смирнов, большое число наконечников стрел в погребениях уже само по себе является важным хронологическим показателем, ограничивающим время их совершения I в. до н. э. — I в. н. э., так как в последующие века обычай класть в мужскую могилу колчан со множеством стрел заменяется символическим положением нескольких или даже одного наконечника⁴. Исходя из формального сопоставления времени распространения мечей и наконечников стрел указанных типов, всю группу этих захоронений следовало бы отнести к I в. до н. э. — началу II в. н. э. Однако нужно отметить, что в могильнике нам не удалось обнаружить ни одного погребения с материалами только I в. до н. э.⁵ В то же

время здесь выделяется целая серия погребений, определенно датированных I в. н. э. Прежде всего это погребения курганов 4/9, 19/19, 20/34, 27/7, содержащие пряжки с фигурной рамкой в виде вытянутой трапеции или прямоугольника, завершающейся округлой головкой. Многочисленные хорошо датированные аналогии им известны в могильниках Центральной Европы, относящихся к ступени В, периодизации Г. Эггерса⁶. К серии погребений I в. н. э. следует отнести захоронение кургана 3/42, содержащее сероглиняный кувшинчик с биконическим туловом и растробовидным горлом I — начала II вв. н. э.⁷, а также обломок бронзового зеркала с валиком по краю диска раннесарматского типа, доживающего до I в. н. э.⁸ К тому же времени принадлежит погребение кургана 11/15, сопровождаемое сероглиняным кувшином I — II вв.⁹ и красноглиняным бальзамарием I в. н. э.¹⁰ Этим же временем нужно датировать и погребение кургана 1/16, содержавшее кроме длинного меча с бронзовым перекрестием и набора из 40 наконечников стрел мозаичную бусину с поперечным пояском, украшенным изображением четырехлистника¹¹.

Следующую группу составляют погребения второй половины I — начала II вв. н. э. Время совершения погребения I кургана 2/41 определяют находки зеркала, бус, фибулы. Зеркало близко варианту 3 зеркал-подвесок классификации М. П. Абрамовой, распространенному во II—III вв. н. э., но появляющемуся уже в I в. н. э.¹² К I в. н. э. относятся и ожерелье, в состав которого входили глазчатые бусы, бусина с глазчато-крестовидным орнаментом и гагатовые стрелковидные подвески¹³. Лучковая фибула второго варианта позволяет ограничить время совершения этого захоронения второй половиной I — началом II в. н. э.¹⁴

Датируемыми вещами погребения в кургане 5/40 являются бусы, зеркало и серьги. За исключением одной, все пронизи из египетского фаянса с изображением скарабеев относятся к типу 50 в, датированному Е. М. Алексеевой преимущественно I в. н. э.¹⁵ Пронизи с изображениями львов принадлежат типам 67 и 68 б, распространенным в I—II вв. н. э.¹⁶ К тому же времени относятся подвески-амфорки и округло-ребристая бусина¹⁷. Пронизи с изображением лягушки типов 55 и 57 б бытуют в Северном Причерноморье только в I в. н. э.¹⁸ Тем же временем датируются плакетка с головой Гора¹⁹, мозаичные круглые и плоскогранные бусы, а также глазчатые бусы типа 104. Наиболее вероятное время

попадания бус указанных типов в состав одного ожерелья — I в. н. э. Вместе с бусами найдено такое же зеркало-подвеска, что и в погребении I кургана 2/41. Эта находка может служить свидетельством того, что данное захоронение скорее всего совершено ближе к концу I в. н. э. Золотые серьги позволяют еще больше уточнить его дату. Им известна близкая аналогия в погребении кургана 26 у хут. Алитуб²⁰, датированном началом второй половины I в. н. э.²¹ К этому времени можно было бы отнести и погребение в кургане 5/40. Однако чертовицкие серьги имеют следы длительного ношения, что позволяет на несколько десятилетий омолодить дату интересующего нас захоронения.

Близкую датировку имеет погребение в кургане 6/11. Найденная в нем лучковая фибула, несмотря на некоторые особенности, принадлежит второму варианту. При погребенном был длинный меч без металлического навершия и перекрестия. Такие мечи начинают господствовать в сарматском мире со II в. н. э., хотя зарождаются несколько раньше. Наконец, существенное уточнение в датировку данного комплекса может внести сероглиняный кувшин в виде бочонка. Единственная близкая ему аналогия — сосуд из катакомбы кургана 32 группы «Девять братьев» на Кубани, датированной по римским импортным изделиям второй половиной I в. н. э.²² Уникальность формы обоих сосудов позволяет допустить их хронологическую близость, что служит важным аргументом в пользу датировки погребения в кургане 6/11 второй половиной I — началом II вв. н. э. К этому же времени относится захоронение кургана 24/17 с фибулой-брошью провинциального типа без эмали²³. Возможно, одним из наиболее поздних было погребение 2 кургана 25/1. Найденная в нем ятарная бусина принадлежит типу, зарождающемуся в I в., но получившему наибольшее распространение во II—III вв. н. э.²⁴ О более позднем времени совершения захоронений в курганах 24/17 и 25/1 свидетельствует их местоположение на окраине могильника и ориентировка в северную половину круга, отличная от остальных погребений.

Теперь рассмотрим комплексы грунтовых погребений. Погребение 1 датируется I в. н. э. по сочетанию меча с кольцевым навершием и круговой сероглиняной миски, так как последние получают широкое распространение начиная с рубежа н. э. Более точно определяется время совершения погребения 2. Обе найденные в нем курильницы характерны для погребений I — начала II в. н. э. Зеркало с плоским диском

и ручкой-штырем также принадлежит типу, наиболее распространенному в сусловское время²⁵. Круговой сероглиняный кувшинчик с биконическим туловом позволяет сузить дату комплекса до I — начала II вв. Ее бы мог существенно уточнить канфар, принадлежащий ранней группе краснолаковой керамики рубежа н. э.²⁶ Но следы его длительного употребления указывают на то, что в комплексе он попал гораздо позже времени изготовления. Датировку погребения 4 определяет лучковая фибула с подвязным приемником второго варианта, распространенного во второй половине I — начале II вв. н. э.

Проведенный выше хронологический анализ показал, что как курганные, так и грунтовые погребения совершались в могильнике в одно и то же время — в I — начале II вв. н. э. Однако все хорошо датированные захоронения прихороняются на вторую половину I — начало II вв. Такая датировка подтверждается расчетом времени функционирования могильника по методике Я. А. Шера²⁷. Он мог служить кладбищем одной родо-племенной группы три-четыре поколения, т. е. 60—80 лет.

2. II Чертовичский могильник

Памятник находится в 3 км к северу от I Чертовичского могильника и занимает часть мыса, на оконечности которого расположено Животинное городище (рис. 25, А—Б). В могильнике насчитывается 30 курганов. Большинство из них обычной круглой формы диаметром 5—10 м, высотой 0,2—0,5 м. Вместе с тем здесь есть насыпи своеобразной эллипсоидной формы. Их минимальные размеры 4×10 м при высоте 0,3—0,4 м, а максимальные 7×20 м при высоте до 1 м. Длинные насыпи ориентированы продольной осью по линии север—юг, иногда с незначительным отклонением. На многих из них видны западины от грабительских шурфов. В могильнике исследовано пять курганов с длинными и восемь с круглыми насыпями. Из них ранее был опубликован лишь курган II, раскопанный в 1979 г.²⁸

Курган 1. Насыпь круглая диаметром 8 м, высотой 0,3 м. Могила обнаружена в 1,4 м к северу — северо-западу от вершины кургана. Она имела прямоугольную форму 0,8×2 м, глубина 1,46 м. Скелета и инвентаря не обнаружено.

Курган 3. По форме насыпи он также относится к числу обычных круглых. Его диаметр 8 м, высота 0,25 м. Погребение находилось под северо-восточной полкой насыпи. Кон-

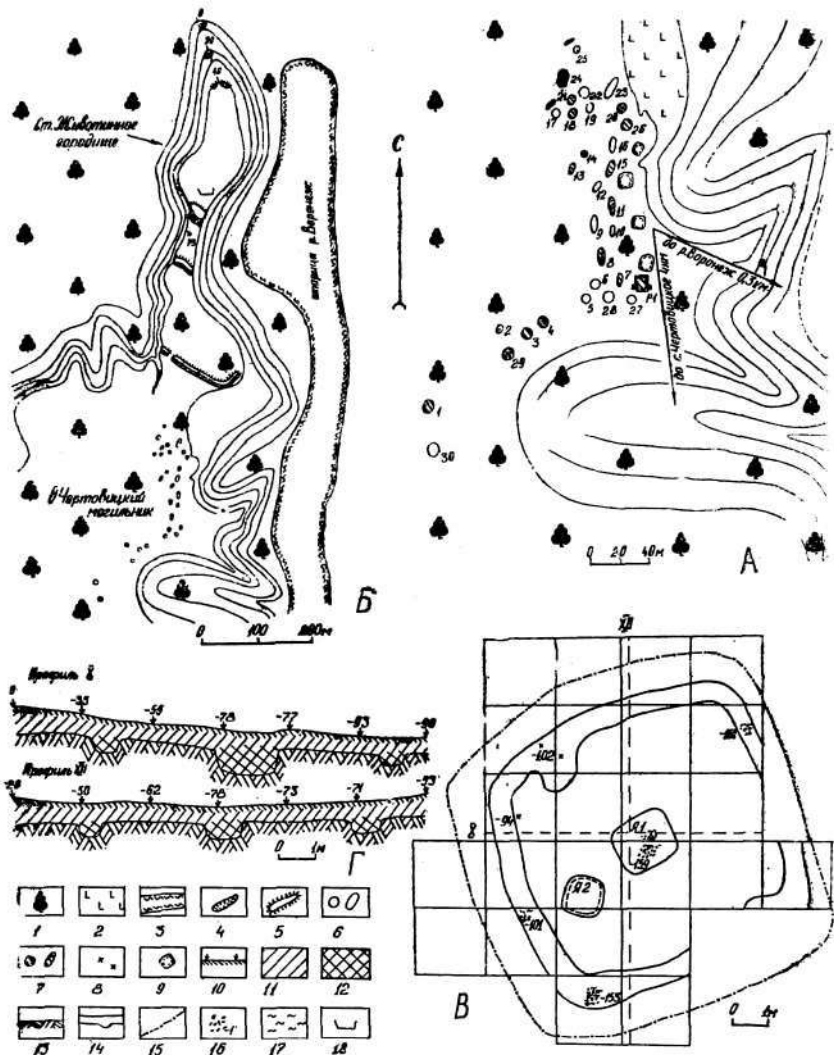

Рис. 25. II Чертовский могильник и Животинное городище: А — план II Чертовского могильника; Б — план Животинного городища; В — сооружение 1 II Чертовского могильника; 1 — лес, 2 — вырубка, 3 — вода, 4 — ров, 5 — вал, 6 — неисследованные курганы, 7 — исследованные курганы, 8 — находки керамики, 9 — западина, 10 — дерн, 11 — подзол, 12 — заполнение, 13 — материк, 14 — канавка, 15 — границы западин, 16 — угли, 17 — зола, 18 — грунтовый могильник

туры ямы нарушены грабительским шурфом. Она имела прямоугольную форму $0,9 \times 2,05$ м, глубина 1,53 м и ориентирована по линии север — юг. Шурф захватил всю ее северную половину. В его заполнении найдена трубчатая кость человека и несколько фрагментов лепного сосуда. Непотревоженной оказалась только южная часть ямы. Здесь обнаружен череп погребенного плохой сохранности, под челюстью которого найдена снизка из 11 пастовых биконических бус синего цвета (рис. 26, 1).

Курган 4 (рис. 26, 1). Имеет круглую насыпь диаметром 6 м, высотой 0,2 м. В ее северной поле обнаружена обгорелая плашка и несколько углей. Погребение совершено в узкой яме $0,65 \times 2,1$ м, глубиной 1,51 м, ориентированной по линии север — юг с отклонением к востоку (рис. 26, II). Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юг с значительным отклонением к востоку. Каких-либо находок при нем не обнаружено.

Курган 7. По форме насыпи относится к числу длинных. Насыпь ориентирована осью по линии север — юг. Ее размеры 5×10 м, высота 0,4 м. На уровне погребенной почвы зафиксирована тонкая глинистая прослойка коричневого цвета толщиной 4—8 см. В южной части насыпи встречались фрагменты лепной керамики. Здесь обнаружена могильная яма прямоугольной формы $0,7 \times 1,5$ м, глубиной 1,44 м, ориентированная по линии север — юг. В заполнении встречено несколько фрагментов лепной керамики от того же сосуда, обломки которого найдены в насыпи. Скелет погребенного не обнаружен. Погребение ограблено.

Курган 8. Насыпь кургана эллипсоидной формы 8×16 м, высотой 0,5 м, ориентирована длинной осью по линии север — юг. Несколько южнее ее вершины имеется западина от грабительского шурфа. Так же, как и в кургане 7, на уровне древней поверхности прослежена тонкая глинистая прослойка. Шурф точно попал в могильную яму. Она имела прямоугольную форму $1 \times 2,3$ м, глубина 1,83 м и ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. В заполнении шурфа встречены две гагатовые бусины (рис. 26, 2) и фрагменты круговой сероглиняной миски, которую удалось реставрировать (рис. 26, 3). Скелет погребенного не сохранился. Погребение ограблено.

Курган 11 (рис. 27, 1). Насыпь вытянутой эллипсоидной формы 6×16 м, высотой 0,6 м ориентирована по линии север — юг. Под ее вершиной на уровне древней поверхности найден железный нож (рис. 27, 2). Погребение находилось

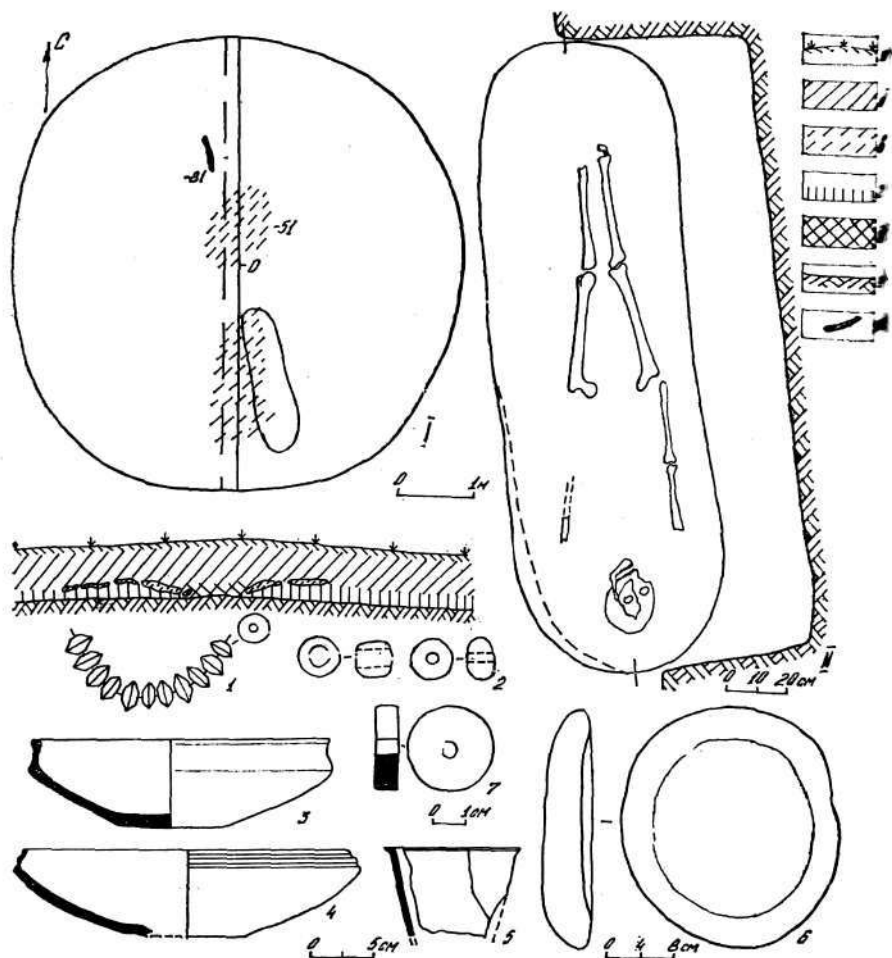

Рис. 26. Курганы II Чертовницкого могильника: I — курган 4; II — погребение кургана 4; 1 — инвентарь погребения кургана 3; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — дерево; 2—3 — инвентарь погребения кургана 8; 4 — насыпь кургана 15; 5—6 — инвентарь погребения кургана 15; 7 — инвентарь погребения кургана 21

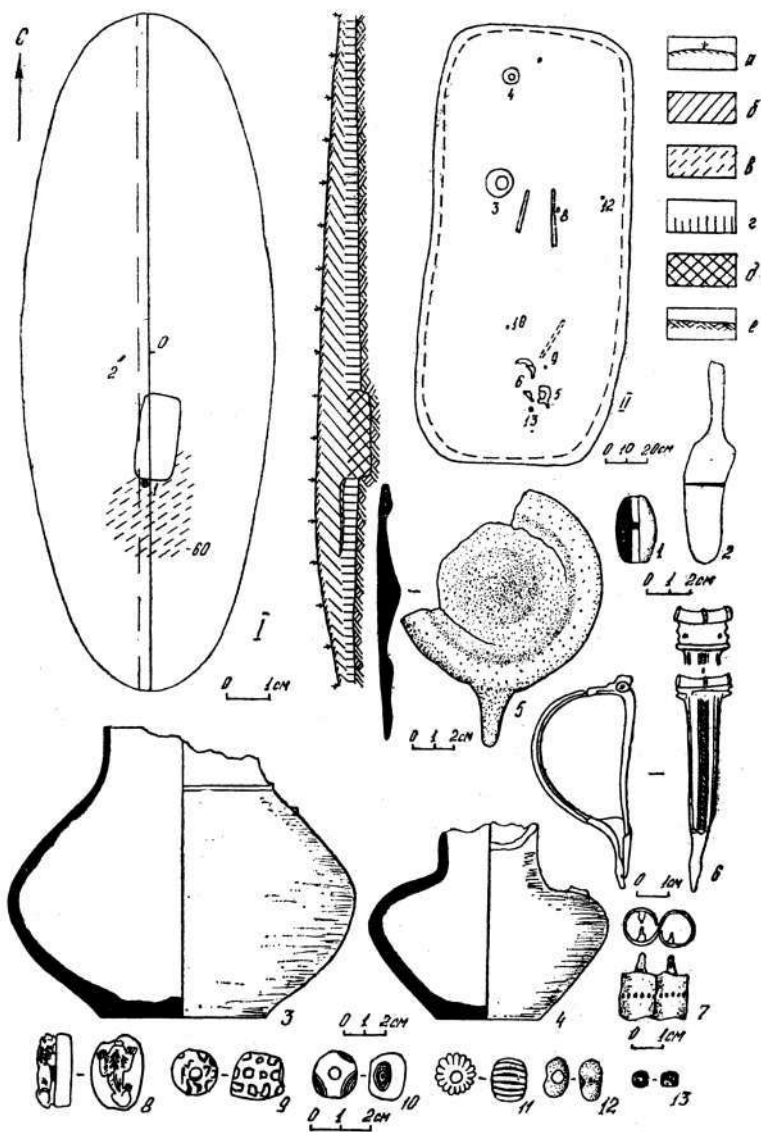

Рис. 27. Курган II Чертовичского могильника: I — курган 11: 1—2 — насыпь; II — погребение: 3—13 — инвентарь погребения; а — дерн, б — насыпь, в — выжид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

под южной полой насыпи в яме прямоугольной формы $1 \times 2,1$ м, глубиной 1,15 м, ориентированной меридионально (рис. 27, II). У ее южной стенки на уровне древней поверхности найдено пряслице с несквозным отверстием (рис. 27, I). От скелета погребенной сохранились лишь кости ног, плечевая кость правой руки и часть черепной крышки. Судя по их расположению, умершая лежала вытянуто на спине головой на юг. Между костями левой ноги и стенкой ямы стояли два круговых сероглиняных кувшина с отбитыми в древности горлами, (рис. 27, 3—4). У той же стенки найдена бронзовая амулетница в виде спаренных цилиндров (рис. 27, 7). Рядом с правой бедренной костью лежала пронизь из египетского фаянса с изображением льва (рис. 27, 8), а ближе к восточной стенке — белая пастовая бусина бобовидной формы (рис. 27, 12). Основное скопление бус находилось на месте грудной клетки. В него входили стеклянные глазчатые бусы — мелкие (рис. 27, 13) и крупные (рис. 27, 9—10), а также бусы из синего стекла кубической формы (распались). У западной стенки встречена округло-ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 27, 11) и кусочек мела. В изголовье положено фрагментированное бронзовое зеркало с валиком по краю диска, конической выпуклостью в центре и ручкой-штырем (рис. 27, 5). Тут же найдена бронзовая фибула типа «Авцисса» (рис. 27, 6). В ногах лежала кость животного.

Курган 13 (рис. 28, I). Насыпь эллипсоидной формы $6,2 \times 9$ м, высотой 0,2 м, ориентирована осью по линии север — юг. Погребение обнаружено несколько южнее вершины кургана в яме прямоугольной формы $0,8 \times 2,1$ м, глубиной 1,3 м (рис. 28, II). На дне лежал скелет погребенной на спине, вытянуто, головой на юг. Кисть правой руки покоилась на тазовых костях, левая рука была вытянута, кости ног образовывали ромб. В ногах найдены четыре лепных сосуда: высокий горшок с защипами по венчику (рис. 28, 1), горшочек с яйцевидным туловом (рис. 28, 2), массивная курильница, орнаментированная круглыми ямками, образующими concentрические круги и зигзаги (рис. 28, 3); внутри нее найдена маленькая курильница с отверстием в стенке (рис. 28, 4). На руках находились бронзовые браслеты: на левой — браслет с утолщающимися концами (рис. 28, 8), на правой — с расплюсненными концами (рис. 28, 7). К последнему была подвешена снизу синих глазчатых и белых пастовых бус (рис. 28, 5), а также бронзовый колокольчик с железным языком

(рис. 28, 6). На груди найден кусочек румян и бронзовая фибула с кнопкой на конце пластинчатого приемника (рис. 28, 9).

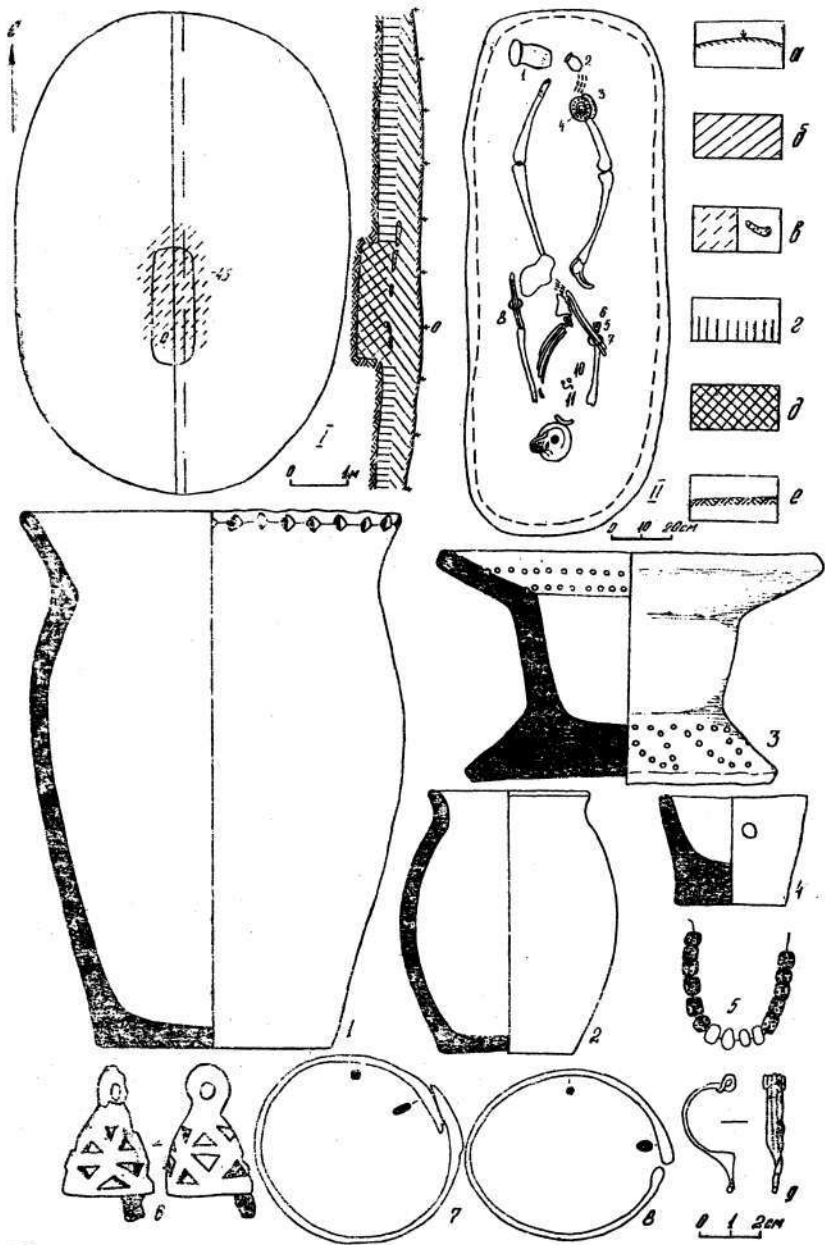
Курган 15. Эллипсоидная насыпь $7,3 \times 15$ м, высотой 0,5 м, ориентирована продольной осью по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. В центральной ее части встречались фрагменты сероглиняной круговой миски с желобчатым бортиком (рис. 26, 4). Здесь же найден фрагмент лепной миски с загнутым внутрь краем, кусок кремня и несколько кусков мела. Погребение обнаружено под южной половиной насыпи в могиле прямоугольной формы $1,1 \times 2,2$ м, глубиной 1,55 м, ориентированной по линии север — юг. В заполнении и на дне встречено очень много кусков мела, отдельные кости человека и мелкие фрагменты керамики, в том числе верх сероглиняного гончарного кувшина (рис. 26, 5). Из инвентаря уцелело лишь каменное блюдо округлой формы, приставленное к западной стенке могильной ямы (рис. 26, 6). Погребение ограблено.

Курган 18. Относится к числу круглых. Диаметр насыпи 6 м, высота 0,2 м. В ней встречено несколько фрагментов от верха сосуда, орнаментированного по венчику косыми насечками. Под насыпью следов погребения не обнаружено.

Курган 20. Имеет округлую насыпь диаметром 10 м, высотой 0,45 м. Могильная яма обнаружена под вершиной кургана. Она имела прямоугольную форму $0,9 \times 2,2$ м, глубина 1,76 м и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В заполнении найден обломок дна лепного сосуда. Скелета погребенного не обнаружено. Погребение ограблено.

Курган 21. Относится к числу круглых. Диаметр насыпи 8 м, ее высота 0,25 м. В западной ее части встречены венчик и днище лепного сосуда. Могильная яма имела прямоугольную форму $1,05 \times 2,6$ м, глубина 1,21 м и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В заполнении на разной глубине встречены обломки костей человека. В центральной части ямы на дне найдено красноглиняное плоское пряслице (рис. 26, 7). Погребение ограблено.

Курган 26. Насыпь кургана круглая диаметром 8 м, высотой 0,2 м. Могила имела прямоугольную форму и несколько расширялась в северо-восточной части. Ее размеры $0,9 \times 2,1$ м, глубина 1,92 м. Она ориентирована по линии юго-

запад — северо-восток. Скелета и инвентаря не обнаружено. Погребение ограблено.

Курган 29. Имеет круглую насыпь диаметром 6 м, высотой 0,2 м. На ее вершине заметна западина, под которой на уровне материка обнаружена округлая яма диаметром 1,2 м, глубиной 1,4 м. Скорее всего, это грабительский шурф. Следов погребения в кургане не найдено.

Кроме курганов на площади могильника открыты земляные сооружения, расположенные между цепочкой длинных насыпей и склоном мыса. Их насчитывается не менее пяти. Как правило, каждое такое сооружение находится поблизости от одного из длинных курганов. На современной поверхности оно выглядит как западина подквадратной формы, глубиной 0,5—1 м. Минимальные размеры западин 8×8 м, максимальные 12×12 м. Они ориентированы по сторонам света, иногда с небольшими отклонениями. Один из этих объектов, расположенный рядом с курганом 7, был исследован нами в 1980 г. (рис. 25 В). В ходе раскопок установлено следующее: западина образовалась в силу того, что по всей ее площади до уровня материка был выбран черноземный слой, который, видимо, послужил исходным материалом для сооружения ближайшей длинной насыпи. Заполнение котлована составлял тонкий слой подзола, сложившийся в позднейшее время. При зачистке материка по периметру сооружения обнаружена сплошная, замкнутая в виде квадрата канавка, а внутри нее две ямы. В заполнении канавки встречались скопления углей и золы. Обе ямы имели подквадратную форму и, кроме углей, каких-либо находок не содержали. На дне котлована и в заполнении канавки найдено 14 фрагментов лепной керамики, в том числе неорнаментированный венчик. Исследованный объект представляет постройку или ограду квадратной в плане формы, видимо, функционально связанную с длинным курганом. Вопрос о назначении подобных сооружений будет рассмотрен ниже.

Хотя большинство курганов II Чертовницкого могильника оказались ограбленными, все же уцелевшие комплексы содержат достаточно выразительный материал для установления времени его функционирования. Время захоронения в кургане II определяют находки сероглиняных кувшинов, бус,

Рис. 28. Курган 13 II Чертовницкого могильника: I — курган 13; II — погребение I: 1—9 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкоп, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

зеркала и фибулы. Оба кувшина относятся к типу, характерному для I—II вв. н. э. Зеркало с валиком по краю диска, конической выпуклостью в центре и ручкой-штырем принадлежит типу, зарождающемуся еще в раннесарматское время, но наиболее часто встречающемуся в памятниках рубежа и первых двух веков н. э.²⁹ В состав ожерелья из этого захоронения входит пастовая двудольчатая бусина типа, наиболее распространенного в I в. до н. э. — I в. н. э.³⁰, остро-ребристая бусина из египетского фаянса типа, чаще всего встречающегося в погребениях I в. н. э.³¹, а также пронизь из того же материала с изображением льва, датируемая I—II вв. н. э. Наиболее вероятное сосуществование указанных типов бус в одном ожерелье — I в. н. э. Бронзовая фибула «Авцисса» ограничивает время совершения данного захоронения первой половиной указанного срока³².

Погребение в кургане 13 датируется совместной находкой курильниц, бус и фибулы. Комплект из двух курильниц — большой стопкообразной и малой бочковидной с отверстием в стенке — типичен для погребений сусловского времени. Снизка глазчатых бус указывает на I в. н. э. как на наиболее вероятное время совершения захоронения. Эту дату уточняет бронзовая фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника. По классификации А. К. Амброза она принадлежит второму варианту, датируемому I в. н. э.³³ Скорее всего она относится к числу наиболее ранних фибул этого варианта, на что указывают ее небольшие размеры и нижняя тетива.

Даты остальных захоронений менее определены ввиду полного или почти полного их ограбления. На I в. н. э. как на наиболее вероятное время захоронения в кургане 8 указывает сочетание круговой сероглиняной миски и гагатовых бус³⁴. Время погребения в кургане 15 определяется находкой верха сероглиняного кувшина и сероглиняной желобчатой миски I—II вв. н. э.

До сих пор мы рассматривали комплексы, происходящие из длинных курганов. К сожалению, почти все погребения под круглыми насыпями оказались ограбленными. Лишь в захоронении кургана 3 уцелела снизка бус синего стекла, которая датирует его I в. н. э.³⁵ Эту находку можно рассматривать как определенное свидетельство в пользу хронологической близости длинных и круглых курганов.

В целом проанализированный материал позволяет датировать II Чертовицкий могильник I в. н. э. По времени он

очень близок I Чертовицкому могильнику. Однако при выяснении хронологического соотношения этих памятников следует обратить внимание на то, что во II Чертовицком могильнике встречены фибулы более ранних типов (первая половина I в. н. э. — I в. н. э.), нежели в I Чертовицком могильнике (вторая половина I в. н. э. — начало II в. н. э.). Скорее всего фибулы, как материал, наиболее чувствительный к веяниям времени, отражают реальное хронологическое соотношение между этими памятниками. Если это так, то основное время функционирования II Чертовицкого могильника придется на первую половину I в. н. э. И лишь где-то в конце этого срока в трех километрах к югу от рассматриваемого памятника появляются первые погребения, которые положат начало I Чертовицкому могильнику.

3. Животинный могильник

Расположен на площади многослойного Животинного городища в Рамонском районе Воронежской области³⁶. Кроме остатков поселений на его площади обнаружено пять грунтовых погребений, не имевших на современной поверхности каких-либо видимых признаков. Все они найдены в юго-восточной части городища у склона.

Погребение 2 совершено в узкой могиле $0,78 \times 2$ м, глубиной $0,32—0,45$ м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Погребенная женщина 20—25 лет положена вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Ее череп искусственно деформирован. Инвентарь отсутствовал. Лишь в заполнении могилы встречен фрагмент лепного сосуда.

Погребение 3. От него сохранился раздавленный череп, рядом с которым встречены фрагменты лепного сосуда раннего железного века.

Погребение 4. Совершено в узкой прямоугольной яме $0,9 \times 2,6$ м, глубиной 1 м, ориентированной длинными сторонами по линии юго-запад — северо-восток (рис. 29, 1). Северо-восточная часть могилы была нарушена славянской постройкой, на дне которой встречены фрагменты серолощенной посуды с загнутым внутрь краем (рис. 29, 14). Скелет погребенного лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, ноги прямые. Он ориентирован головой на север — северо-восток. В изголовье стоял круговой серолощенный кувшин с носиком-сливом (отбит в древности) и клеймом на дне в виде колеса (рис. 29, 4). Его горло орнаментировано круговыми желобками, а верхняя часть тулова — тройными пролощен-

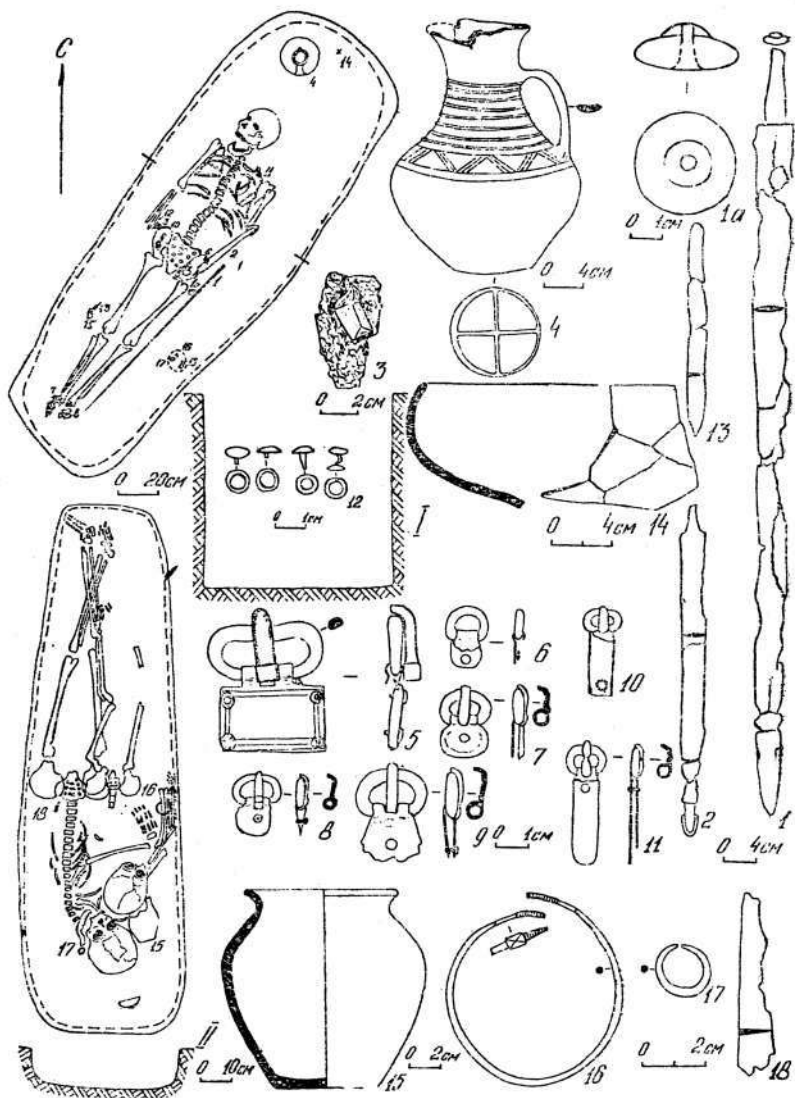

Рис. 29. Животинный могильник: I — погребение 4: 1—14 — инвентарь; II — погребение 5: 15—18 — инвентарь

ными линиями, образующими зигзаг. Слева от погребенного лежал железный меч с ручкой-штырем без металлического перекрестия длиной 1 м (рис. 29, 1). Рукоять плоская, довольно широкая, в месте соединения с клинком образует прямой угол. Рядом с рукоятью найдено янтарное навершие с бронзовым колпачком (рис. 29, 1а). Вдоль левой руки положен острием вверх железный кинжал с рукоятью-штырем без металлического навершия и перекрестия длиной 44 см (рис. 29, 2). Сохранились остатки его деревянных ножен, завершающихся снизу бронзовой подковообразной обкладкой. У правого колена найдена кость животного, в которую был воткнут железный нож (рис. 29, 13).

На тазовых костях встречены три пряжки. Слева лежала массивная пряжка с овальной чуть прогнутой бронзовой рамкой и прямоугольной серебряной обоймой (рис. 29, 5). Язычок пряжки толстый, хоботковидный, его конец закруглен, загнут вниз и немного выступает за пределы рамки. Нижняя часть язычка оформлена в виде квадратного выступа. Прямоугольная обойма состоит из перегнутой через основание рамки пластины, соединенной по углам четырьмя заклепками. Ее поверхность украшена прочерченными линиями, соединяющими заклепки. Под клинком кинжала встречена маленькая бронзовая пряжка с овальной обоймой (рис. 29, 6). Третья бронзовая пряжка с плохо сохранившейся серебряной обоймой обнаружена на правой половине таза (рис. 29, 9). Конец ее язычка загнут книзу и чуть выступает за пределы рамки. Над кистью правой руки встречен сильно корродированный железный предмет, в который с верхней стороны «впаялся» кремневый отщеп (рис. 29, 3), а снизу — маленькая бронзовая пряжка с удлинненно-прямоугольной серебряной обоймой (рис. 29, 10). Тут же собраны четыре серебряных заклепки (рис. 29, 12). Под левой ключицей лежала бронзовая пряжка с овальной рамкой и серебряной удлинненно-прямоугольной обоймой (рис. 29, 11). Ее язычок в средней части резко утончен, конец его загнут вниз и чуть выходит за границы рамки. На лодыжках встречены еще две небольшие бронзовые пряжки с серебряными округлыми обоймами (рис. 29, 7—8). Между костями правой ноги и стеной обнаружена неглубокая кротовина, в которой лежали кость животного, фрагмент лепной керамики и кусок мела.

Погребение 5 совершено в узкой могиле $0,55 \times 1,75$ м, глубиной 0,15 м, ориентированной меридионально (рис. 29, II). Ее дно посыпано мелом. В могиле встречены два костя-

ка: женский и детский. Скелет взрослой женщины был положен вытянуто на спине, головой на юг. Ее ноги перекрещены в голених, руки сведены вместе и лежали справа от туловища, голова чуть склонилась вправо. Детский костяк находился справа от женского, но залегал несколько выше. Он лежал на спине, слегка скорченно, головой на юг. Судя по положению костяков, здесь было совершено захоронение женщины с ребенком. Справа от черепа женщины найден лепной горшок (рис. 29, 15). За ее черепом встречено днище второго лепного сосуда. Справа от черепа лежала бронзовая серьга (рис. 29, 17). На правой руке находился бронзовый браслет (рис. 29, 16). На поясе слева от позвоночника найден обломок железного ножа (рис. 29, 18). При детском костяке находок не было.

Анализ обряда и инвентаря двух последних захоронений позволяет установить их культурную принадлежность и время существования грунтового могильника. Дату погребения 4 определяет кувшин, меч, кинжал и набор пряжек. Сероглиняный лощеный кувшин как по форме, так и орнаментации обнаруживает близость к местной керамике позднеантичного Боспора и Танаиса. Обычай украшать дно сосуда рельефным клеймом в виде колеса со спицами зарождается в первой половине III в. н. э., но получает широкое распространение только в IV в. н. э.³⁷ Железный меч с широкой и плоской рукоятью принадлежит одному из самых поздних вариантов позднесарматских мечей. По мнению К. Ф. Смирнова, подобные мечи следует датировать концом III—IV вв. н. э.³⁸ Найденный вместе с мечом кинжал имеет одну характерную особенность — бронзовую оковку нижней части ножен. Эта деталь довольно часто встречается на ножнах мечей и кинжалов эпохи Великого переселения народов, но наиболее ранние находки известны в комплексах, начиная с IV в. н. э.³⁹

Эту датировку надежно подтверждают найденные в погребении пряжки. Массивная пряжка с прямоугольной обоймой обладает рядом признаков, характерных для IV в. н. э. (рамка эллипсовидной формы с намечающимся прогибом, толстый язычок, конец которого чуть выступает за рамку, квадратный выступ у основания язычка)⁴⁰. Правда, необходимо указать, что пряжки этого типа употребляются до VI в. н. э.⁴¹ Пряжки с прямоугольно-удлиненной обоймой появляются в позднесарматское время, но также продолжают встречаться и в раннем Средневековье. Более определенно можно датировать пряжки с овальной обоймой. По аргументированному

заключению А. С. Скрипкина, время их появления падает на конец III в. н. э., а наивысшее распространение приходится на IV в. н. э.⁴² Таким образом, большинство датирующих вещей указывает на конец III—IV вв. н. э., как на наиболее вероятное время совершения публикуемого погребения. Хотя в нем встречены вещи с более широким диапазоном бытования, в частности пряжки, заходящие в гуннскую эпоху, на наш взгляд, специфические находки столь позднего времени здесь отсутствуют.

Менее определенную дату дает анализ инвентаря погребения 5. Найденный в нем браслет с концами в виде стилизованных змеиных головок обнаруживает аналогии в погребениях некрополя Тананса, датируемых первыми веками нашей эры. Не менее широкую дату имеет бронзовая серьга с сомкнутыми концами⁴³. Более уверенно о культурной принадлежности и о времени этого захоронения можно судить по его обряду. Такие его составляющие, как тип могилы в виде узкой ямы прямоугольной формы, меловая подсыпка на дне, скрещенные в голенях ноги и южная ориентировка свидетельствуют о том, что здесь были погребены сарматы, скорее всего — носители среднесарматской культуры. Безынвентарное погребение 2 по таким признакам, как ориентировка и деформация черепа, можно считать позднесарматским. В контексте приведенных выше заключений и остальные погребения могильника скорее всего следует отнести к сарматским.

4. Писаревский могильник

Расположен на правом берегу р. Воронеж у д. Писаревка Рамонского района Воронежской области⁴⁴. Он насчитывает 42 насыпи и одно сооружение в виде западины подквадратной формы типа встреченных на II Чертовичском могильнике. Насыпи небольшие, округлой формы, сильно расплывшиеся, диаметром 5—7 м, высотой 0,2—0,5 м. Своими размерами заметно выделяется курган 1 диаметром 15 м, высотой 0,8 м. Многие насыпи имеют следы грабительских шурфов. В могильнике исследовано пять курганов.

Курган 5. Диаметр насыпи 5 м, высота 0,3 м. Под юго-восточной полой на уровне погребенной почвы найден череп лошади. Погребение совершено в узкой яме 0,9×2,2 м, глубиной 1,33 м. От скелета сохранилась часть черепа и кости ног. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на северо-восток, его ноги скреще-

ны в голених. В ногах встречен фрагментированный железный нож. В изголовье найдена бронзовая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком.

Курган 10. Его диаметр 6 м, высота 0,25 м. Центральная часть насыпи нарушена свежим перекопом. В ее северо-восточной поле найден зуб лошади и венчик лепного сосуда. Погребение обнаружено под вершиной насыпи в яме прямоугольной формы $1 \times 2,4$ м, глубиной 1,25 м. Ее центральная часть полностью уничтожена шурфом. От скелета погребенного уцелели череп, лежавший у северо-восточной стенки могилы, и кости ног, обнаруженные в ее юго-западной половине. Судя по их расположению, погребенный имел северо-восточную ориентировку. Инвентарь не сохранился.

Курган 13. Диаметр 6 м, высота 0,25 м. В насыпи на уровне древней поверхности встречен зуб лошади. Погребение обнаружено под вершиной кургана. Оно совершено в прямоугольной яме $0,85 \times 2$ м, глубиной 0,6 м. Центральная часть могилы нарушена грабительским шурфом. В его заполнении встречена трубчатая кость человека, зуб лошади и венчик лепного сосуда.

Курган 14. Диаметр насыпи 4 м, высота 0,2 м. В насыпи на разной глубине встречались кости животных и обломки керамики, в том числе днище сарматского кругового кувшина. Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной могиле $0,8 \times 1,6$ м, глубиной 0,55 м. В ее заполнении встречен венчик лепного сосуда и зуб лошади.

Курган 38. Диаметр насыпи 5 м, высота 0,2 м. Погребение обнаружено под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1,1 \times 2,4$ м, глубиной 1,12 м. Центральная часть могилы полностью разрушена грабительским шурфом. Из инвентаря уцелели семь железных трехлопастных наконечников стрел с короткими черешками, железная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком, а также обломки другой железной пряжки.

Исследованные погребения содержат весьма скудный материал для установления времени их совершения. Однако находки бронзовых и железных пряжек с округлой рамкой и подвижным язычком, железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, фрагментов сероглиняной посуды позволяют датировать их первыми веками нашей эры.

5. Вещевой комплекс

Материальная культура населения бассейна р. Воронеж в первые века н. э. известна преимущественно по погребальным памятникам. Характер памятников определяет и специфику дошедшего до нас вещевого комплекса. Он ограничен вещами, которые согласно обряду должны были сопровождать умершего в загробный мир. Но несмотря на это, по нему все же можно составить довольно полное представление о материальной культуре лесостепных племен, так как их погребальный обряд предусматривал помещение в могилу самых разнообразных предметов.

Одну из наиболее многочисленных категорий погребального инвентаря составляет керамика, представленная 47 сосудами. Она включает как лепную, так и круговую посуду. По функциональному назначению выделяются следующие группы керамики: миски, кувшины, сосуды для питья, горшки, курильницы и ритуальные сосудики.

Миски. По технике изготовления они подразделяются на круговые и лепные. Круговые миски изготовлены из плотной, хорошо промешанной глины серого цвета без заметных примесей в тесте. Поверхность некоторых из них покрыта лашином серого, реже черного цвета. Все круговые миски имеют в месте перехода тулова в бортик в той или иной степени выраженное ребро. Бортик чаще всего слегка наклонен внутрь, иногда он прогнут, в одном случае — украшен круговыми желобками (рис. 26, 4). Преобладают экземпляры с диаметром устья 20—23 см при высоте 6—7 см. По характеру оформления края бортика выделяются миски следующих типов:

тип I — край прямой и закруглен (рис. 23, 2);

тип II — край утолщен и закруглен (рис. 26, 3);

тип III — край утолщен и горизонтально срезан (рис. 21, 1);

тип IV — край утолщен и косо срезан наружу (рис. 9, 2; 11, 1; 24, 1);

тип V — край утолщен и косо срезан внутрь (рис. 21, 8);

тип VI — край резко отогнут наружу, образуя излом (рис. 19, 1). Дно этой миски снаружи покрыто множеством неглубоких наолов.

Миски первых пяти типов находят полные аналогии в керамических комплексах меотских памятников Нижнего Дона и Кубани⁴⁵, а также сарматских памятников Волго-Донского междуречья⁴⁶. По составу теста и характеру обработки

поверхности к этой же группе керамики, видимо, принадлежит и миска VI типа, хотя точные аналогии ей в указанном регионе не известны. По профилировке бортика она напоминает сосуды нижнеднепровских памятников рубежа нашей эры⁴⁷.

Лепные миски изготовлены, как правило, от руки, но некоторые экземпляры правлены на ручном круге. Они вылеплены из глины, всегда содержащей примесь шамота, и по этому признаку не отличаются от прочей лепной керамики того же памятника. Преобладают экземпляры с диаметром устья 16—23 см при высоте 7—10 см. По характеру оформления бортика они подразделяются на два типа.

Тип I — бортик закруглен и плавно загнут внутрь (рис. 10, 2; 20, 3; 22, 5, 7). Стенки у дна всегда имеют прогиб, поверхность покрыта черным, серым или желто-бурым лощением. За исключением одной миски на невысоком кольцевом поддоне (рис. 20, 3) все они плоскодонные.

Тип II — бортик наклонен внутрь, образуя с туловом более или менее выраженное ребро (рис. 17, 1, 4; 19, 6). Поверхность черного или серого цвета, иногда лощеная, но чаще просто заглажена. У одной из мисок бортик украшен горизонтальным желобком (рис. 17, 1). Она плоскодонная, у двух других мисок имеется невысокий кольцевой поддон (рис. 17, 4; 19, 6).

Лепные плоскодонные миски I типа наиболее близки сосудам лесостепной Скифии⁴⁸. Их фрагменты встречаются в слоях среднедонских городищ V—III вв. н. э.⁴⁹ От последних миски сарматского времени отличаются более профилированным туловом. Миски этого типа известны в зарубинецких могильниках. Но и там они генетически связываются с керамической традицией скифского времени⁵⁰. Миска на поддоне скорее всего является подражанием античным краснотерракотовым сосудам⁵¹. Миски II типа также обнаруживают определенную близость зарубинецким сосудам⁵². Однако она ограничивается главным образом формой. В то же время лепные миски из могильников лесостепного Подонья обладают рядом признаков (желобчатый орнамент, невысокий кольцевой поддон), не характерных для зарубинецкой керамики, но обычных на круговой сероглиняной посуде нижнедонского и кубанского типа. На наш взгляд, они представляют местные подражания этой керамике, образцы которой широко представлены в воронежских могильниках. Такое объяснение делает понятным внешнее сходство зарубинецких и донских ост-

пореберных мисок, так как форма тех и других в конечном итоге восходила к краснолаковой раннеримской посуде, причем в первом случае непосредственно⁵³, во втором — через посредство сероглиняной круговой керамики.

Кувшины. Изготовлены на гончарном круге. За исключением одного красноглиняного (рис. 11, 2), все остальные сделаны из серой глины. Среди них преобладают одноручные кувшины с биконическим туловом и раструбовидным горлом (рис. 9, 1; 14, 1; 17, 2; 27, 3—4). Этот тип кувшинов является одним из основных в меотских погребениях Кубани⁵⁴ и сарматских погребениях Поволжья и Северного Причерноморья⁵⁵. К несколько иному типу принадлежит кувшин из погребения 4 Животинного могильника, имеющий округлое тулово и плавно расширяющееся кверху горло, украшенное горизонтальными желобками (рис. 29, 4). Его венчик сильно отогнут наружу и имеет слив. На дне оттиснуто колесо в виде колеса с четырьмя спицами. Его следует отнести к позднеантичной сероглиняной керамике⁵⁶. Оригинальный бочонкообразный сосуд встречен в погребении кургана 6/11 I Чертовницкого могильника (рис. 12, 5). Он имеет изготовленное на круге тулово в виде цилиндра с выпуклыми боками. По краям оно охвачено вертикальными налипными валиками. У сосуда имеется невысокое прямое горло. К горлу и тулову крепится плоская петлевидная ручка. Близкая аналогия этому кувшину происходит из катакомбы кургана 32 группы «Девять братьев» у станции Усть-Лабинской на Кубани⁵⁷.

Двумя находками представлены небольшие кувшинчики без ручек с биконическим туловом и раструбовидным горлом (рис. 10, 4; 24, 2). Они характерны для меотских и особенно сарматских погребений Волго-Донского междуречья⁵⁸.

К столовой посуде принадлежит краснолаковый канфар. Он имеет полусферическое тулово на невысоком поддоне и широкое цилиндрическое горло (рис. 24, 6). По тулову проходит рельефный растительный орнамент, а выше — поясok, состоящий из насечек, сгруппированных по три. Лак оранжевого цвета. По этим признакам его следует отнести к ранней краснолаковой керамике.

Горшки. Большинство из них лепные. Единственным исключением является красноглиняный круговой горшочек античного производства из погребения кургана 6/11 I Чертовницкого могильника, верхняя часть которого покрыта коричневым лаком (рис. 12, 6). Среди лепных сосудов преоб-

ладают горшки I типа с высоким слегка раздутым в средней части туловом, сужающимся ко дну, и отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 1; 13, 1; 23, 8; 28, 1). Его край орнаментирован косыми насечками. Сосуды, близкие этому типу, изредка встречаются в сарматских захоронениях, но они не принадлежат к числу исконных сарматских форм⁵⁹. В лесостепном Подонье эти сосуды образуют устойчивый тип. По-видимому, они восходят к керамическому комплексу скифского времени, в котором известны сосуды близкой формы и орнаментации⁶⁰. Однако от последних горшки этого типа отличаются меньшими размерами, более вытянутым туловом, а также отсутствием закраин на днищах, характерных для керамики скифского времени. Имеются различия и в орнаментации. Если на керамике скифского времени орнамент представлен преимущественно защипами, то на горшках из I и II Чертовицкого могильников, главным образом косыми насечками. В одной из статей мы высказали предположение, что указанные различия носят хронологический характер⁶¹. Они могли появиться в керамике лесостепного Подонья после прекращения функционирования среднедонской культуры скифского времени на основной территории ее распространения. В последнее время это предположение нашло подтверждение в материалах верхнего слоя Пекшевского городища, где горшки указанного типа (см. рис. 50, 11) встречены вместе с сероглиняной керамикой первых веков нашей эры.

Ко II типу принадлежат небольшие горшочки с яйцевидным туловом и отогнутым наружу невысоким венчиком (рис. 9, 4; 28, 2). Подобные сосуды характерны для сарматов практически на всех этапах их исторического развития⁶². Единственной находкой представлен горшок III типа с грушевидным туловом и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 3). Его форма восходит к раннесарматской керамической традиции, хотя наиболее близкие аналоги происходят преимущественно из среднесарматских погребений⁶³.

Курильницы и ритуальные сосуды. В данную группу входят сосуды, применявшиеся при отправлении погребального ритуала. Курильниц найдено шесть экземпляров. Все они лепные. По форме тулова выделяются три типа курильниц.

Тип I — курильницы в виде небольшого сосудика бочковидной формы, обязательно с отверстием в стенке (рис. 19, 3; 24, 5; 28, 4).

Тип II — курильницы в виде массивных стопок с сильно

отогнутым наружу венчиком и подчеркнутыми закраинами днища (рис. 19, 2; 28, 3). У одной из них венчик изнутри орнаментирован круглыми вдавлениями, образующими две концентрические окружности, а внешняя поверхность закраины днища украшена такими же вдавлениями, образующими треугольники вершинами книзу.

Тип III — массивная, расширяющаяся кверху курильница с отогнутым наружу венчиком, подчеркнутой закраиной днища и двумя ребрами, опоясывающими тулово (рис. 24, 4). Поверхность покрыта черным лощением.

Курильницы этих типов характерны для сарматов сусловской эпохи⁶⁴. Как уже отмечалось, в погребениях I и II Чертовицких могильников они всегда встречались парами — маленькая (I тип) внутри большой (II—III типы). Точно так же эти курильницы использовались и у сарматов.

Кроме собственно курильниц известны находки лепных сосудиков в виде вазочек на полом поддоне. Две из них имеют коническую форму (рис. 13, 11; 24, 3). Подобные сосудики встречаются на очень широкой территории, охватывающей весь юг европейской части СССР. Известны они и у сарматов, где использовались в качестве курильниц⁶⁵. На такое же назначение вазочек I Чертовицкого могильника указывает сильная закопченность их внутренней поверхности, а также находка одной из них в ямке с углями. К иному типу принадлежит чернолощенная вазочка с загнутым внутрь краем, украшенная врезным орнаментом, состоящим из горизонтальной бороздки под венчиком и отходящих от нее пучков из трех линий, образующих зигзаг (рис. 19, 4). Она несколько напоминает так называемые «ритуальные» сосудики среднедонской культуры скифского времени. Однако у нее отсутствует такой специфический признак последних, как широкий горизонтально срезанный венчик с двумя отверстиями для подвешивания. В то же время укажем, что орнамент в виде зигзага из трех линий более характерен для сарматских туалетных сосудиков⁶⁶.

К этой же группе керамики следует отнести античный красноглиняный бальзамарий (рис. 14, 2) и красноглиняный сосудик яйцевидной формы, изготовленный на гончарном круге (рис. 11, 3). Последний обнаруживает аналогии в среднесарматских погребениях Нижнего Дона⁶⁷. На его назначение указывают остатки мела, сохранившиеся на дне. С подобной же целью была использована в погребении кургана 2/41

I Чертовичского могильника серолощенная чашка, доверху наполненная мелом (рис. 9, 3).

Орудия труда. Среди погребального инвентаря орудия труда занимают довольно скромное место. Значительными сериями представлены только ножи (18 экземпляров) и пряслица (6 экземпляров). Ножи изготовлены из железа, все однолезвийные. Преобладают экземпляры с узким прямым или чуть вогнутым лезвием, закругляющимся к острию (рис. 12, 9—10; 13, 5; 17, 5; 24, 8). Ножи такой формы чаще всего встречаются в сусловских и позднесарматских захоронениях⁶⁸. Орудиями труда их можно считать весьма условно, так как обычно они находятся вместе с остатками мясной заупокойной пищи. К иному типу принадлежит нож с широким лезвием, прогнутой спинкой и скругленной рабочей частью из погребения кургана II Чертовичского могильника (рис. 27, 2). Нож подобной формы встречен в Золотобалковском могильнике⁶⁹. Третий тип представляет массивный нож с широким лезвием, прямой спинкой и рабочей частью, скругленной у острия (рис. 19, 7). Несомненно, он имел производственное назначение. Аналогии ему не известны.

Пряслица по форме подразделяются на следующие типы.

Тип I — усеченно-конические (рис. 9, 12; 10, 7; 24, 7). Изготовлены из серой глины, поверхность покрыта лощением. Несколько необычно пряслице из погребения кургана 3/42 I Чертовичского могильника (рис. 10, 7). В его стенку вставлено железное ушко.

Тип II — яйцевидное (рис. 27, 1). Поверхность покрыта ровным черным лощением. Канал отверстий несквозной. В центре его имеется перемычка.

Тип III — плоские дисковидные (рис. 23, 6; 26, 7). Изготовлены из красной глины.

Пряслица рассмотренных типов встречаются на очень широкой территории. Отметим, что усеченно-конические пряслица с лощеной поверхностью очень часто находят в сарматских погребениях. Красноглиняные дисковидные пряслица скорее всего айтичного производства.

Из других орудий можно указать лишь плоскую песчаниковую плитку из погребения кургана 13/35 I Чертовичского могильника (рис. 15, 5). Подобные изделия обычны в сарматских захоронениях.

Рассмотренными изделиями, конечно, не исчерпывается весь инструментарий населения бассейна р. Воронеж в пер-

вые века нашей эры. Безусловно, ножи и пряслица не отражают всего многообразия хозяйственной деятельности этого населения. Однако выбор только их в качестве погребально-инвентаря весьма показателен. Укажем, что именно такой ограниченный набор орудий труда характерен для большинства погребений ранних кочевников, особенно сарматов.

Вооружение. Представлено его наступательными видами: мечами, кинжалами и наконечниками стрел. Большая их часть происходит из I Чертовицкого могильника. Мечей найдено 14 экземпляров (13 — в I Чертовицком могильнике и 1 — в Животинном могильнике). Все они изготовлены из железа и имеют обоюдоострые клинки. По характеру оформления навершия выделяются два типа мечей:

Тип I — с кольцевым навершием — десять экземпляров (рис. 13, 16; 15, 1, 3; 16, 1, 4; 18, 1; 22, 1, 6; 23, 1). Они имели прямое перекрестие. Длина полностью сохранившихся экземпляров 45—50 см. Они хранились в деревянных ножнах, покрытых красной краской. Мечи этого типа характерны для сарматов сусловской эпохи⁷⁰.

Тип II — без металлического навершия с рукоятью-штырем — 4 экземпляра (рис. 8, 1, 7; 12, 1; 29, 1). Отличаются большой длиной от 71 до 104 см. У двух экземпляров имеется металлическое перекрестие. В погребении кургана 1/16 I Чертовицкого могильника найден меч с перекрестием, изготовленным из тонкой бронзовой пластины ромбической в сечении формы (рис. 8, 1). Из этого же погребения происходит единственная бусина, скорее всего служившая украшением портупей (рис. 8, 4). Длинные мечи с бронзовым перекрестием известны у сарматов с конца прохоровской эпохи⁷¹. Другой длинный меч обнаружен в погребении кургана 4/9 того же могильника (рис. 8, 7). Он имеет небольшое железное перекрестие и рукоять-штырь, обложенную деревом. Навершием рукояти служил серебряный колпачок, скрепляющийся с последней при помощи штифта (рис. 8, 7а). В верхней части колпачка имеется углубление для пастовой вставки бирюзового цвета.

Два меча не имеют металлических перекрестий (рис. 12, 1; 29, 1). У экземпляра из погребения 4 Животинного могильника имелась широкая рукоять и янтарное навершие (рис. 29, 1а). Он принадлежит одному из наиболее поздних типов сарматских мечей. Под рукоятью меча из погребения кургана 6/11 I Чертовицкого могильника найдено изделие из гагата треугольной формы со сторонами 5,5×7,1×7,3 см

(рис. 12, 2). В центре его расположено круглое отверстие. На лицевой стороне прочерчены четыре знака, композиционно группирующиеся вокруг отверстия. Пятый знак нанесен на одну из боковых сторон. По форме изделие не подходит для навершия. Скорее всего оно служило украшением-привеской ножен меча.

Кинжал представлен единственной находкой из погребения 4 Животинного могильника (рис. 29, 2). Он не имеет металлического навершия и перекрестия. Низ его ножен был украшен бронзовой оковкой.

Наконечники стрел найдены главным образом в погребениях I Чертовицкого могильника. Их насчитывается 360 экземпляров (рис. 8, 2, 5; 12, 3, 17; 13, 9, 15; 15, 2, 4; 16, 2, 5; 17, 6; 18, 3; 21, 3; 22, 2). Как правило, они встречались в колчаных наборах, насчитывающих по 30—60 штук. От колчанов сохранились лишь отдельные фрагменты. Они были деревянные и покрывались, как и ножны мечей, красной краской. В погребении кургана 12/32 I Чертовицкого могильника уцелели верхние части древков стрел из тростника толщиной 0,5 см (рис. 15, 2). Все наконечники стрел изготовлены из железа. Они трехлопастные черешковые с головкой треугольной формы, высотой 1,5—2,5 см. Длина черешка не превышает 1 см. У большинства экземпляров края лопастей срезаны под прямым углом к черешку. Реже встречаются наконечники с лопастями, срезанными под острым углом. И те, и другие полностью соответствуют наиболее распространенным типам сарматских наконечников стрел.

Снаряжение коня. Представлено удилами, встреченными только в погребениях I Чертовицкого могильника. Удила железные, двусоставные с петлями на концах двух типов. К первому типу относятся удила с дополнительными кольцами (рис. 13, 13; 21, 2; 22, 9). Ко второму типу принадлежат удила со стержневидными псалиями и двумя прямоугольными петлями в средней части (рис. 12, 4; 18, 2). Оба типа удил известны как у сарматов, так и у их соседей.

Детали одежды. Включают фибулы и пряжки. Фибул найдено 6 экземпляров. Все они изготовлены из бронзы или латуни. Три из них принадлежат типу лучковых фибул с подвижным приемником. Среди них две (рис. 9, 5; 23, 5) определенно относятся ко второму варианту классификации А. К. Амброза⁷². От них несколько отличается фибула из погребения 6/11 I Чертовицкого могильника, имеющая восьми-витковую пружину с нижней тетивой и проволочную обмотку

почти по всей дужке, которая в средней части образует спиральный завиток (рис. 12, 12). Однако по основным признакам (завязка ниже середины дужки, слабая раскованность ножки, небольшие размеры) ее также следует отнести к лучковым фибулам второго варианта. Из погребения кургана 13 II Чертовицкого могильника происходит фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (рис. 28, 9). Небольшие размеры и нижняя тетива позволяют отнести ее ко второму варианту фибул этой серии⁷³. Двумя находками представлены шарнирные фибулы раннеримских и провинциальных типов. В погребении кургана 11 II Чертовицкого могильника найдена фибула типа «Авцисса» (рис. 27, 6)⁷⁴. Из погребения кургана 24/17 I Чертовицкого могильника происходит фибула-брошь с ажурным в виде полукруга шитком (рис. 19, 8). В центре его имеется сквозной железный стерженек, вокруг которого прочерчены две концентрические окружности. Данный экземпляр принадлежит к фибулам-брошам без эмали. Точной аналогией ему является фибула из погребения 9, 1 Подкумского могильника⁷⁵.

Пряжки. Их найдено 19 экземпляров. Все имеют подвижные язычки. По форме рамки пряжки подразделяются на четыре типа.

Тип I — с округлой рамкой — восемь экземпляров (рис. 12, 7; 14, 4—6). За исключением одной железной, все они изготовлены из бронзы или меди. Последние встречались в виде стандартных наборов, состоящих из одной крупной и двух небольших пряжек. Подобные пряжки получают широкое распространение на юге Восточной Европы с начала нашей эры.

Тип II — с овальной рамкой — семь экземпляров (рис. 29, 6—11). Все происходят из погребения 4 Животинного могильника. Имеют обоймы овальной или прямоугольной формы. Как уже указывалось, мелкие пряжки с овальными обоймами получили наибольшее распространение в памятниках юга Восточной Европы второй половины III—IV вв. н. э.⁷⁶ Массивная пряжка с чуть прогнутой рамкой и прямоугольной обоймой близка пряжкам эпохи Великого переселения народов⁷⁷.

Тип III — с прямоугольной рамкой — два экземпляра (рис. 13, 8; 22, 10). Обе изготовлены из железа. Изредка встречаются в памятниках юга Восточной Европы, начиная с первых веков нашей эры⁷⁸.

Тип IV — пряжки с фигурной рамкой в виде вытянутой трапеции или прямоугольника, завершающейся округлой головкой — четыре экземпляра. (рис. 8, 6; 17, 7; 18, 4; 21, 6). Изготовлены из бронзы (рис. 8, 6; 21, 6), остальные железные. В Восточной Европе находки пряжек этого типа известны на очень широкой территории от Северного Кавказа и Причерноморья до лесной полосы Среднего Поволжья⁷⁹.

Из других деталей поясной гарнитуры лишь в погребении кургана 11/15 I Чертовицкого могильника найден бронзовый наконечник ремня (рис. 14, 7). В погребениях довольно часто встречались небольшие бронзовые колечки и обоймочки. Внутри последних иногда сохранялись остатки перекрещенных ремешков (рис. 13, 10; 21, 4). Их местонахождение на ножнах мечей и в ногах погребенных указывает на то, что они использовались в качестве то деталей портупей, то застежек обуви.

Зеркала. Их насчитывается шесть экземпляров, относящихся к разным типам: с валиком по краю диска (рис. 10, 5), с валиком по краю и конической выпуклостью в центре диска (рис. 27, 5), с плоским диском и еле заметной выпуклостью в центре (рис. 9, 23), с плоским диском и ручкой-штырем (рис. 24, 9), а также зеркало-подвески с гладкой неорнаментированной поверхностью (рис. 9, 6; 11, 5). Все они относятся к распространенным типам сарматских зеркал II в. до н. э. — I в. н. э.⁸⁰

Металлические украшения. Эта категория вещей отличается особым разнообразием. В нее входят браслеты, гривна, височные кольца, серьги.

Браслеты представлены четырьмя находками. В погребении кургана 6/11 I Чертовицкого могильника найден провололочный бронзовый браслет с коническими шишечками на концах (рис. 12, 11). В погребении кургана 13 II Чертовицкого могильника встречены два браслета: один с утолщающимися концами (рис. 28, 8), другой — с расплюснутыми концами (рис. 28, 7). Из погребения 5 Животинного могильника происходит браслет, концы которого украшены стилизованным изображением змеиных головок (рис. 29, 16). Браслеты указанных типов получили широкое распространение у населения юга Восточной Европы в первые века н. э.

Гривна найдена в погребении кургана 2/41 I Чертовицкого могильника (рис. 9, 7). Она изготовлена из бронзовой перекрученной проволоки. Один конец гривны имеет петлю, другой — крючок, завершающийся конической шишечкой.

Подобные украшения известны в погребениях начала нашей эры Северного Кавказа и Крыма⁸¹. Единичные их находки происходят из сарматских захоронений⁸².

Серьги и височные кольца встречаются довольно редко. Чаще всего это бронзовые или серебряные колечки из гладкой (рис. 17, 3) или витой (рис. 22, 4) проволоки с несомкнутыми концами. Однако известны более дорогие и более сложные украшения. Пара золотых серег встречена в погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника (рис. 11, 6—7). Их основу составляет тонкая золотая пластина, на которую сверху и по бокам напаяны круглые гнезда, а снизу — сегментовидное. Серьги украшены мелкой золотой зернью, стеклянными вставками зеленого и сиреневого цвета, а также золотыми цепочками, завершающимися белыми бусами и золотыми дисками. На оборотной стороне одной из серег имеются три заплатки из листового золота. Им известна довольно точная аналогия — золотая серьга из погребения в кургане 26 у хут. Алитуб на Нижнем Дону. Сейчас можно указать еще одну находку украшений этой серии — серьгу из погребения сарматской «царицы» в Соколовой Могиле⁸³. Золотое височное кольцо найдено в погребении кургана 3/42 I Чертовицкого могильника (рис. 10, 6). Оно изготовлено из перекрученной проволоки, свернутой в полтора оборота. С наружной стороны на кольцо напаяны четыре грозди зерни, в каждую из которых входило по четыре шарика. Височные кольца, украшенные гроздями зерни, встречены в некрополе Неаполя Скифского и Беляусском могильнике⁸⁴. К этой группе украшений мы относим и бронзовую подвеску из детского погребения кургана 25/1 I Чертовицкого могильника (рис. 20, 1). Она состоит из двух колец, продетых одно в другое. К верхнему кольцу припаяно небольшое колечко, служившее для подвешивания украшения. Точные аналоги ему неизвестны.

Бронзовый перстень обнаружен в погребении кургана 5/40. I Чертовицкого могильника (рис. 11, 10). Он украшен четырьмя продольными каннелюрами. Подобное украшение встречено в одном из сарматских погребений Нижнего Подонья⁸⁵.

Бронзовые колокольчики насчитывают пять экземпляров, подразделяющихся на два типа.

Тип I — колокольчики в виде маленьких колпачков, свернутых из тонкого бронзового листа (рис. 9, 11; 11, 9). У всех экземпляров в верхней части имеется отверстие, через которое продевался тонкий кожаный ремешок. Один конец его

был завязан снаружи, а к другому крепился железный язычок.

Тип II — массивные литые колокольчики с ушком для подвешивания (рис. 11, 8; 28, 6). Их корпус украшен треугольными прорезями, образующими орнаментальные композиции.

Четыре колокольчика входили в ожерелья из бус, пятый — найден на браслете вместе со сшивкой бус. С начала нашей эры бронзовые колокольчики обоих типов встречаются в погребениях меотосарматского круга на Кубани⁸⁶, Нижнем Дону⁸⁷, в Северном Причерноморье⁸⁸.

Бронзовые амулетницы представлены четырьмя экземплярами. Они имеют вид спаренных цилиндриков, свернутых из тонкого бронзового листа и скрепленных сверху дужкой (рис. 9, 8—9; 27, 7). У амулетницы из кургана 11 II Чертовицкого могильника по середине цилиндриков проходит ряд отверстий. Одним экземпляром представлена амулетница в виде маленького ведерка (рис. 9, 10). О назначении этих предметов свидетельствуют куски свернутой в трубочку ткани, сохранившейся внутри одной из амулетниц. По-видимому, они использовались в качестве футляров для хранения пропитанных благовониями кусочков ткани. Так же, как и колокольчики, амулетницы входили в состав ожерелий. Ареал распространения амулетниц в основном совпадает с ареалом распространения бронзовых колокольчиков. Они встречаются в сарматских и позднескифских захоронениях Северного Причерноморья⁸⁹, в античных городах, в частности, в Танаисе⁹⁰. К изделиям такого рода следует отнести и украшение из золота в виде маленького цилиндрика с запаянным дном из погребения кургана 6/11 I Чертовицкого могильника (рис. 12, 13). Но у него нет дужки, что обязательно для амулетницы.

Бусы. Являются самым массовым видом украшений в могильниках на р. Воронеж. Их учтено более 400 экземпляров. Большинство бус изготовлено в античных производственных центрах. Поэтому при их описании мы используем классификацию Е. М. Алексеевой⁹¹. По материалу выделяются десять групп бус.

Бусы из египетского фаянса представлены 35 экземплярами. Особенно большое скопление украшений из этого материала встречено в погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника. Среди них преобладают пронызи с изображением скарабея со сложным членением головы и спинки — 17 экземпляров. Из них 16 относится к типу 50 классификации Е. М. Алексеевой (рис. 11, 11—26). У них канал отверстия

направлен вдоль туловища жука, на оборотной стороне подставки имеется по два знака, заключенных в картуш. Одна пронизь отличается небольшими размерами, отсутствием знаков на обратной стороне, направлением канала отверстия поперек туловища жука и ядовито-зеленой окраской (рис. 11, 27). Она принадлежит типу 46.

Пронизи с изображением льва насчитывают 11 экземпляров. Девять пронизей, найденных в погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника, имеют прямоугольную подставку и относятся к типу 68 б (рис. 11, 37—45). В том же погребении и погребении кургана 11 II Чертовицкого могильника встречено по одной пронизи с изображением льва на овальной подставке, принадлежащей типу 67 (рис. 11, 46; 27, 8). Две пронизи изображают лягушку с расчлененной головкой и спинкой на подставке овальной формы. Одна принадлежит типу 55 (рис. 11, 28), другая с частично отломанной в древности подставкой типу 57 б (рис. 11, 29). Из того же захоронения происходит плакетка с рельефным изображением головы младенца Гора, соответствующая типу 43 (рис. 11, 32). Там же найдены две подвески-амфорки с петляжкой у дна, каннелированным туловом, валиком и петелькой в верхней части, принадлежащие типу 79 (рис. 11, 30—31). Округло-ребристые бусы представлены двумя находками. Одна относится к типу 16а (рис. 27, 11), другая к типу 16 б (рис. 11, 33).

Мозаичные бусы насчитывают пять экземпляров. По форме они подразделяются на круглые и плоскогранные. По характеру орнаментации круглые бусы распределяются между двумя группами. К первой принадлежит бусина с ромбовидным орнаментом, покрывающим всю ее поверхность (рис. 22, 3), не имеющая полных соответствий в Своде Е. М. Алексеевой. К другой группе относится бусина с поперечным сложноорнаментированным пояском, украшенным четырехлистниками типа 40б (рис. 8, 4), и бусина, поясок которой орнаментирован изображением лица типа 410 (рис. 11, 36). Плоскогранные мозаичные бусы представлены двумя находками (рис. 11, 34—35). Они изготовлены из пасты голубого цвета. На обеих гранях есть мозаичные изображения женского лица. Цвет лица и шеи — белый, головного убора и волос — черный, фон — красный. Они близки типу 448 классификации Е. М. Алексеевой. Однако наиболее полную аналогию изображениям женского лица имеют мозаичные вставки на круглых

бусах из сарматского погребения кургана 10 Крепенского могильника на Нижнем Дону⁹².

Стеклянные глазчатые бусы представлены 32 экземплярами. Семь крупных бус округлой и цилиндрической формы из синего стекла с белыми глазками, имеющими синие диски, относятся к типу 103 классификации Е. М. Алексеевой (рис. 9, 13). Мелкие бусы той же формы, орнаментации и материала принадлежат типу 104 (рис. 9, 14; 11, 80—84; 27, 13; 28, 5). Круглая бусина из глухого белого стекла с синим глазком из погребения кургана 5/40 не обнаруживает точных аналогий в Своде Е. М. Алексеевой (рис. 11, 85). То же самое следует сказать о крупной бусине фиашкового цвета, украшенной желтыми глазками, из погребения 32/3 (рис. 22; 11) и круглой бусине синего цвета с глазками желтого цвета и черными дисками из погребения 11 II Чертовицкого могильника (рис. 27, 10).

Бусы с глазчато-крестовидным орнаментом представлены единственной находкой из погребения I кургана 2/41 I Чертовицкого могильника (рис. 9, 16). Она относится к типу 395.

Бусы со спиральной орнаментацией встречены в погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника. Это 14 цилиндрических пронизок синего цвета, украшенных чередующимися спиральными полосками белого и красного цвета (рис. 11, 65—78), а также четыре пронизки, орнаментированные белыми спиральными полосками (рис. 11, 61—64). И те, и другие принадлежат к типу 252. Вместе с ними найдена небольшая круглая бусина с таким же орнаментом типа 242 (рис. 11, 79).

Бусы из одноцветного стекла насчитывают 250 экземпляров. Большая их часть представляет мелкий разноцветный бисер. В погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника встречены цилиндрические пронизки красного цвета типа 62 (рис. 11, 55—60) и бочковидная пронизь с валиками по краям, близкая типу 170 классификации Е. М. Алексеевой (рис. 11, 54). Цилиндрическая рубчатая пронизка фиолетового цвета найдена в погребении I кургана 2/41 (рис. 9, 15). Из погребения кургана 11 II Чертовицкого могильника происходит двудольчатая бусина из серой пасты типа 155 (рис. 27, 12). В погребении кургана 3 того же могильника обнаружены 11 биконических бус синего цвета типа 101 (рис. 26, 1). Из погребения кургана 9/13 I Чертовицкого могильника происходит бусина усеченно-конической формы из зеленого стекла (рис. 13, 14). Единственная бусина с внут-

ренной позолотой встречена в погребении кургана 19/19 того же могильника (рис. 18, 6).

Бусы из минералов многочисленны. Гагатовые бусы представлены цилиндрической пронизкой типа 33 (рис. 9, 19), двумя стрелковидными подвесками типа 84 (рис. 9, 17) и двумя бочковидными бусинами типа 9 а (рис. 9, 18), найденными в погребении 1 кургана 2/41 I Чертовицкого могильника. Две крупные бусины из гагата типов 26 и 27 встречены в насыпи кургана 8 II Чертовицкого могильника. Сердоликовые бусы насчитывают 15 экземпляров. Большинство из них округлой (рис. 9, 20), часто поперечно-сжатой (рис. 9, 21; 11, 48—51) формы относятся к типу 2, одна пронизь бочковидной формы принадлежит типу 3 (рис. 11, 52). В погребении 2 кургана 25/1 I Чертовицкого могильника найдена янтарная короткоцилиндрическая бусина с выступающими торцами типа 11 (рис. 20, 2). Крупная круглая бусина из горного хрусталя встречена в погребении 5/40 того же могильника (рис. 11, 47). Из погребения 1 кургана 2/41 происходит халцедоновая пронизь кубической формы (рис. 9, 22).

Рассмотренные выше типы бус характерны для разноплеменного населения Северного Причерноморья и прилегающих районов первых веков нашей эры. Из них составались ожерелья, насчитывающие десятки, а иногда и сотни бус различной формы и материала, часто ярких контрастных цветов. Как уже указывалось, в их состав входили также бронзовые колокольчики и амулетницы, дополнявшие женский наряд. Набор полихромных женских украшений лесостепного Подонья не обнаруживает сколько-нибудь заметного своеобразия. В целом он соответствует моде, утвердившейся в сарматском мире в начале нашей эры.

6. Погребальный обряд

Для воссоздания погребального обряда населения сарматского времени бассейна р. Воронеж мы располагаем материалами 60 погребений. Основную их часть составляют захоронения I и II Чертовицких могильников, дополняемые данными Животинного и Писареvского могильников. Могильники этой группы находятся в глубинных районах лесостепи, на значительном удалении от степного пограничья (около 200 км). Все они располагаются в одинаковых топографических условиях — на высоких мысах правого берега р. Воронеж. По такому признаку, как наличие или отсутствие надмогильных сооружений, их можно разделить на три группы:

курганные, грунтовые и смешанные. К первому типу относятся II Чертовичский и Писаревский могильники, где обнаружены только подкурганные захоронения; ко второму — Животинный могильник, содержащий лишь грунтовые погребения; к третьему — I Чертовичский, где наряду с преобладающими курганными открыты и грунтовые захоронения. Памятники заметно различаются своей планировкой.

Для курганных и смешанных могильников характерно компактное размещение насыпей. В I Чертовичском могильнике курганы занимают не всю площадь мыса, а сравнительно небольшую его часть у края мысовой площадки (рис. 7). Насыпи расположены неравномерно, они образуют пять довольно обособленных групп. В последних курганы достигают такой концентрации, что порой сливаются краями насыпей. Все они округлой формы с сильно уплощенными вершинами. У самых крупных из них диаметр не превышает 10 м, а высота 1 м. Большинство же насыпей невелики: диаметр 5—6 м, высота 0,2—0,4 м. Они сооружались из земли, взятой тут же на площади могильника.

Особенностью I Чертовичского могильника является наличие в нем наряду с курганными грунтовыми погребениями. Их исследовано всего четыре (10% раскопанных погребений). Грунтовые захоронения не занимают какой-либо определенной участка могильника, а располагаются в межкурганных пространствах по всей его площади. На современной поверхности они не имеют видимых признаков. По погребальному обряду грунтовые погребения очень близки подкурганным. То же самое следует сказать и об их инвентаре. Они не являются захоронениями одной половозрастной группы. В их число входит мужское (1), два женских (2 и 4) и детское (3) погребения. Среди них есть бедные (3) и относительно богатые (2) погребения. Не наблюдается между курганными и грунтовыми захоронениями сколько-нибудь заметных хронологических различий. Последние совершались в течение всего времени функционирования могильника. Таким образом, сопоставление курганных и грунтовых погребений убеждает в том, что и те, и другие принадлежали лицам единой в этническом отношении родо-племенной группы. Поэтому причину появления в курганном могильнике некоторого количества грунтовых погребений, видимо, следует искать в явлениях социально-экономического порядка, о чем речь пойдет ниже.

Планировка II Чертовичского могильника иная (рис. 25 А). Она обусловлена наличием в нем разнотипных памогильных

сооружений. По форме последних курганы могильника делятся на две группы. К первой относятся курганы с обычными круглыми в плане насыпями. Их учтено не менее 20 (66,7%). Вторую группу составляют курганы с удлиненно-эллипсовидными в плане насыпями (рис. 27, 1; 28, 1). Меньший и больший их диаметры соотносятся как 1:2 или даже 1:3. Таких курганов здесь насчитывается 10 (33,3%). В расположении курганов с длинными и круглыми насыпями наблюдается определенная закономерность. Все длинные курганы сосредоточены в центральной части могильника и образуют цепочку вдоль склона мыса. В северной и южной его части расположены обычные круглые насыпи.

Поиск аналогий длинным курганам II Чертовицкого могильника не дал позитивных результатов. В предшествующую скифскую эпоху подобный тип погребальных памятников не известен. В интересующее нас время в некоторых сарматских могильниках иногда встречаются единичные курганы с длинными насыпями⁹⁸. Однако их ориентировка, местоположение погребений, а главное — сам характер последних резко отличается от курганов II Чертовицкого могильника. К тому же нигде, за исключением этого памятника, длинные курганы не составляют сколько-нибудь значительной, а тем более, обособленной группы. Поэтому вопрос о происхождении этого типа курганов пока следует оставить открытым. Отметим лишь, что наличие в одном могильнике двух различных типов надмогильных сооружений скорее всего указывает на неоднородность оставившего его населения.

Кроме курганов на площади II Чертовицкого и Писаревского могильников имелись углубленные в грунт сооружения подквадратной в плане формы. Во II Чертовицком могильнике их было пять (рис. 25 А). В Писаревском — одно. В обоих случаях они находились на окраине некрополей, причем во II Чертовицком могильнике эти сооружения составляли цепочку, расположенную между длинными курганами и склоном мыса. Как показали раскопки одного из них, на уровне материка его ограничивала замкнутая канавка подквадратной в плане формы, а в центре имелись две ямы (рис. 25 В). Крайне слабая насыщенность находками заполнения котлована исключает использование этого сооружения в качестве жилища. В нем встречено несколько фрагментов керамики и отдельные скопления углей.

В свете полученных данных описанные выше объекты предлагается рассматривать как остатки сооружений культу-

вого характера, составляющих вместе с курганами единый погребально-поминальный комплекс. Достаточно близкие аналогии им мы можем указать у сарматов Южного Приуралья⁹⁴ и Северо-Западного Причерноморья⁹⁵. Открытые там внекурганные сооружения типологически близки чертовицким: По мнению исследователей, одни из них служили своеобразными храмами огня, другие — для исполнения поминального культа. Незначительное количество продуктов горения, обнаруженных внутри объекта на II Чертовицком могильнике, скорее всего указывает на его использование в качестве поминального сооружения. Видимо, каждое из них было предназначено для почитания соплеменника, погребенного в ближайшем длинном кургане.

Важным элементом погребального обряда могильников на р. Воронеж являются тризны. В I Чертовицком могильнике они обнаружены в 8 насыпях (24% исследованных курганов). Обычное местоположение тризны — на уровне древней поверхности, иногда у края могильной ямы. По составу их можно разделить на тризны, представленные сосудами, и тризны в виде скопления костей животных. Сосуды найдены в насыпях четырех курганов. В двух случаях это были миски, в одном — горшок и также в одном — вазочка. Следует отметить, что в насыпи кургана 18/44 миска лежала вверх дном. Мясные тризны встречены в шести курганах I Чертовицкого и в двух курганах Писаревского могильников. Как правило, в их состав входили черепа или скопления зубов крупных животных, чаще всего лошади. В I Чертовицком могильнике дважды мясные тризны и сосуды обнаружены под одной насыпью, но всегда раздельно на значительном удалении друг от друга.

В курганных могильниках под каждой насыпью содержалось по одному захоронению. Здесь совершенно отсутствовали впускные погребения, обычные в курганах степной зоны. Иногда на площади могильников встречались курганы-кеофафы. О том, что они сооружались населением, оставившим названные памятники, свидетельствует однотипность их насыпей с прочими курганами и находки предметов, характерных для инвентаря остальных захоронений (рис. 22, 5). В курганах I Чертовицкого и Писаревского могильников погребения обычно находятся под вершиной насыпи. Во II Чертовицком могильнике такое местоположение погребений характерно только для круглых курганов. Во всех исследованных длинных курганах имелось по одному захоронению, расположен-

ному под южной полой насыпи. Отметим, что могильные ямы этих курганов всегда ориентированы так же, как и их длинные насыпи. Необычное расположение погребений в этих курганах еще раз убеждает в том, что мы имеем дело с особым видом погребений; известным пока лишь в этом могильнике.

Практически единственным типом погребальных сооружений являются грунтовые прямоугольные ямы. Иногда в силу скругления углов они приобретали овальную форму. Могилы имеют значительную ширину. У большинства из них она равна 1—1,6 м при длине 2 — 2,7 м. Однако под насыпью кургана 2/41 I Чертовичского могильника открыта могила, значительно превышающая обычные стандарты (1,6×3,7 м), что, видимо, объясняется наличием в ней двух захоронений (рис. 9, II). Узкие могилы встречались лишь в грунтовом Животинном могильнике. Глубина ям от уровня древней поверхности, как правило, составляет 0,8—1,2 м и только в отдельных погребениях достигает 1,7—2 м. В I Чертовичском могильнике неоднократно засвидетельствовано наличие ступенек вдоль коротких стенок могильных ям, расположенных ниже уровня материка на 0,2—0,5 м. Некоторые из них выполняли функции заплечиков. На последние опирались перекрытия из продольно положенных плах, частично сохранившееся в кургане 18/44 (рис. 17, II).

Остатки внутримогильных сооружений обнаружены лишь в погребениях I Чертовичского могильника. Захоронение в кургане 5/40 совершено в деревянном гробу прямоугольной формы (рис. 11, II). Остатки гроба встречены и в погребении кургана 23/38.

Единственный способ захоронения воронежских могильников — труположение. Как правило, погребения были одиночными. Исключения встречены в двух случаях. В яме кургана 2/41 I Чертовичского могильника находились два костяка: в западной половине — девочки-подростка (п. 1), а в восточной — взрослой женщины (п. 2). Они были совершены на разной глубине и, скорее всего, не одновременно. Второе парное захоронение обнаружено в погребении 5 Животинного могильника, содержащем скелеты женщины и ребенка, причем последний покоился на костях руки первого. Здесь захоронение произведено одновременно.

В могилах костяки лежат всегда вдоль продольной оси ямы. Обычной позой является положение на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и прямыми ногами. Однако встречаются и такие погребения, где правая рука покойни-

ка полусогнута, а его кисть покоится на тазовых костях (рис. 8, II). Еще более редким является положение обеих рук на груди (рис. 24, I). В пяти погребениях I Чертовичского могильника ноги покойников были перекрещены в голенях (рис. 12, II; 18, II; 22, I), что составляет 16,1% от числа исследованных курганных захоронений. Этот обычай зафиксирован также в отдельных погребениях Животинного (рис. 29, II) и Писаревского могильников. Менее характерно положение ног в виде ромба, по одному разу отмеченное в I Чертовичском (рис. 21, I) и во II Чертовичском (рис. 28, II) могильниках. В кургане 12/32 I Чертовичского могильника правая нога погребенного была слегка согнута в колене и выставлена вперед, что придавало ему позу, близкую так называемой «танцующей» (рис. 15, I).

В I Чертовичском могильнике ориентировка погребенных определена в 25 случаях. Из них 12 были положены головой на юго-восток, 4 — на восток — юго-восток, еще 4 — на восток и по одному — на юг, юг — юго-восток, восток — северо-восток и северо-запад. Из приведенных данных видно, что у населения, оставившего этот могильник, преобладала ориентация головой в юго-восточный сектор, отмеченная в 22 погребениях (91,7% захоронений с установленной ориентировкой). Во II Чертовичском могильнике ориентировка определена в четырех случаях. В двух длинных курганах погребенные положены головой на юг. Меридиональная ориентировка ям в ограбленных длинных курганах, а также местоположение уцелевшего инвентаря позволяет и для них предположить ту же ориентировку костяков. В двух круглых курганах погребенные также были ориентированы головой на юг. Однако наличие под некоторыми круглыми насыпями ям, ориентированных по линии запад — восток и северо-запад — юго-восток, заставляет допустить присутствие здесь погребений с иной ориентацией. Грунтовые захоронения Животинного могильника имели ориентировку как в южную, так и в северную половину круга. В Писаревском могильнике преобладающей явилась северо-восточная ориентировка. Таким образом, при господстве в целом юго-восточной и южной ориентировок, в каждом из могильников наблюдается определенное своеобразие: в I Чертовичском — это юго-восточная, во II Чертовичском — южная, в Писаревском — северо-восточная ориентировки, в Животинном присутствуют погребения и с северной, и с южной ориентировками. Иногда мы можем объяснить это явление хронологическими разли-

чиями погребений, например, для Животинного могильника, однако в остальных случаях многообразие ориентировок было обусловлено иными причинами, о которых речь пойдет в V главе.

Яркой чертой погребального обряда воронежских могильников является использование в погребении некоторых веществ. В I Чертовицком могильнике мел встречен в четырех захоронениях, во II Чертовицком — в двух, в Животинном — в одном. В одних могилах он находился в сосудах (курганы 2/41 и 5/40 I Чертовицкого могильника), в других был рассыпан по дну могилы (курган 15 II Чертовицкого могильника). Вероятно, в мировоззрении лесостепного населения мел символизировал сакральную чистоту, а при похоронах применялся для очищения погребальных сооружений. По-видимому, близкую функцию выполняла подсыпка из белого песка на дне могилы, прослеженная в ряде погребений I Чертовицкого могильника. Румяна обнаружены в трех погребениях. В погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника они были двух цветов: алые и пунцовые. В погребении 2 кургана 2/41 того же могильника найден кусок охры. В двух погребениях встречены кусочки кремня, скорее всего являющиеся остатками огня.

Следы огня в погребальном ритуале наиболее отчетливо засвидетельствованы в захоронении кургана 28/36 I Чертовицкого могильника. Его юго-восточная половина была заполнена углями, здесь дно было обожжено. Обугленные плахи перекрытия погребения кургана 18/44 свидетельствуют о том, что поверх него был разведен костер. В двух случаях скопления углей обнаружены в насыпях: в кургане 9/13 вместе с вазочкой; в кургане 10/14 вместе с конским черепом. Во II Чертовицком могильнике применение огня зафиксировано только в кургане 3, где найдена обугленная плашка.

Кости животных обнаружены не только в насыпях курганов, но и в погребениях. В I Чертовицком могильнике они засвидетельствованы в пяти случаях, во II Чертовицком — в одном, в Писаревском — в двух, в Животинном — в одном. Среди них преобладают находки черепов и зубов лошади. Они найдены в трех погребениях I Чертовицкого (курганы 21/54, 27/7, г. п. 4) и двух погребениях Писаревского (курганы 13 и 14) могильников. В погребении кургана 4/9 I Чертовицкого могильника встречена лопатка барана. В прытковом погребении 2 кости ног и лопатка крупного животного

были положены в миску вместе с железным ножом. В погребении Животинного могильника обнаружена кость животного с воткнутым в нее ножом. Положенное в погребение мясо являлось заупокойной пищей. Чаще всего ее клали в ногах погребенного.

Особое место в погребальной обрядности обитателей центральных районов донской лесостепи занимали зеркала и курильницы. Использование зеркал отмечено в пяти погребениях. Чаще всего встречаются поломанные или намеренно испорченные экземпляры, а также отдельные фрагменты зеркал. Как правило, они лежат у головы погребенной. Курильницы встречены в трех погребениях. Обычное их местоположение — в ногах погребенной. Как уже указывалось, для населения этого района характерно помещение в могилу двух курильниц: маленькой и большой, более массивной, причем, первая всегда находилась внутри второй.

Погребальный обряд населения лесостепного Подонья предусматривал снабжение покойника не только ритуальными предметами и пищей, но и вещами, которыми он пользовался при жизни. Для выяснения закономерности расположения инвентаря больше всего данных получено в I Чертовницком могильнике. В нем явно выделяется группа погребений с оружием. В его состав обязательно входит меч и набор наконечников стрел. В десяти погребениях найдены мечи с кольцевым навершием, всегда лежащие справа от погребенного вдоль его бедра. Почти все погребения с такими мечами содержат скопления наконечников стрел, состоящие из нескольких десятков экземпляров. Длинные мечи встречены в четырех захоронениях, причем в трех случаях они находились слева от погребенного, в одном — справа. В двух погребениях с длинными мечами найдены колчаные наборы, насчитывающие по несколько десятков наконечников. В погребении кургана 4/9 обнаружен лишь один наконечник стрелы, острее всего застрявший в груди погребенного здесь воина. Удила входили в состав инвентаря семи захоронений. В трех случаях они встречены с короткими мечами, в двух — с длинными, в одном — с набором наконечников стрел. Обычно удила лежали у ног погребенного. Все рассмотренные захоронения принадлежали мужчинам-воинам. Интересно, что из 13 погребений с оружием I Чертовницкого могильника только три содержали керамику и украшения. Видимо, эти категории инвентаря попадали в мужские захоронения в каких-то исключительных случаях.

Если оружие было характерно для инвентаря мужских погребений, то керамика — для женских. Посуду почти всегда ставили в ногах погребенной. Кроме керамики отличительным признаком инвентаря женских захоронений являются находки пряслиц, ожерелий из бус и прочих украшений. Из четырех фибул I Чертовичского могильника три встречены в женских захоронениях. Также только в женских захоронениях найдены зеркала и курильницы. Наконец, мел и краска для румян входили в состав исключительно женских захоронений. Среди исследованных погребений могильника женских оказалось не менее 11. Детские погребения выделяются небольшими размерами могильных ям, а также бедностью или отсутствием инвентаря. Их исследовано не менее четырех.

Итак, среди погребений I Чертовичского могильника 13 принадлежали мужчинам, 11 женщинам, 4 детям. Наложение полученных данных на план могильника показало, что здесь не было специальных мужских, женских или детских участков кладбища, так как различные по половозрастной принадлежности захоронения совершались по всей его площади. Наличие внутри могильника обособленных групп курганов скорее всего свидетельствует о том, что они принадлежали членам отдельных семей, составляющих родоплеменной коллектив. В то же время обращает на себя внимание концентрация наиболее богатых женских захоронений в северной группе насыпей (курганы 2/41, п. 1, 3/42, 5/40, 23/38, г. п. 2). В состав их инвентаря входило по три — шесть сосудов, а также дорогие украшения, в том числе из золота. Два таких захоронения совершены в гробах. Наконец, почти все женские погребения этой группы сопровождались курильницами или ритуальными сосудиками. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что здесь погребались не просто богатые женщины, но представительницы семьи, в руках которых находились жреческие функции.

Погребения мужчин-воинов встречены практически во всех группах курганов I Чертовичского могильника. Они составляют 37,2% захоронений. Большинство из них характеризуется стандартным набором инвентаря, состоящего из короткого меча с кольцевым навершием и наконечников стрел. Эти погребения отражают тот уровень общественно-го развития, «когда каждый взрослый мужчина в племени был воином»⁹⁶. Из серии мужских захоронений заметно вы-

деляется погребение в кургане 6/11, содержащее снаряжение конного воина и нехарактерный для рядовых мужских захоронений набор инвентаря. Среди него обращает на себя внимание уникальная находка галатового предмета с сарматскими знаками и кувшина редкой формы, имеющего единственную аналогию в аристократическом аланском некрополе на Кубани. Скорее всего здесь был похоронен один из вождей родо-племенной группы, оставившей I Чертовичский могильник. Следует отметить, что данные о социальном статусе лиц, погребенных в этом могильнике, содержит лишь сопровождающий их инвентарь. Обособления отдельных групп на уровне погребального ритуала не наблюдается. Даже наиболее богатые и знатные члены коллектива погребались под насыпями и в могилах тех же размеров, что и их рядовые соплеменники.

Несколько иная картина выявляется во II Чертовичском могильнике. К сожалению, ввиду его почти полного ограбления, интересующие нас данные немногочисленны. Однако они позволяют заметить связь длинных курганов только с женскими захоронениями. Причем два неограбленных погребения (курганы 11 и 13) отличались довольно богатым и разнообразным инвентарем. Не менее существен и тот факт, что погребение кургана 13 сопровождалось комплектом из двух курильниц, а в разграбленном погребении кургана 15 обнаружен каменный жертвенник и очень большое количество мела. Круглые курганы содержали как женские, так и мужские захоронения. Они имели минимальное количество инвентаря или были безынвентарными.

Сопоставление погребений в длинных и круглых курганах показывает, что они скорее всего принадлежали представителям двух различных по имущественному состоянию групп населения. Интересно, что погребения лиц более высокого имущественного и, видимо, социального положения отмечались насыпями особой формы. Однако не исключаются различия этнокультурного порядка людей, погребенных под длинными и круглыми насыпями. Но и в таком случае первые являлись скорее всего господствующей, а вторые подчиненной группой коллектива, оставившего этот могильник. Об особом отношении соплеменников к покойникам, погребенным в длинных курганах; свидетельствует и расположенное близ каждого из них святилище.

ВЕРХНЕДОНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

На Верхнем Дону открыто два курганных могильника и одно грунтовое погребение сарматского времени. Они составляют компактную группу, территориально и культурно обособленную как от среднедонских, так и от воронежских могильников. Несмотря на небольшое количество памятников, число исследованных погребений весьма значительно. Их материалы позволяют дать довольно полную картину материальной культуры и погребального обряда верхнедонских племен в первые века нашей эры.

1. Ново-Никольский могильник

Находится на правом берегу р. Дон напротив с. Ново-Никольское Данковского района Липецкой области (рис. 30). В могильнике насчитывается 83 кургана, образующие три группы. Насыпи округлой формы, сильно оплывшие, диаметром от 4 до 10 м, высотой 0,2—1 м. Курганы расположены очень компактно, их полы часто сливаются краями. В могильнике раскопано 58 курганов, содержащих 55 захоронений. Результаты раскопок В. П. Левенка 1960—1963 гг. (23 кургана) и Р. Ф. Ворониной 1969—1971 гг. (9 курганов) введены в научный оборот¹. Ниже публикуются материалы наших раскопок 1980 г.

Курган 6 входит в западную группу насыпей. Его диаметр 6 м, высота 0,35 м. Погребение обнаружено несколько северо-восточнее вершины кургана в яме прямоугольной с закругленными углами формы 1,4×2,65, глубиной 1,51 м, заметно расширяющейся в юго-восточной части (рис. 31, 1). На дне встречены куски и целые участки истлевшей древесной коры. От погребенного сохранились кости ног и череп. Последний имел следы выраженной искусственной деформации. Судя по положению костей, погребенный ориентирован головой на северо-восток. В ногах обнаружены железные изделия: наконечник копья (рис. 31, 1), пряжка с обоймой (рис. 31, 2), а также полностью корродированный кинжал в деревянных ножнах, покрытых красной краской. От

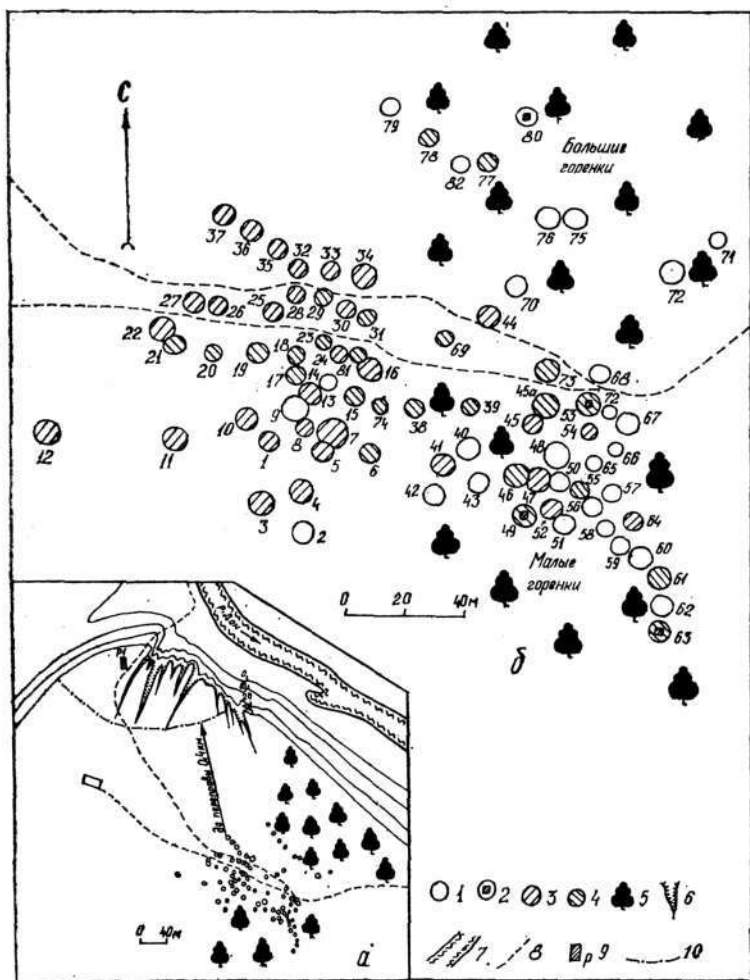

Рис. 30. План Ново-Никольского могильника: а — поселение и могильник, б — могильник: 1 — насыпь, 2 — нарушенная насыпь, 3 — курганы, раскопанные В. П. Левенком и Р. Ф. Ворониной, 4 — курганы, исследованные экспедицией ВГУ, 5 — деревья, 6 — овраги, 7 — река, 8 — дорога, 9 — раскоп, 10 — границы поселения

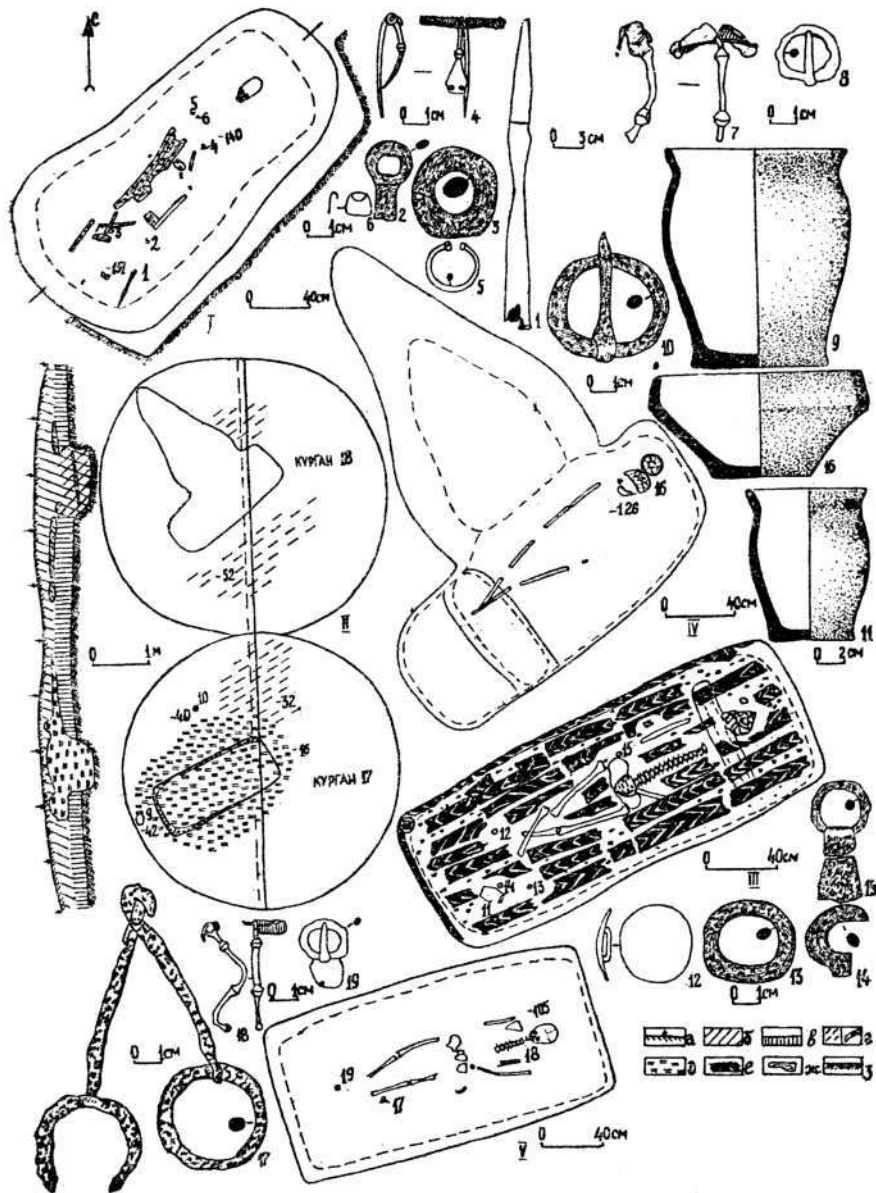

Рис. 31. Курганы Ново-Никольского могильника 6, 15, 17, 18 и 19: I — погребение кургана 6; 1—6 — инвентарь погребения; 7—8 — инвентарь погребения кургана 15; II — курганы 17 и 18; 9—10 — насыпь кургана 17; III — погребение кургана 17; 11—15 — инвентарь; IV — погребение кургана 18; 16 — инвентарь; V — погребение кургана 19; 17—19 — инвентарь

него уцелело только кольцевое навершие (рис. 31, 3). На груди лежала бронзовая скульгама (рис. 31, 5), бронзовый крючок (рис. 31, 6) и бронзовая фибула (рис. 31, 4).

Курган 15. Диаметр насыпи 6 м, высота 0,2 м. Погребение совершенно несколько севернее вершины кургана в прямоугольной яме $1 \times 2,25$ м, глубиной 0,92 м. Северо-восточный угол ее нарушен углублением подтреугольной формы. На дне в юго-западной части могилы имелась поперечная канавка глубиной 0,1 м. От погребенного сохранились кости правой руки, зубы и тлен от черепа. Судя по их расположению, он похоронен головой на северо-восток. В центре могилы найдена бронзовая фибула (рис. 31, 7), а ближе к канавке — железная пряжка с полностью окислившейся обоймой (рис. 31, 8).

Курган 17 сливается северной полкой с насыпью кургана 18. Для выяснения последовательности сооружения этих насыпей оставлена общая для них бровка (рис. 31, II).

Диаметр кургана 17—5 м, его высота 0,3 м. Верхняя часть насыпи состояла из чернозема, а в центре — из обожженной глины. Под северной полкой зафиксирован могильный выкйд, частично перекрывающий насыпь кургана 18. На уровне погребенной почвы под западной полкой обнаружен лепной горшок (рис. 31, 9), а под северной полкой — железная пряжка (рис. 31, 10). Могильная яма находилась под вершиной насыпи (рис. 31, III). Она имела прямоугольную форму размерами $0,95 \times 2,4$ м, глубина 0,96 м. Заполнение ямы — обожженная до кирпичного цвета глина. Стенки и дно могилы выложены обуглившимися досками, в северо-западном углу сохранился обгорелый столбик. На дне в восточной части могилы проходила поперечная канавка глубиной 0,1 м. Погребенный похоронен вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кисть левой руки покоилась на тазовых костях, ноги скрещены в голенях. Кости сильно обожжены, но лежали в анатомическом порядке. В ногах обнаружен раздавленный лепной горшок (рис. 31, 11). Рядом с ним находилось железное кольцо (рис. 31, 13) и железный фрагментированный предмет в виде крюка (рис. 31, 14). В ногах лежала бронзовая бляшка (рис. 31, 12). У правой ключицы встречена дружинка бронзовой фибулы, спинка которой найдена на эпифизе берцовой кости правой ноги. Справа от таза обнаружена фрагментированная пряжка (рис. 31, 15).

Курган 18 (рис. 31, II). Диаметр 5 м, высота 0,25 м. Насыпь состояла из чернозема. Погребение обнаружено под

вершиной кургана в прямоугольной яме $0,9 \times 2,3$ м, глубиной 1,26 м (рис. 31, IV). На дне в юго-западной части имела широкая поперечная канавка глубиной 0,07 м. Северо-восточная стенка ямы была нарушена углублением треугольной формы. Скелет погребенного лежал на спине, вытянуто, со скрещенными в щиколотках ногами, головой на северо-восток. За черепом обнаружен развал лепной миски (рис. 31, 16). На лучевой кости правой руки находился окислившийся бронзовый браслет, обломок которого найден рядом с берцовой костью правой ноги. На месте левой ключицы лежала железная фрагментированная пряжка.

Курган 19. Диаметр насыпи 8 м, высота 0,35 м. Могила имела прямоугольную форму $1,2 \times 2,3$ м, глубина 1,06 м. Ее заполнение на глубине 0,65—0,8 м — осветленный чернозем, на глубине 0,8—0,85 м — глина. Глиняная прослойка имела в разрезе корытообразную форму. Между ней и дном залегал слой перегноя. В заполнении встречено днище сероглиняной миски. Скелет погребенного лежал на спине вытянуто, головой на восток — северо-восток (рис. 31, V). Кисть левой руки покоилась на тазовых костях. Под нижней челюстью найдена бронзовая фибула (рис. 31, 18). В ногах встречены железные удила (рис. 31, 17) и железная пряжка (рис. 31, 19). Между тазовыми костями и южной стенкой могилы обнаружен фрагментированный железный предмет.

Курган 20. Диаметр 5 м, высота 0,3 м. Насыпь состояла из чернозема. На глубине 0,4 м отмечен кольцевой выкид из глины. Погребение обнаружено несколько южнее вершины в прямоугольной яме $0,9 \times 2,4$ м, глубиной 0,97 м, ориентированной по линии запад — восток. На дне зафиксированы две поперечные канавки глубиной 0,04—0,06 м. Скелет погребенного не сохранился. В восточной части могилы найдена железная пряжка (рис. 32, 1). В центре ямы обнаружена половинка железного кольца с напаянным шипом (рис. 32, 2), железное шило (рис. 32, 3), а также истлевший деревянный предмет с железными накладками (не сохранился).

Курган 21. Диаметр 5 м, высота 0,25 м. В южной части насыпи с отметки — 0,32 м фиксировалось скопление кусков обожженной глины. Зачистка, проведенная на уровне древней поверхности, выявила латно могильной ямы овальной формы $0,85 \times 1,6$ м, заполненной обожженной глиной с включениями угля. Она ориентирована по линии юго-запад —

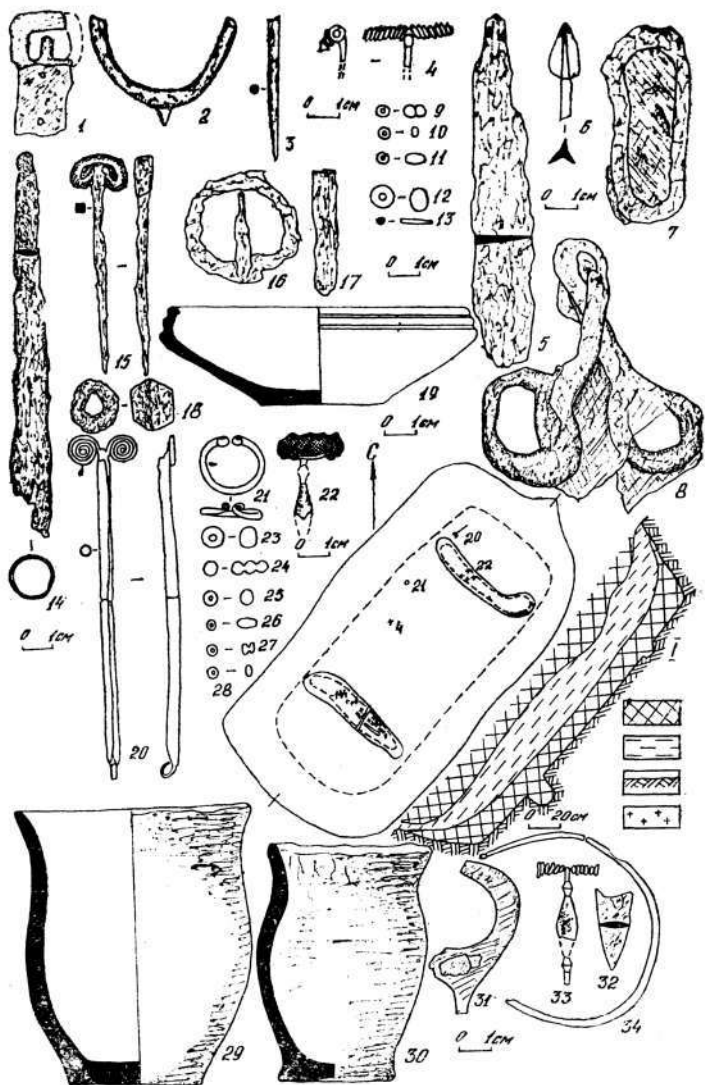

Рис. 32. Курганы Ново-Никольского могильника 20, 23, 38, 39, 45а, 46 и 49: 1—3 — инвентарь погребения кургана 20; 4—5 — инвентарь погребения кургана 23; 6—8 — инвентарь погребения кургана 38; 9—13 — инвентарь погребения кургана 39; 14—18 — инвентарь погребения кур-

северо-восток. Дно ямы залегало на уровне материка и было обожжено. Скелета погребенного и инвентаря не обнаружено.

Курган 23. Диаметр 4 м, высота 0,15 м. С глубины 0,4 м фиксировался кольцевой могильный выкйд. Погребение совершено под вершиной кургана в прямоугольной яме 1,55×2,65 м, глубиной 1,23 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. При зачистке пятна выявлены две полосы глины, идущие вдоль длинных стенок ямы. Ее заполнение неоднородно: на глубине 0,7—0,9 м — чернозем, на глубине 0,9—1 м — глиняная прослойка, между ней и дном — снова чернозем. В юго-западной половине ямы имелась поперечная канавка, углубленная на 0,15 м. От погребенного сохранился раздавленный череп, кости левой руки, берцовые кости. Судя по их расположению, он лежал на спине, вытянуто, головой на северо-восток. На месте трудной клетки обнаружена пружинка бронзовой фибулы (рис. 32, 4). На поясе найдена железная фрагментированная пряжка. В ногах погребенного встречен железный нож (рис. 32, 5).

Курган 29 (рис. 33, 1). Диаметр 6, высота 0,25 м. В центре насыпи имелась небольшая западина. Под ней встречались угли. С отметки — 0,32 м фиксировался кольцевой могильный выкйд. Могила обнаружена несколько западнее вершины (рис. 33, II). При зачистке пятна выявлена полоса из глины, идущая по периметру ямы. Могила имела прямоугольную форму 1,25×2,5 м, глубина 1,18 м. Ее заполнение неоднородное: на глубине 0,63—0,86 м — осветленный чернозем, у стенок — глина, на глубине 0,86 м — 1 м — глина, ниже до дна — чернозем. У восточной стенки встречались угли и куски обгорелого дерева. Здесь имелась узкая поперечная канавка глубиной 0,05 м.

Скелет погребенного не сохранился. В центральной части могилы лежал железный меч длиной 80 см (рис. 33, I). Рядом с ним положен железный кинжал длиной 26 см (рис. 33, 2). Несколько южнее найдена стеклянная бусина со спиральным орнаментом (рис. 33, 5). В восточном углу обнаружены железные удила (рис. 33, 6) и железный наконечник копья (рис. 33, 3). Между ними и мечом встречено семь округлых железных обойм (рис. 33, 10) и фрагментирован-

гана 45а; I — погребение кургана 46; 19 — насыпь кургана 46; 20—28 — инвентарь кургана 46; 30 — насыпь кургана 49; 29, 31—34 — инвентарь погребения кургана 49

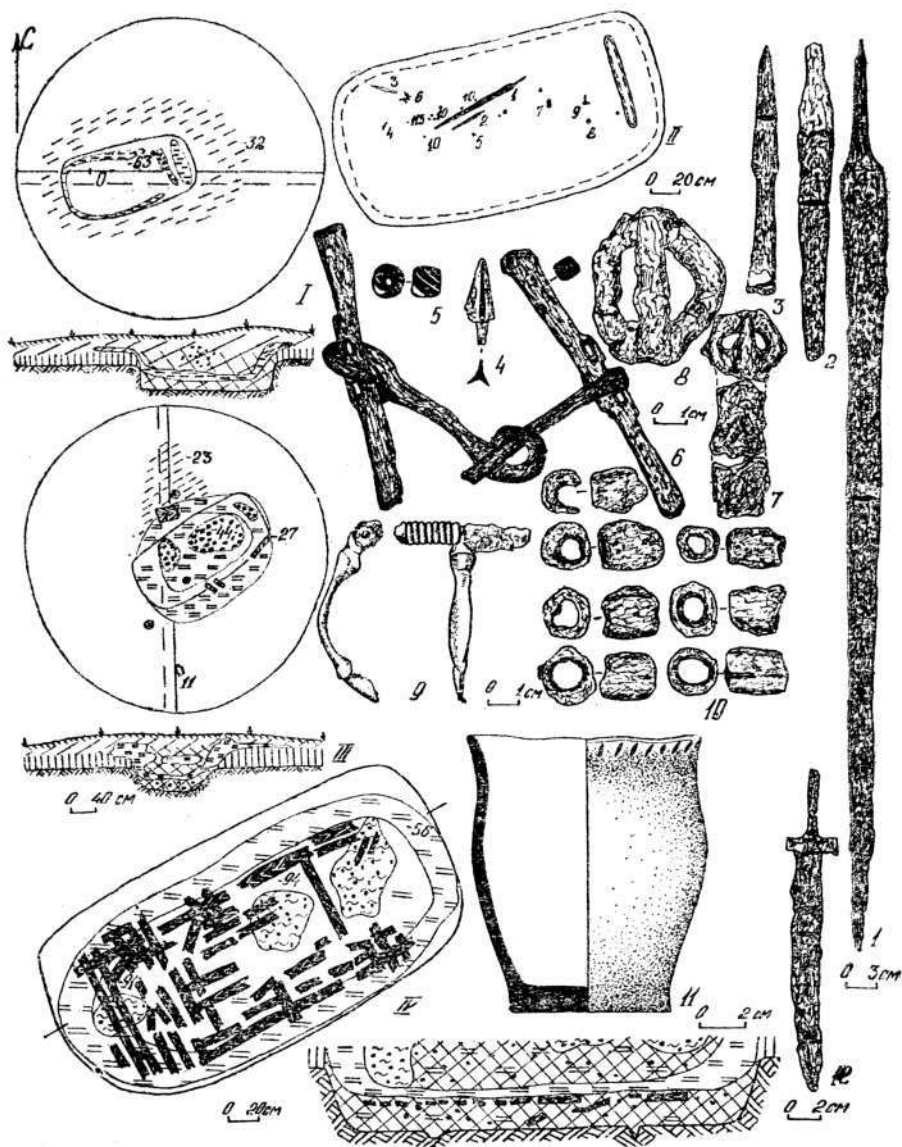

Рис. 33. Курганы Ново-Никольского могильника 29 и 31: I — курган 29; II — погребение кургана 29: 1—10 — инвентарь; III — курган 31; IV — погребение кургана 31: 11—12 — инвентарь

ный железный нож. В центре ямы обнаружены две железные пряжки, одна из них с прямоугольной облоймой (рис. 33, 7). В восточной половине найдена бронзовая фибула с остатками ткани на пружине (рис. 33, 9), крупная железная пряжка (рис. 33, 8), две небольшие фрагментированные железные пряжки, а также железный наконечник стрелы (рис. 33, 4).

Курган 31 (рис. 33, III). Диаметр 6 м, высота 0,15 м. В центральной части насыпи обнаружено пятно обожженной глины, в которой встречались обгорелые плахи, столбчики и скопления углей. Под южной полой насыпи на уровне погребенной почвы найден лепной горшок (рис. 33, II). Могила обнаружена в центре кургана под пятном обожженной глины. Она имела прямоугольную форму 1,3×2,8 м, глубина 1,13 м (рис. 33, IV). На глубине 0,56—0,85 м заполнение состояло из обожженной докрасна глины и углей, причем ближе к стенкам шла чистая обожженная глина (рис. 33, IV). На глубине 0,85—0,95 м фиксировалась прослойка из обожженной глины. Ниже ее находились поперечно и продольно положенные обгорелые плахи перекрытия. Между ними и дном заполнение состояло из обожженной глины, насыщенной углями и золой. Дно было слабо обожжено. В могиле имелись две поперечные канавки глубиной 0,05—0,1 м. От погребенного сохранились только кости черепа, подвертшиеся воздействию огня, найденные у северо-восточной канавки, и лучевая кость с бронзовым браслетом, обнаруженная рядом с юго-западной стенкой. Тут же найден железный кинжал длиной 26,5 см (рис. 33, 12). Поблизости от него лежала фрагментированная железная пряжка и обломок ножа.

Курган 38. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Погребение обнаружено под вершиной насыпи в прямоугольной яме 1,45×2,65 м, глубиной 1,19 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. При зачистке пятна выявлены две полосы из глины, идущие вдоль длинных стенок ямы. На дне имелась поперечная канавка глубиной 0,1 м. Заполнение ямы на глубине 0,65—0,85 м — чернозем, на глубине 0,85—0,95 м отмечена глиняная прослойка, ниже — снова чернозем. От погребенного сохранился лишь тлен от берцовых костей, зафиксированный над канавкой. Между ними найден овальный железный предмет в деревянной обкладке (рис. 32, 7). Ближе к юго-западной стенке обнаружены железные удила (рис. 32, 8) и железный наконечник стрелы

(рис. 32, 6), а в центральной части железный фрагментированный предмет.

Курган 39 входит в восточную группу насыпей. Его диаметр 5 м, высота 0,2 м. Погребение обнаружено несколько юго-западнее вершины в прямоугольной яме $0,8 \times 1,2$ м, глубиной 0,63 м. От погребенного уцелело лишь скопление зубов, найденное в северной половине могилы, а также отдельные зубы, встреченные в ее центре. Здесь же обнаружена россыпь украшений, состоящая из 13 округлых бус (рис. 32, 12) и одной пронизки (рис. 32, 13) из бирюзовой пасты; 22 мелких желтых (рис. 32, 10) и четырех фиолетовых бус из стекла; одной стеклянной пронизки с внутренней позолотой (рис. 32, 11); одной гагатовой бусины и двойной гагатовой пронизки (рис. 32, 9).

Курган 45 а. Диаметр 8 м, высота 0,4 м. В центре его на глубине 0,4 м зафиксирован кольцевой выкид из глины. Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1,5 \times 2,75$ м, глубиной 1,56 м. При зачистке пятна выявлена глиняная полоса подковообразной формы. Заполнение ямы на глубине 0,9—1,2 м — плотный чернозем; на глубине 1,2—1,35 м — глиняная прослойка, имевшая корытообразную форму, между ней и дном залегал чернозем с включениями перегноя. На дне встречены отдельные угольки. Скелет погребенного не сохранился. У восточной стенки ямы лежал железный наконечник копья (рис. 32, 14). В южной половине обнаружены железные изделия: фрагментированное кольцо, булава с волнообразным навершием (рис. 32, 15), обломок ножа (рис. 32, 17), пряжка (рис. 32, 16) и округлая обойма (рис. 32, 18).

Курган 46. Диаметр 8 м, высота 0,4 м. В 1,5 м к северо-востоку от вершины на уровне погребенной почвы найден развал лепной острорезерной миски (рис. 32, 19). Могила обнаружена несколько северо-восточнее вершины кургана. Она имела прямоугольную форму $1,3 \times 2,6$ м, глубина 1,3 м (рис. 32, 1). При зачистке пятна вдоль стенок выявлены полосы глины. Заполнение могилы на глубине 0,75—1 м состояло из чернозема, а у стенок — из глины, на глубине 1—1,2 м шла чистая глина, между ней и дном залегала прослойка чернозема. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,06 и 0,15 м. От погребенной сохранились только обломки костей ног, найденные в юго-западной канавке. Здесь же обнаружено скопление стеклянных бус с внутренней позолотой (рис. 32, 23—26), а также мел-

кие гагатовые бусы (рис. 32, 27—28). В северном углу лежал бронзовый предмет с навершием в виде двух спиральных волн (рис. 32, 20). В заключении северо-восточной канавки встречены мелкие стеклянные и гагатовые бусы, а также верхняя часть фибулы (рис. 32, 22). У северо-западной стенки найдена бронзовая сюльгама (рис. 32, 21). На дне встречено несколько кусочков мела.

Курган 48 (рис. 34, I). Его диаметр 8 м, высота 0,2 м. В западной половине насыпи на уровне древней поверхности встречен череп лошади, а в северной доле — венчик лощеной миски (рис. 34, а). Под насыпью обнаружено два погребения.

Погребение 1 находится в 0,7 м к северу от вершины (рис. 34, II). Совершено в прямоугольной яме $1 \times 2,15$ м, глубиной 1,18 м. От погребенной сохранилась только часть черепной крышки и нижняя челюсть, обнаруженные в северо-восточной половине ямы. Южнее найдена россыпь украшений: 24 стеклянных круглых бусины с внутренней позолотой, в том числе — 9 двойных и 5 тройных (рис. 34, 6); три пастовые зубчатые пронизы бурого цвета (рис. 34, 7) и 34 мелкие бусины желтого, серого, черного, бирюзового и красного стекла (рис. 34, 8). Здесь же лежала бронзовая фибула (рис. 34, 1), обломок железной пряжки (рис. 34, 5) и фрагмент ножа (рис. 34, 3). В восточном углу обнаружена верхняя часть второй фибулы (рис. 34, 2). В юго-западной половине найден корродированный железный предмет (рис. 34, 4) и несколько мелких пастовых бус.

Погребение 2 находилось под южной долей насыпи (рис. 34, III). Оно совершено в прямоугольной яме $1 \times 1,95$ м, глубиной 1,16 м. Заполнение на глубине 0,8—1 м — плотный чернозем, ниже шла прослойка глины толщиной до 0,1 м, между ней и дном снова чернозем. В южной части могилы на дне обнаружена поперечная канавка глубиной 0,08 м, заполненная углями. От погребенной сохранились только нижняя челюсть и зубы, найденные у северо-восточной стенки ямы. Рядом лежало бронзовое зеркало (рис. 34, 9) и небольшая бронзовая скобка (рис. 34, 10). По всему дну были рассыпаны крупные янтарные бусы — 19 целых и более 20 обломков (рис. 34, 14), шесть двойных стеклянных пронизей с внутренней позолотой (рис. 34, 12) и четыре круглые бусины того же материала (рис. 34, 13). Рядом с остатками черепа встречена бусина-четырнадцатигранник из темно-зеленого стекла (рис. 34, 11). Поблизости найдены две

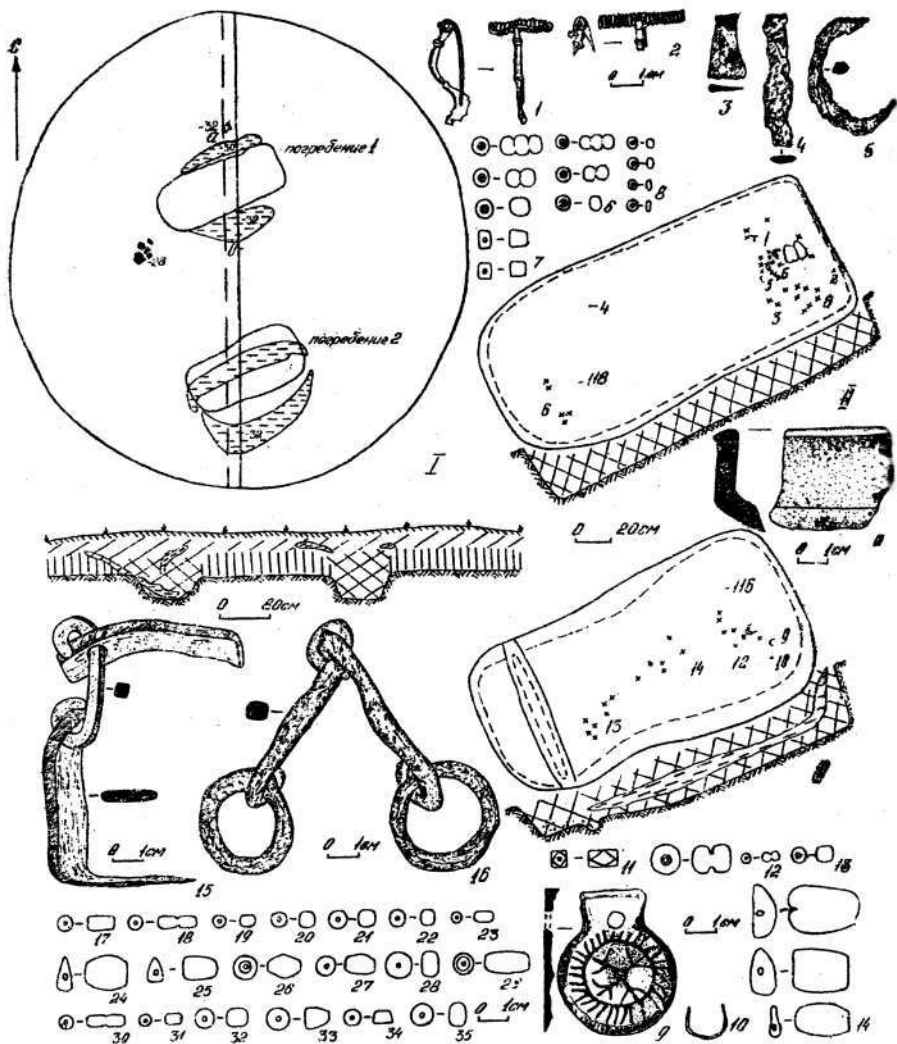

Рис. 34. Курганы Ново-Никольского могильника 48, 63 и 73: I — курган 48; II — погребение 1 кургана 48: 1—8 — инвентарь; III — погребение 2 кургана 48: 9—14 — инвентарь; 15—16 — насыпь кургана 63; 17—23 — инвентарь погребения кургана 69; 24—35 — инвентарь погребения кургана 73; а — фрагмент миски из насыпи кургана 48

мелкие пастовые бусины бирюзового и желтого цвета.

Последовательность совершения погребений 1 и 2 не установлена.

Курган 49. Диаметр 7 м, высота 0,35 м. На его вершине имелся свежий грабительский шурф. На глубине 0,49 м зафиксирован кольцевой могильный вынзд. У края могилы на уровне погребенной почвы стоял лепной горшочек (рис. 32, 30). Погребение совершено в яме овальной формы 1,65×2,4 м, глубиной 1,42 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. При зачистке могильного пятна по его краям выявлено кольцо глины, разомкнутое с юга. Заполнение на глубине 0,95—1,3 м — чернозем с включениями глины, на глубине 1,3—1,35 м шла прослойка чистой глины, ниже до дна залегал перепной с включениями кусков древесной коры. В северо-восточной части на дне имелась поперечная канавка глубиной 0,1 м. Рядом найдено несколько зубов погребенного. В центре обнаружен лепной горшок (рис. 32, 29) и два железных предмета неясного назначения. Ближе к канавке лежал кусок коры, а на нем фрагмент железного кольцевого навершия меча (рис. 32, 31), острие которого найдено у юго-восточной стенки (рис. 32, 32). Поблизости встречен бронзовый браслет (рис. 32, 34) и фрагменты бронзовой фибулы (рис. 32, 33). В центральной части лежали остатки полностью окислившегося железного предмета удлиненной формы, возможно, клинка кинжала, а также фрагментированная железная пряжка. Другая железная пряжка небольших размеров встречена в заполнении канавки. Третья крупная железная пряжка обнаружена рядом с канавкой. Пряжки были очень плохой сохранности и полностью распались.

Курган 53. Диаметр 8 м, высота 0,2 м. На его вершине имеется свежий шурф. Насыпь состояла из чернозема, а в центре с глубины 0,3 м — из обожженной глины. На уровне погребенной почвы найден фрагмент железной пряжки и несколько обломков лепной керамики. Погребение обнаружено в центре насыпи, в прямоугольной яме 1,2×2,7 м, глубиной 1,38 м (рис. 35, III). Заполнение — обожженная глина с большим количеством углей и золы. Дно покрыто остатками обгорелых плах и углями. Скелет погребенного лежал на правом боку, слепка скорченно, головой на северо-восток. Кости сильно обожжены. На правой руке находился бронзовый браслет (рис. 35, 15). У таза найден железный кинжал с кольцевым навершием длиной 31 см (рис. 35, 12).

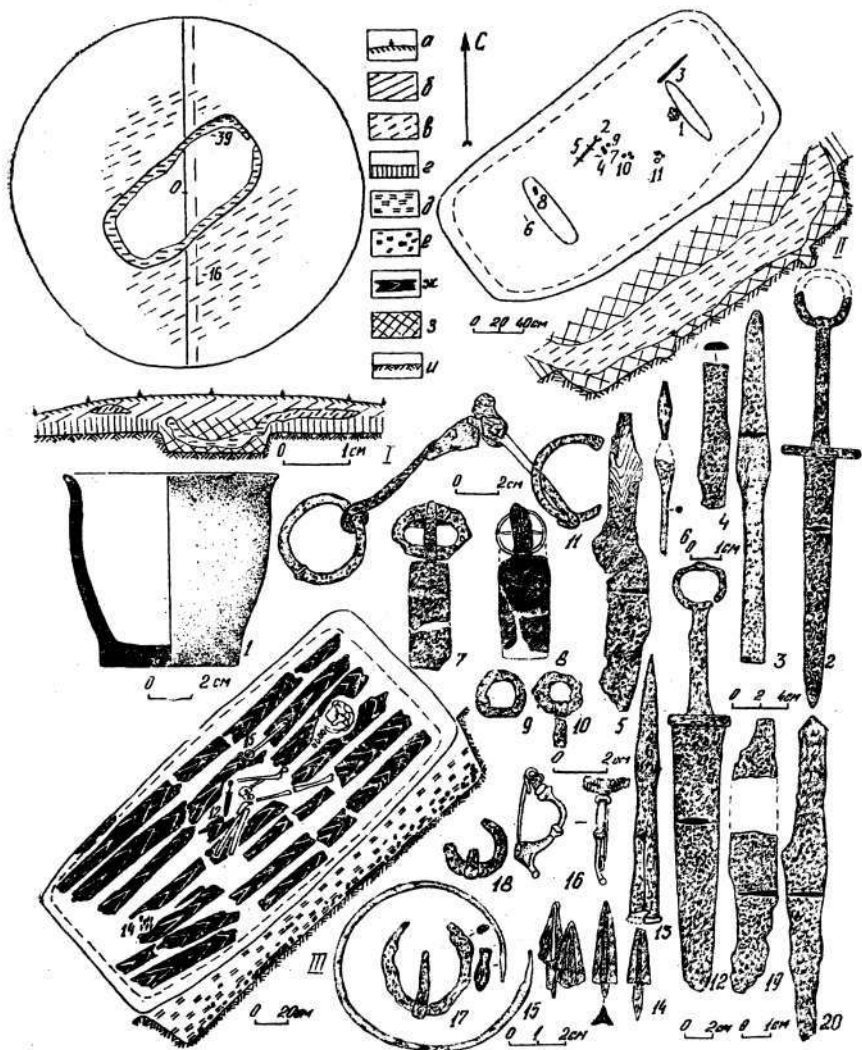

Рис. 35. Курганы Ново-Никольского могильника 53 и 74: I — курган 74; II — погребение кургана 74; 1—11 — инвентарь; III — погребение кургана 53; 12—20 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — обожженная глина, ж — обгорелое дерево, з — заполнение, и — материк

на котором сохранились остатки ножен, окрашенных алой краской. На клинок ввинжала положен железный нож (рис. 35, 20). В ногах обнаружен железный наконечник копья (рис. 35, 13) и 10 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис. 35, 14). На шейных позвонках встречена бронзовая фибула (рис. 35, 16), а у таза — две железных фрагментированных пряжки (рис. 35, 17—18). Тут же найдены два обломка железного ножа (рис. 35, 19).

Курган 55. Диаметр насыпи 6 м, высота 0,25 м. На вершине имеется грабительский шурф. Погребение обнаружено под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1 \times 2,25$ м, глубиной 0,94 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На дне в юго-западной части могилы имелась поперечная канавка глубиной до 0,07 м. В центре ямы найдены фрагменты бронзовой фибулы.

Курган 61. Диаметр 8 м, высота 0,35 м. Могила находилась под вершиной насыпи в погребенной почве. Она имела прямоугольную форму $1,1 \times 2,6$ м, глубина 0,66 м, ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Скелета погребенного и вещей не обнаружено.

Курган 63. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. На вершине имеется свежий шурф. В насыпи найдены железные удила (рис. 34, 16) и железное изделие неясного назначения, состоящее из двух изогнутых железных пластин, соединенных скобой (рис. 34, 15). Погребение совершено в прямоугольной яме широтной ориентировки $1,5 \times 2,8$ м, глубиной 2,23 м. При зачистке пятна вдоль его краев выявлено кольцо чистой глины. Заполнение на глубине 1—1,2 м — глина, на глубине 1,2—2,2 м — чернозем с прослойкой глины. У дна заполнение отличалось особой плотностью. Остатков погребенного и какого-либо инвентаря не обнаружено.

Курган 69. Диаметр 6 м, высота 0,25 м. Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1 \times 1,9$ м, глубиной 0,96 м. На дне в юго-западной части ямы имелась поперечная канавка глубиной 0,05 м, в заполнении которой встречены 22 галатевые пронизки (рис. 34, 17). Скелет погребенного не сохранился. В северо-восточной части найдены обломки пружинки бронзовой фибулы и два скопления бус: 9 стеклянных цилиндрических пронизок с внутренней позолотой (рис. 34, 18—19), 2 цилиндрические стеклянные пронизки зеленого цвета (рис. 34, 23), 3 круглые пастовые бусины белого цвета (рис. 34, 20), 3 бусины той же формы и материала бордового цвета (рис. 34, 21), 1

мелкая гагатовая бусина, а также 23 круглые пастовые бусины оранжевого цвета (рис. 34, 22).

Курган 73. Диаметр 8 м, высота 0,3 м. Погребение находилось под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1,35 \times 2,3$ м, глубиной 1,15 м. Ее заполнение на отметке 0,76—1 м — чистая глина, между ней и дном — чернозем с включениями углей. Скелет погребенного не сохранился. В юго-западной части ямы найден железный стерженок, фрагмент бронзового колечка, кусочек мела и россыпь бус: 6 янтарных пронизок овальной формы (рис. 34, 24—25) и 14 сердоликовых бусин биконической, округлой и бочковидной формы (рис. 34, 26—28). В северо-восточной части ямы обнаружено второе скопление бус: 11 стеклянных цилиндрических пронизок с внутренней позолотой (рис. 34, 30—31), 3 пастовые пронизки кирпичного и оранжевого цвета (рис. 34, 33—34), круглая бусина зеленого стекла (рис. 34, 32), круглая гагатовая бусина (рис. 34, 35) и пронизь из халцедона (рис. 34, 29).

Курган 74 (рис. 35, 1). Диаметр насыпи 5 м, высота 0,25 м. Погребение совершено в прямоугольной яме $1,25 \times 2,5$ м, глубиной 0,93 м (рис. 35, 11). Ее края оконтурены по периметру «рамкой» чистой глины. Заполнение на глубине 0,4—0,65 м состояло из суглинка, а по краям — из глины; на глубине 0,65—0,85 м шел слой чистой глины, имевший в разрезе корытообразную форму, между ним и дном снова залегал суглинок. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05 и 0,12 м.

Скелет погребенного не сохранился. В центре могилы найден железный кинжал с наполовину обломанным кольцевым навершием длиной 30 см (рис. 35, 2). Поперек его клинка положен железный нож (рис. 35, 5). Рядом лежали две железные пряжки (рис. 35, 7) а также железный предмет неясного назначения (рис. 35, 4). В северном углу встречен железный наконечник копья (рис. 35, 3). У северо-восточной канавки обнаружен развал лепного горшка (рис. 35, 1) и фрагмент пружинки бронзовой фибулы. В центральной части ямы найдены железные удила (рис. 35, 11) и две железные пряжки (рис. 35, 9—10). В заполнении южной канавки встречена бронзовая пряжка плохой сохранности с остатками ремня и ткани (рис. 35, 8). Южнее канавки лежало железное шило (рис. 35, 6).

Курган 77. Входит в северную группу курганов. Его диаметр 6 м, высота 0,25 м. На уровне погребенной почвы

в 1 м к юго-востоку от вершины обнаружен развал лепного горшка (рис. 36, 10). Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной могиле $1 \times 2,2$ м, глубиной 0,51 м. На дне обнаружены отдельные кости погребенного, половинка расколотой гальки и бронзовая пряжка (рис. 36, 11).

Курган 78 (рис. 36, 1). Диаметр 6 м, высота 0,2 м. В юго-восточной поле насыпи найдено несколько фрагментов лепного горшка. Погребение совершено под вершиной кургана в прямоугольной яме $1,4 \times 2,4$ м, глубиной 1,32 м (рис. 36, 11). Могильное пятно оконтуривалось по периметру узкой полоской чистой глины. Заполнение на глубине 0,7—1 м состояло из чернозема, а у стенок — из глины, на глубине 1—1,25 м шел слой чистой глины, между ней и дном залегала тонкая прослойка чернозема. В яме обнаружены остатки внутримогильных каменных конструкций. Вдоль ее длинных стенок положены плоские камни. Такими же камнями были выложено почти все изголовье, причем по углам «кладку» завершали два камня, имевшие форму пирамидок.

На дне ямы лежал костяк мужчины вытянуто на спине, головой на северо-восток. Руки умершего покоились вдоль туловища, стопы ног сведены вместе, череп завалился на правую сторону. Вдоль левой ноги погребенного лежал железный меч длиной 100 см (рис. 36, 1). Между мечом и голенью положен железный нож (рис. 36, 2), а ближе к ступням — железный наконечник стрелы (рис. 36, 3). На ступнях найдено по небольшой железной пряжке (обе фрагментированы). В западном углу обнаружены удила с колесовидными псалиями (рис. 36, 4), две железные пряжки (рис. 36, 8—9) и пять круглых железных обойм (рис. 36, 6). Между берцовыми костями встречены три бронзовые обоймы (рис. 36, 7), а в области таза — распавшаяся железная поясная пряжка. На правой стороне груди находилась бронзовая фибула (рис. 36, 5).

Курган 81. Диаметр 5 м, высота 0,15 м. С отметки — 0,33 м в насыпи фиксировался кольцевой могильный выйд. Погребение совершено под вершиной в прямоугольной яме $1,3 \times 2,5$ м, глубиной 1 м. При зачистке могильного пятна выявлены две продольные полосы глины и угли. На дне обнаружены две поперечные канавки глубиной 0,05 м и 0,2 м. От погребенного уцелела нижняя челюсть и кости рук. Судя по их положению, он ориентирован головой на северо-восток. В северном углу ямы обнаружен развал лепного горшка (рис. 36, 12). На месте груди лежала бронзовая фибула

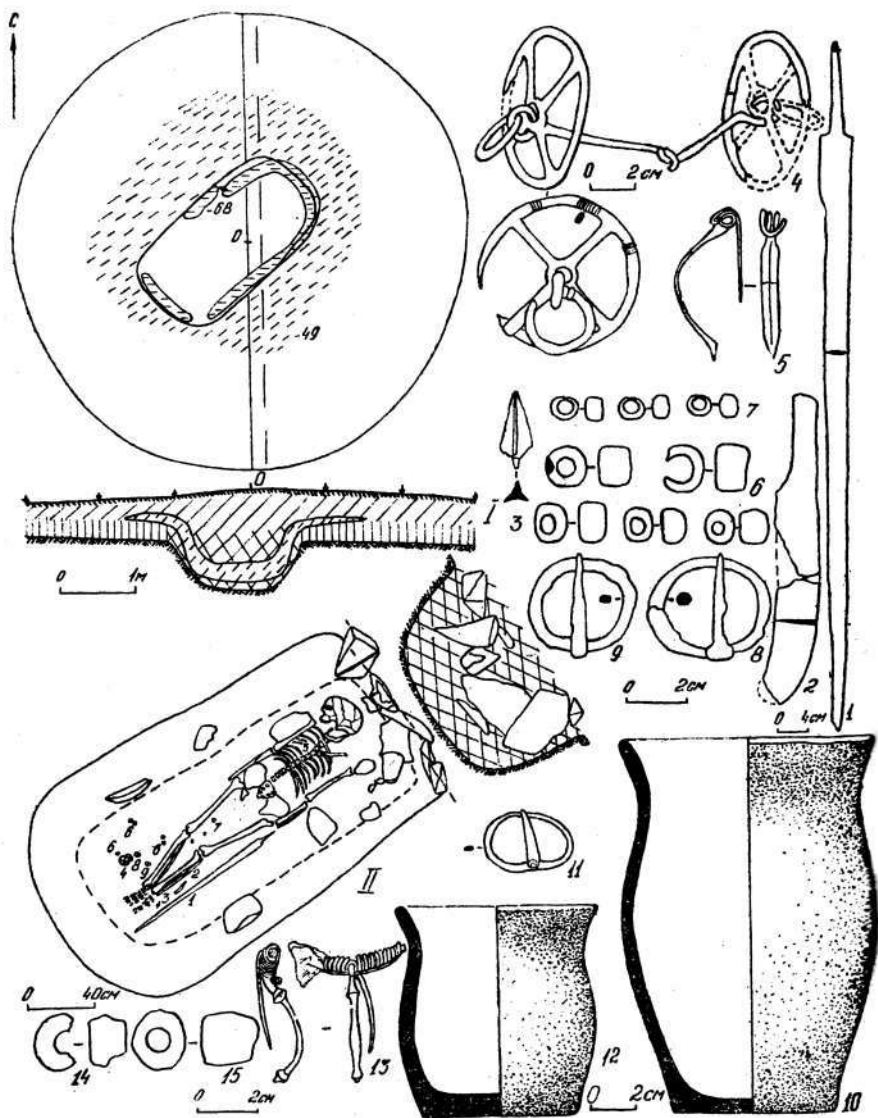

Рис. 36. Курганы Ново-Никольского могильника 77, 78 и 81: I — курган 78; II — погребение кургана 78; 1—9 — инвентарь; 10—11 — инвентарь погребения кургана 77; 12—15 — инвентарь погребения кургана 81

(рис. 36, 13). В восточной половине ямы встречена железная обойма (рис. 36, 14). Точно такая же обойма найдена в за-
полнении юго-западной канавки (рис. 36, 15).

2. Вязовский могильник

Находится на правом берегу р. Красивая Меча у с. Вязово Ефремовского района Тульской области (рис. 37). На-

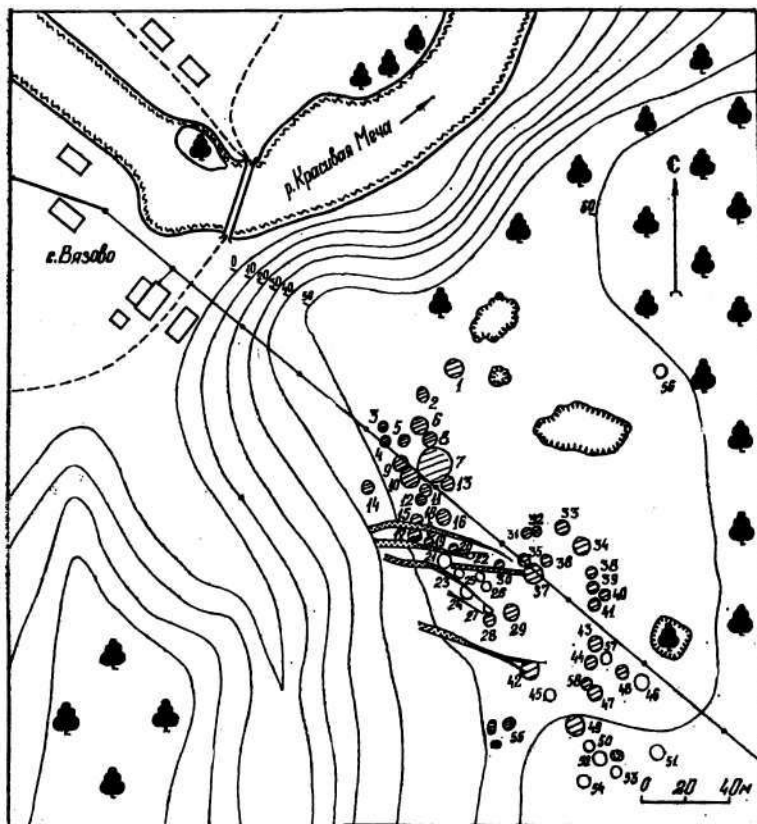

Рис. 37. План Вязовского могильника

считывает не менее 65 насыпей, образующих три группы: северную, центральную и южную. В каждой из них есть по одному сравнительно большому кургану диаметром 10—15 м, высотой до 1 м. Вокруг него группируются небольшие

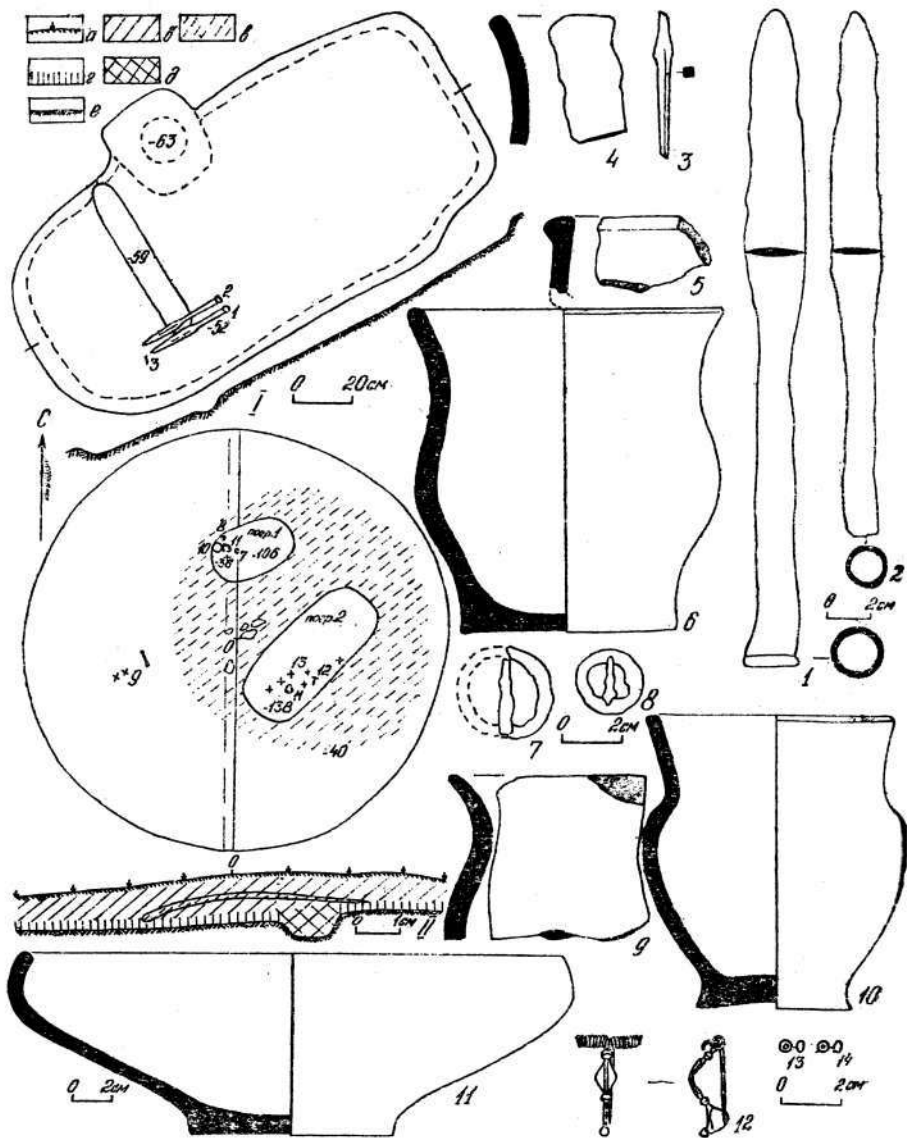

Рис. 38. Курганы Вязовского могильника 2, 4 и 5: 1 — погребение кургана 2; 1—3 — инвентарь; 4 — насыпь кургана 2; 11 — курган 4:

насыпи диаметром 5—8 м, высотой 0,2—0,5 м. В могильнике исследовано 50 курганов. Из них опубликованы материалы курганов 43 и 48².

Курган 1 расположен на северной окраине могильника. Его диаметр 9 м, высота 0,35 м. Курган представлял собой небольшое естественное всхолмление, вершина которого была повышена за счет искусственной досыпки. В ней встречались невыразительные фрагменты лепной керамики. Погребения не обнаружено.

Курган 2. Диаметр 7 м, высота 0,3 м. В северо-западном секторе насыпи найдены фрагмент стелжи и венчик лепного сосуда (рис. 38, 4). Погребение совершено под вершиной кургана в прямоугольной яме $0,7 \times 1,65$ м, глубиной 0,59 м, имевшей в северо-западной стенке углубление подквадратной формы (рис. 38, 1). На дне в южной половине расчищена поперечная канавка глубиной 0,05 м. Скелет погребенного не сохранился. В южном углу могилы лежали два железных наконечника копий (рис. 38, 1—2). Тут же найден фрагмент железного шила (рис. 38, 3).

Курган 3. Диаметр 5 м, высота 0,15 м. Погребение не обнаружено.

Курган 4 (рис. 38, II). Диаметр 8 м, высота 0,3 м. В насыпи с отметки — 0,4 м фиксировался кольцевой могильный выкид. На разной глубине встречались скопления камней, отдельные кости животных и человека, угли, обломки лепной керамики (рис. 38, 9). Под северной полкой найден раздавленный чернолощенный кубок (рис. 38, 10), фрагменты чернолощенной миски и бисер бирюзового цвета (рис. 38, 13). Курган содержал два погребения.

Погребение 1 находилось в 1,3 м к северу от вершины в прямоугольной яме $0,95 \times 1,55$ м, глубиной 1,14 м. На дне имелись угли и отдельные обгорелые плашки. От погребенного сохранился лишь череп, найденный в северной части могилы. В западном углу встречены две железные пряжки (рис. 38, 7—8) и фрагментированный железный предмет неясного назначения. Судя по размерам ямы и черепа, это захоронение подростка.

Погребение 2 обнаружено в 0,6 м к юго-востоку от вершины в прямоугольной могиле $1,3 \times 3$ м, глубиной 1,38 м. В

7—8 — погребение 1, 11—14 — погребение 2, 9—10 — насыпь кургана 4; 5—6 — насыпь кургана 5; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

заполнении встречались крупные камни. В северо-восточной части ямы найдена челюсть, а в средней части — трубчатые кости, ребра и лопатка человека. Здесь же лежали фрагменты чернолощеной миски, которые точно подошли к обломкам миски из насыпи (рис. 38, 11). Среди скопления костей найдена бронзовая фибула (рис. 38, 12). На дне собран бисер белого, бирюзового и желтого цвета — 11 экземпляров (рис. 38, 14).

Судя по стратиграфии, более ранним является погребение 1. Его насыпь перекрыта выкидом из погребения 2. Над этим погребением насыпь была сооружена не сразу: оно было разрушено до ее возведения. Отдельные кости погребенного, фрагменты миски и лощеный сосуд были выброшены из погребения 2 и оказались над насыпью погребения 1.

Курган 5. Диаметр 6 м, высота 0,12 м. В насыпи встречены фрагменты лепной керамики (рис. 38, 5), развал лепного горшка (рис. 38, 6) и отдельные зубы лошади. Погребение обнаружено у края западной полой в прямоугольной яме $0,8 \times 1,5$ м, глубиной 1,06 м. Скелет погребенного и инвентарь отсутствовали. При зачистке материка под северо-восточной полой насыпи обнаружена яма округлой формы диаметром 0,45 м, углубленная в материк на 0,13 м. В ней встречено скопление костей, челюсть и зубы животного. Скорее всего, это остатки трисны.

Курган 6. Диаметр 5, высота 0,25 м. Под вершиной и особенно в восточной половине насыпи встречались скопления обожженной глины, угли, фрагменты пережженного лепного сосуда и отдельные обгоревшие кости человека. Могильной ямы не обнаружено. Видимо, здесь на уровне древней поверхности было совершено трулосожжение.

Курган 7. Диаметр 12 м, высота 0,7 м. В насыпи встречались угли, куски обгорелого дерева, прослойки обожженной глины, кости животного. Погребение обнаружено несколько северо-восточнее вершины насыпи в яме овальной формы $1,35 \times 3,1$ м, глубиной 0,9 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. В восточной половине ямы встречена кость и несколько мелких углей. Погребение ограблено.

Курган 8. Диаметр 7 м, высота 0,4 м. В насыпи с отметки — 0,37 м зафиксирована тонкая прослойка угля. Погребение не обнаружено.

Курганы 9 и 10 сливаются краями насыпей. С целью

выяснения последовательности их сооружения оставлена обшая бровка.

Курган 9 (рис. 39, I). Диаметр 11 м, высота 0,4 м. Под насыпью в 1 м к северу от вершины на уровне древней поверхности лежал на боку лепной горшок (рис. 39, 2). На том же уровне в 2 м к юго-западу от вершины обнаружена выложенная камнями площадка. На ней находилась тризна в виде кучки трубчатых костей крупного животного и раздавленной чернолощенной мяски (рис. 39, I). Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной яме 1,5×3 м, глубиной 1,25 м (рис. 39, II). В ее заполнении встречены отдельные кости человека и угли, а в юго-западном углу — бронзовая пряжка (рис. 39, 5) и округлая бусина из известняка (рис. 39, 7). Погребенная положена на спине, вытянуто, головой на северо-восток. Череп искусственно деформирован. Нижняя часть костяка разрушена. Справа от нее стояла лепная миска (рис. 39, 8). На правой ключице обнаружена бронзовая фибула (рис. 39, 3). В ногах лежало фрагментированное железное шило (рис. 39, 4), а ближе к юго-западной стенке еще одна бронзовая пряжка (рис. 39, 6).

Курган 10. Диаметр насыпи 10 м, высота 0,4 м. В 1 м к югу от вершины на уровне погребенной почвы встречена выложенная камнями площадка, на которой находились остатки тризны в виде скопления трубчатых костей крупного животного и фрагментов лепной чернолощенной миски. Вторая тризна обнаружена под юго-восточной полкой насыпи. Она состояла из остатков черепа лошади. Погребение совершено под вершиной кургана в прямоугольной яме 1,15×3,1 м, глубиной 1,08 м (рис. 39, III). Скелет погребенной разрушен. В северо-восточной части могилы обнаружен раздавленный череп. Остальные кости находились в юго-западной ее половине. Следует отметить, что их расположение свидетельствует о том, что разрушение костяка производилось до того, как полностью истлели ее органические части. В северо-восточном углу могилы стояла чернолощенная миска (рис. 39, 9). В средней части среди окопления костей встречен обломок лепного сосуда. У юго-западной стенки найдена железная пряжка (рис. 39, 10) и пастовая цилиндрическая пронизка (рис. 39, 11).

Изучение стратиграфии курганов 9 и 10 показывает, что первой была возведена насыпь кургана 10; так как

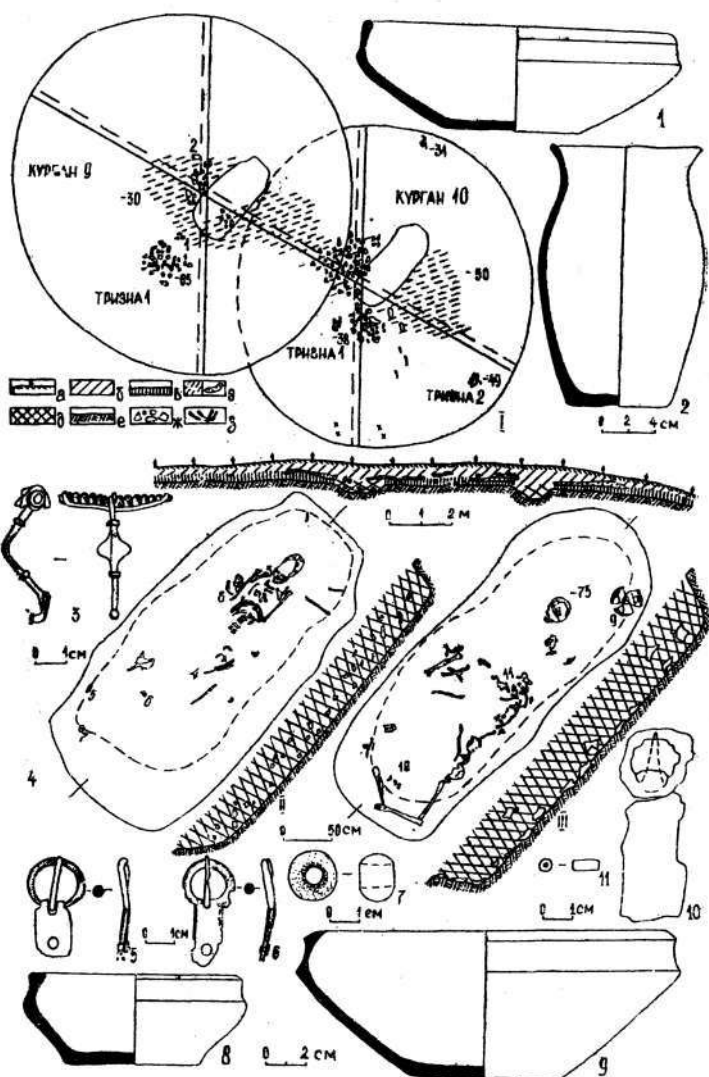

Рис. 39. Курганы Вязовского могильника 9 и 10: I — курганы 9 и 10: 1—2 — насыпь кургана 9; II — погребение кургана 9; 3—8 — инвентарь; III — погребение кургана 10; 9—11 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — погребенная почва, е — выкйд, д — заполнение, е — материк, ж — камни, з — кости животных

могильный выкид из ямы кургана 9 частично перекрыл край ее западной полы.

Курганы 11 и 12 также раскопаны с оставлением общей бровки.

Курган 11. Диаметр 5,5 м, высота 0,2 м. Под насыпью встречен зуб лошади. Погребение находилось под вершиной кургана в яме прямоугольной формы 0,75×1,75 м, глубиной 0,8 м. Скелет погребенного и инвентарь отсутствовали.

Курган 12. Диаметр 5,5 м, высота 0,25 м. Под насыпью погребения не обнаружено. Последовательность сооружения курганов 11 и 12 установить не удалось.

Курган 13. Диаметр 6,5 м, высота 0,3 м. Юго-восточная пола насыпи разрушена промоиной. Погребение совершено под вершиной в яме прямоугольной формы 1×1,75, глубиной 1 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Скелет погребенного и какой-либо инвентарь отсутствовали.

Курган 14. Диаметр 6 м, высота 0,25 м. Под насыпью погребения не обнаружено.

Курган 15 входит в центральную группу насыпей (рис. 40, I). Его диаметр 7 м, высота 0,55 м. Южная часть насыпи уничтожена промоиной. В ней встречались обломки чернолощенной миски. С отметки — 0,47 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Погребение совершено под вершиной насыпи в прямоугольной яме 1,85×3 м, глубиной 1,5 м (рис. 40, II). На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05 м. Скелет погребенного не сохранился. Вдоль юго-восточной стенки лежал железный меч длиной 80 см (рис. 40, 10). Рядом найдена крупная халцедоновая бусина (рис. 40, 11). В центре могилы положен меч с кольцевым навершием длиной 41 см (рис. 40, 9). Справа от него найден железный нож (рис. 40, 3) и две серебряные бляшки (рис. 40, 7). Между мечами лежали две железные пряжки: с обоймой (рис. 40, 5) и без нее (рис. 40, 6). В южной части ямы встречены фрагменты чернолощенной миски, часть которой найдена в насыпи. Ее удалось реставрировать (рис. 40, I). Тут же найдено железное шило (рис. 40, 4). У южной канавки встречены железные удила (рис. 40, 2), железная фрагментированная пряжка и четыре железные округлые обоймы (рис. 40, 8).

Курган 16. Диаметр 8 м, высота 0,3 м. Погребения не обнаружено.

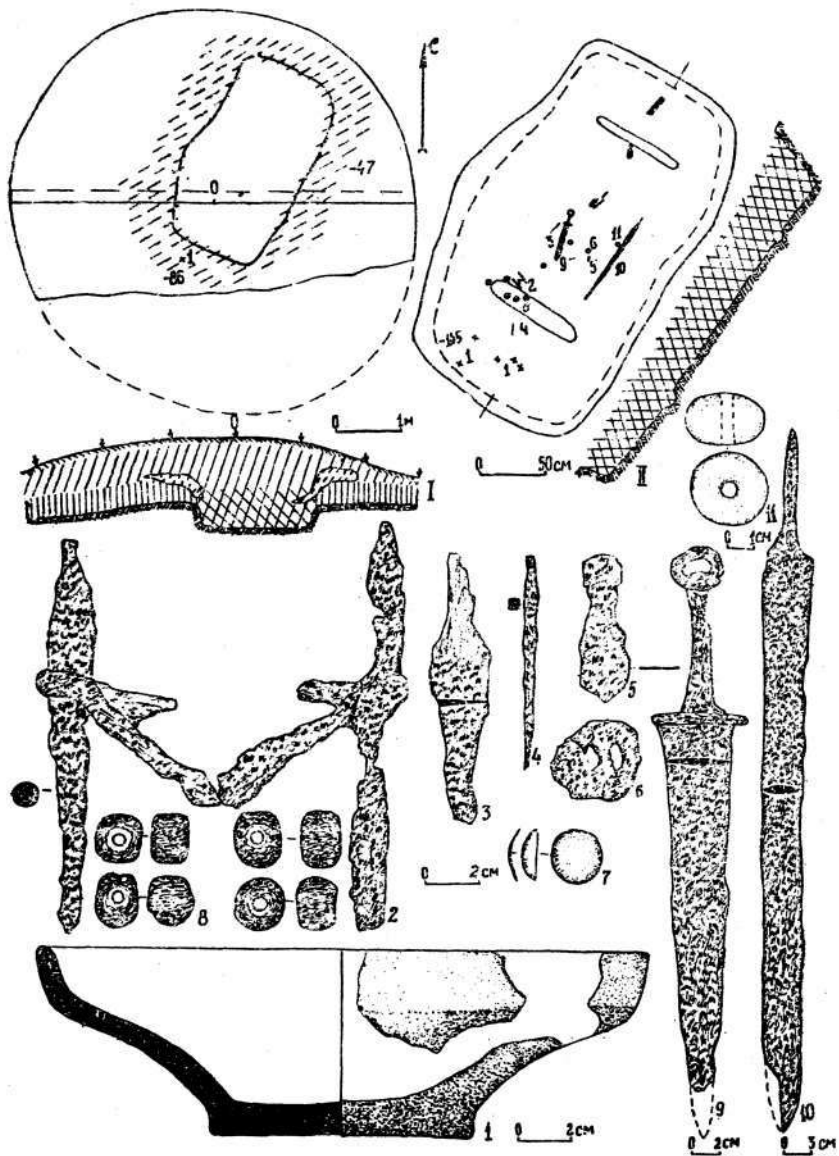

Рис. 40. Курган 15 Вязового могильника: I — курган 15; II — жогребення: I—II — инвентарь

Курган 17. Диаметр 6,5 м, высота 0,4 м. В насыпи встречен венчик лепного сосуда (рис. 41, 1). Погребение совершено несколько восточнее вершины кургана в прямоугольной яме 1,7×3,2 м, глубиной 1,48 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. После зачистки пятна на фоне черноземного заполнения выявилось полукольцо из глины. Заполнение ямы на глубине 1—1,2 м — чернозем, а у восточной стенки — глина; на глубине 1,2—1,35 м — чистая глина, между ней и дном — прослойка перегной. От погребенного сохранилась нижняя челюсть, ключица и левая плечевая кость, обнаруженные в северо-восточной части ямы. В центре ее лежала вверх дном лепная лощеная миска (рис. 41, 2). В северо-восточном углу стояла миска меньших размеров (рис. 41, 3). Рядом с ней обнаружена железная пряжка с округлой рамкой (рис. 41, 5). В юго-восточном углу найдена железная пряжка с квадратной рамкой (рис. 41, 4). Под нижней челюстью встречена серебряная проволочка (рис. 41, 6).

Курган 18. Диаметр 6,5 м, высота 0,2 м. Северная пола насыпи уничтожена промоиной. Под ее вершиной обнаружена прямоугольная могила 0,65×1,2 м, глубиной 0,8 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. Скелета погребенного и инвентаря не обнаружено.

Курган 19. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Часть южной пола насыпи уничтожена промоиной. В ней найдены фрагменты чернолощенной миски. Погребение совершено несколько юго-восточнее вершины кургана в прямоугольной яме 1,3×2,6 м, глубиной 1,34 м (рис. 41, 1). Ее края выложены мелким камнем. В заполнении найден зуб лошади, а на глубине 0,9—1,2 м отмечен слой глины. На дне имелась поперечная канавка глубиной 0,1 м. Скелет погребенной лежал на спине вытянуто, головой на северо-восток. Костей ног на месте не было. Они находились у юго-западной стенки ямы. Рядом с ними найден обломок железного ножа (рис. 41, 11). Поблизости встречена железная пряжка (рис. 41, 10) и развал чернолощенной миски, обломки которой собраны в промоине (рис. 41, 8). В канавке обнаружена корродированная железная пряжка. У локтя левой руки найдены фрагменты другой чернолощенной миски больших размеров (рис. 41, 7). На правой стороне груди погребенного встречена бронзовая фибула (рис. 41, 9), а справа от черепа — железное колечко (рис. 41, 12).

Курган 20. Диаметр 6 м, высота 0,4 м. Южный край

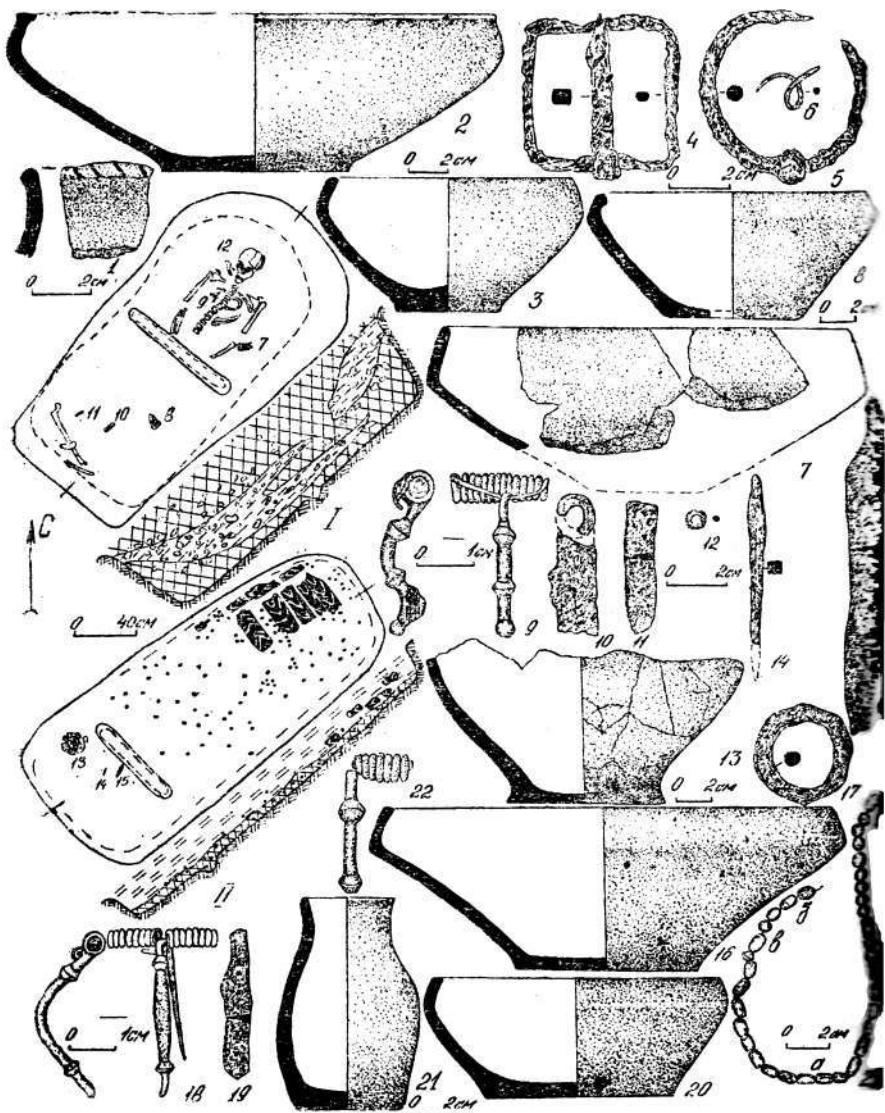

Рис. 41. Курганы Вязовского могильника 17, 19, 20, 28, 29, 30 и 31:
 I — погребение кургана 19; I — насыпь кургана 17; 2—6 — инвентарь погребения кургана 17; 7—12 — инвентарь

насыпи разрушен промоиной. Погребение обнаружено в 1 м к юго-востоку от вершины. Оно фиксировалось с уровня погребенной почвы в виде пятна обожженной глины с включением углей. Могильная яма прямоугольной формы $1 \times 2,25$ м, глубиной 0,96 м заполнена опекающейся в куски глиной (рис. 41, 11). На дне в юго-западной части имелась поперечная канавка глубиной 0,05 м. В северо-восточной половине ямы сохранились остатки деревянных конструкций в виде обугленных плах, положенных вдоль стен на ребро и поперечных плах от настила. В западном углу встречен низ чернолощеной миски или кувшина (рис. 41, 13). Между ним и канавкой найден железный нож (рис. 41, 15) и шило (рис. 41, 14).

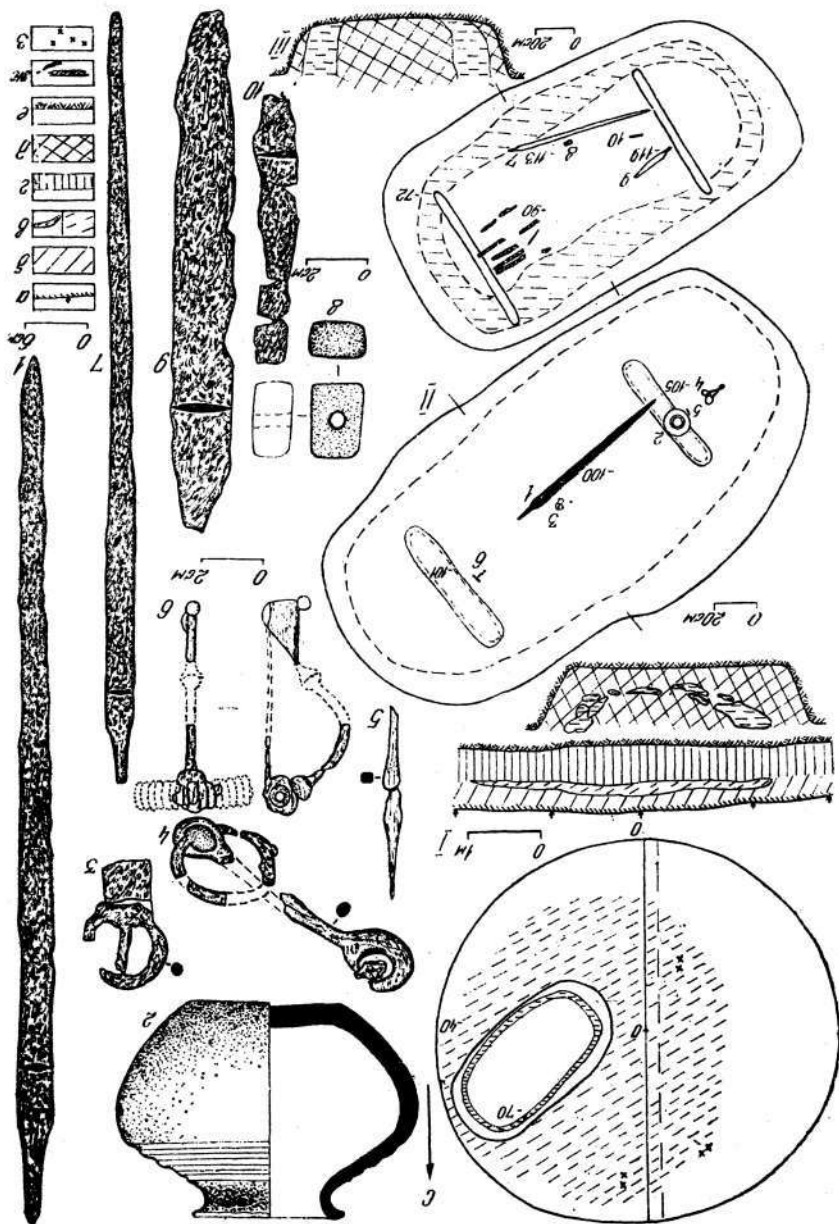
Курган 28. Диаметр 9,5 м, высота 0,65 м. В насыпи встречались обломки чернолощеной миски. Погребение обнаружено несколько юго-восточнее вершины в прямоугольной яме $1,25 \times 2,5$ м, глубиной 1,27 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Скелет погребенного не сохранился. В западном углу ямы обнаружена раздавленная чернолощеноя миска (рис. 41, 16), а рядом с ней — железное кольцо (рис. 41, 17). В северо-восточной половине встречены фрагменты бронзовой фибулы.

Курган 29. Диаметр 6,5 м, высота 0,3 м. Погребение совершено в прямоугольной яме $1,4 \times 2,4$ м, глубиной 0,55 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Скелет погребенного не сохранился. В северном углу могилы найдена бронзовая фибула (рис. 41, 18). У юго-восточной стенки обнаружен железный нож (рис. 41, 19). На дне встречались фрагменты лепного горшка и чернолощеной миски.

Курган 30. Диаметр 8 м, высота 0,25 м. Под южной полкой насыпи на уровне погребенной почвы обнаружена лепная лощеная миска (рис. 41, 20). Погребение совершено несколько восточнее вершины в прямоугольной яме $1,2 \times 2,7$ м, глубиной 0,8 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На дне в южной части могилы имелась поперечная канавка глубиной 0,1 м. В ней лежал небольшой лепной горшок (рис. 41, 21). В северной части ямы найден фрагмент бронзовой фибулы (рис. 41, 22).

Курган 31. Диаметр 6 м, высота 0,15 м. В восточ-

погребения кургана 19; 11 — погребение кургана 20: 13—15 — инвентарь; 16—17 — инвентарь погребения кургана 28; 18—19 — инвентарь погребения кургана 29; 20 — насыпь кургана 30; 21—22 — инвентарь погребения кургана 30; 23 — инвентарь погребения кургана 31

ной половине насыпи с глубины 0,4 м фиксировался кольцевой могильный выкид. На уровне погребенной почвы встречались фрагменты острореберной чернолощенной миски. Погребение находилось в 1 м к востоку от вершины в прямоугольной яме $1,3 \times 2,35$ м, глубиной 1,34 м. При зачистке пятна по его периметру выявилась глиняная полоса овальной формы. В профиле она также повторяла контур ямы. На дне в северо-восточной части имелась поперечная канавка глубиной 0,05 м. Скелет погребенного не сохранился. В юго-западной половине ямы встречены бусины: 32 пастовые разного цвета (рис. 41, 23а), 4 стеклянные с внутренней позолотой (рис. 41, 23б) и 1 сердоликовая (рис. 41, 23в).

Курган 32 (рис. 42, I). Диаметр насыпи 5 м, высота 0,2 м. В ней встречались фрагменты лепной керамики. С отметки — 0,32 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Погребение обнаружено под восточной полкой в прямоугольной яме $1,3 \times 2,5$ м, глубиной 1,05 м (рис. 42, II). На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,03—0,05 м. Заполнение ямы на глубине 0,7—0,85 м состояло из чернозема, а по краям — из глины. По контуру могилы последняя образовывала овальную «рамку». На глубине 0,85—0,9 м залегала прослойка глины. Под ней отмечено черноземное заполнение с включениями перегноя. Скелет погребенного не сохранился. На дне вдоль могилы лежал железный меч длиной 86 см (рис. 42, I). У его рукояти найдена железная пряжка (рис. 42, 3). В юго-западной канавке стоял сероглиняный горшочек, орнаментированный круговыми желобками (рис. 42, 2). Рядом с ним лежало железное шило (рис. 42, 5). Ближе к юго-западной стенке встречены фрагменты железных удил (рис. 42, 4). У края северо-восточной канавки обнаружена корродированная железная фибула (рис. 42, 6).

Курган 33. Диаметр насыпи 6 м, высота 0,25 м. Погребение совершенно несколько восточнее вершины кургана в прямоугольной яме $1,15 \times 2,15$ м, глубиной 1,19 м (рис. 42, III). Она имела неоднородное заполнение. Вдоль ее стенок шла тонкая прослойка темного перегноя, а ближе к центру — прослойка из чистой глины, образующая кольцо

Рис. 42. Курганы Вязовского могильника 32 и 33: I — курган 32; II — погребение кургана 32: 1—6 — инвентарь; III — погребение кургана 33: 7—10 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — обгорелое дерево, з — фрагменты керамики

овальной формы. Внутри него вновь шло черноземное заполнение. В нем встречены обгорелые плашки, куски обугленного дерева и угли. На дне ямы имелись две поперечные канавки глубиной 0,05 м. Скелет погребенного не сохранился. Вдоль юго-восточной стенки лежал железный меч длиной 82 см (рис. 42, 7). Справа от него найдена пронизь из серого минерала в форме параллелепипеда (рис. 42, 8). В центральной части могилы обнаружен фрагментированный железный нож (рис. 42, 10) и железный кинжал (рис. 42, 9). Ближе к юго-западной стенке встречены обломки железного предмета.

Курган 34 (рис. 43, I). Диаметр насыпи 9 м, высота 0,3 м. В кургане содержалось два погребения.

Погребение 1 обнаружено несколько западнее вершины кургана в прямоугольной яме $1,2 \times 2,2$ м, глубиной 1,05 м (рис. 43, II). Заполнение ямы на глубине 0,8—0,95 м — светлый суглинок, а вдоль стенок — глина, на глубине 0,95—1 м — прослойка глины, между ней и дном — перегородкой. На дне имелись две поперечные канавки, углубленные на 0,1 м. Скелет погребенного не сохранился. В центре ямы лежал полностью корродированный железный меч с рукоятью-штырем, а справа от него железный кинжал длиной 23 см (рис. 43, I).

Погребение 2 находилось под юго-восточной полкой насыпи в яме прямоугольной формы $1,45 \times 2,75$ м, глубиной 0,85 м (рис. 43, III). Ее заполнение — обожженная до кирпичного цвета глина, насыщенная золой и углями. У западного угла могилы обнаружен лепной горшок (рис. 43, 2). Стенки ямы были обложены обугленными плахами. У северо-западной стенки прослежены остатки перекрытия из поперечных плах, концы которых опирались на продольные плахи. Скелет погребенного не сохранился. На дне найден железный нож (рис. 43, 3).

Последовательность совершения погребений установить не удалось.

Курган 35 (рис. 44, I). Диаметр 6 м, высота 0,3 м. В насыпи с отметки — 0,4 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Погребение обнаружено под вершиной в прямоугольной яме $2 \times 3,55$ м, глубиной 1,8 м (рис. 44, II). При зачистке пятна вдоль его краев выявлено кольцо из светлой глины, повторяющее форму могилы. Внутри него заполнение состояло из чернозема. Подобная структура наблюдалась до отметки — 1,5 м. Ниже до глубины 1,75 м

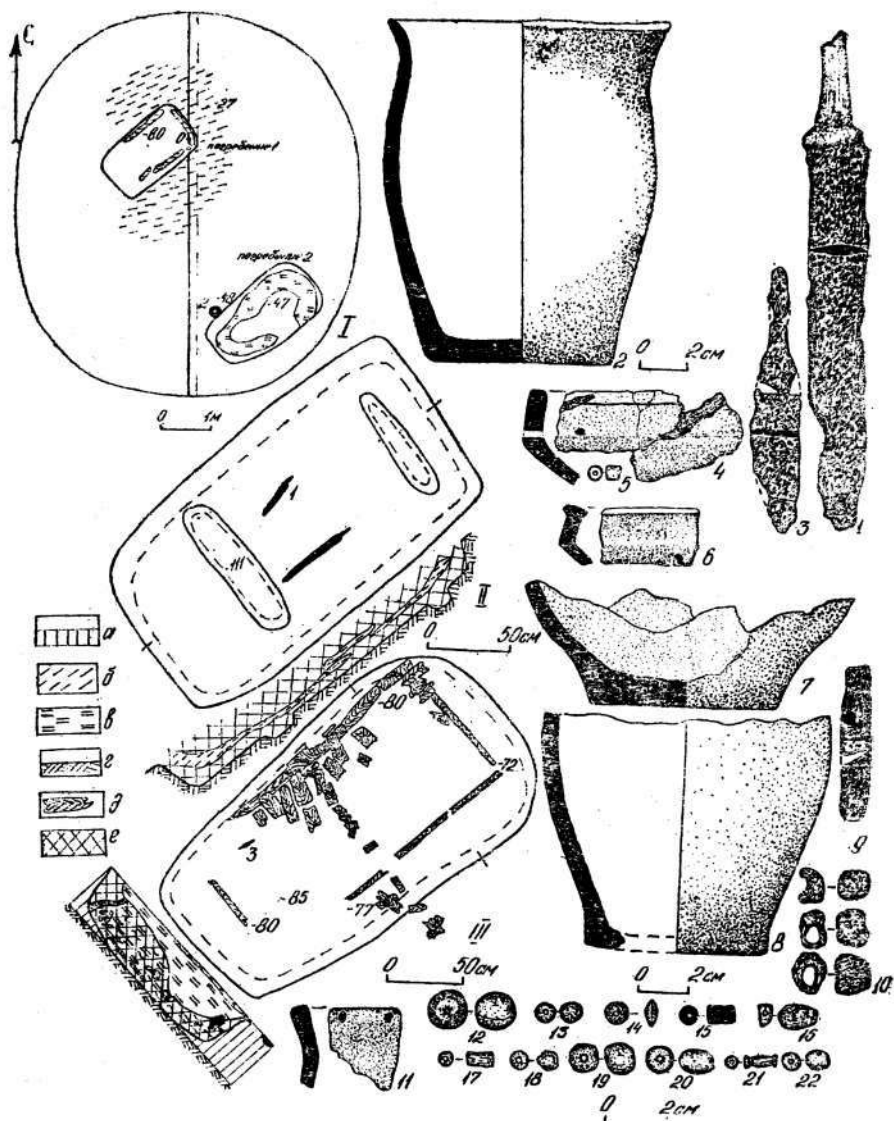
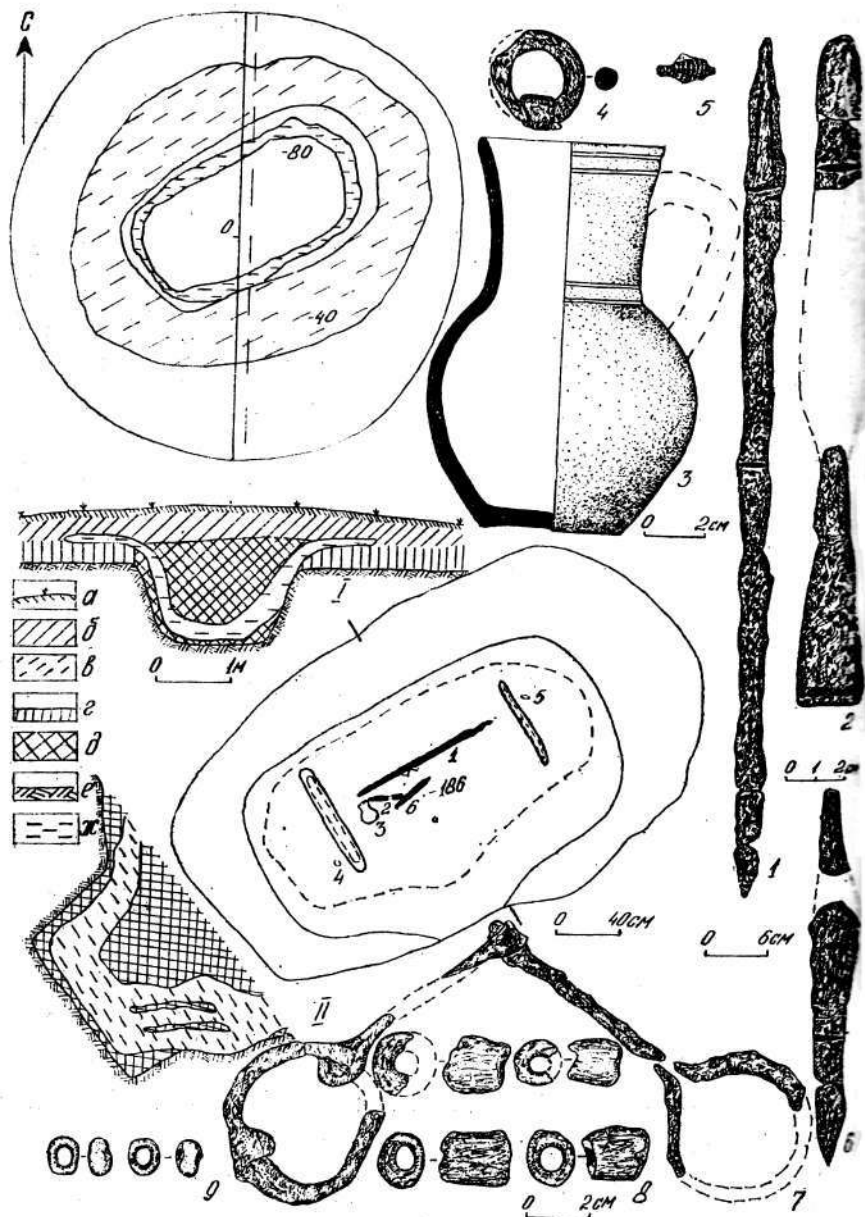

Рис. 43. Курганы Вязовского могильника 34, 40, 41 и 44: I — курган 34; II — погребение 1 кургана 34; III — погребение 2 кургана 34: 1 — инвентарь; 2—3 — инвентарь; 4—5 — насыпь кургана 40; 6 — насыпь кургана 41; 7—10 — инвентарь погребения кургана 41; 11—22 — инвентарь погребения кургана 44; а — погребенная почва, б — выкид, в — обожженная глина, г — материк, д — обожженное дерево, е — заполнение

залегала прослойка глины, имевшая в разрезе корытообразную форму. Между ней и дном зафиксирован тонкий слой перегноя. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05—0,06 м. Скелет погребенного не сохранился. В центральной части могилы лежал железный меч длиной 85 см (рис. 44, 1). Слева от него найден корродированный кинжал. Между мечом и кинжалом положены железные удила со стержневидными псалиями (распались) и железный наколочник кольца (рис. 44, 2). Ближе к южной канавке обнаружен раздавленный лепной кубшин с отбитой ручкой (рис. 44, 3). В центре могилы найдены две фрагментированные железные пряжки. Между южной канавкой и стенкой лежало бронзовое кольцо с остатками ремешка (рис. 44, 4). У юго-западной стенки обнаружены обломки лепного горшка. Между северо-восточной канавкой и стенкой найдена пружинка фибулы (рис. 44, 5).

Курган 36. Диаметр 7 м, высота 0,25 м. В северо-западной поле насыпи встречены обломки лепного горшка. Под насыпью отмечен кольцевой могильный выкид. Под ним обнаружена прямоугольная яма 1,25×2,55 м, глубиной 0,88 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. Она фиксировалась с уровня погребенной почвы в виде замкнутого прямоугольника из глины, заполненного черноземом. В верхней части ямы шла глиняная прослойка, ниже залегал чернозем. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,07 м. Скелет погребенного не сохранился. Вдоль юго-восточной стенки зафиксированы остатки железного кинжала. Рядом найден фрагмент железного ножа (рис. 44, 6). У юго-западной канавки лежали железные удила (рис. 44, 7) и три железные обоймы (рис. 44, 8). Четвертая обойма обнаружена в центре ямы. Вблизи найдены две бронзовые обоймочки (рис. 44, 9).

Курган 37 (рис. 45, 1). Диаметр 10 м, высота 0,8 м. Под вершиной насыпи с глубины 0,63 м фиксировался кольцевой могильный выкид. В юго-западном секторе на уровне выкида встречен развал лепного горшка (рис. 45, 1). Погребение находилось под вершиной насыпи в прямоугольной яме 2×3,4 м, глубиной 1,59 м (рис. 45, 11). Вдоль ее краев

Рис. 44. Курганы Вязовского могильника 35 и 36: I — курган 35, II — погребение кургана 35: 1—5 — инвентарь; 6—9 — инвентарь погребения кургана 36; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — глина

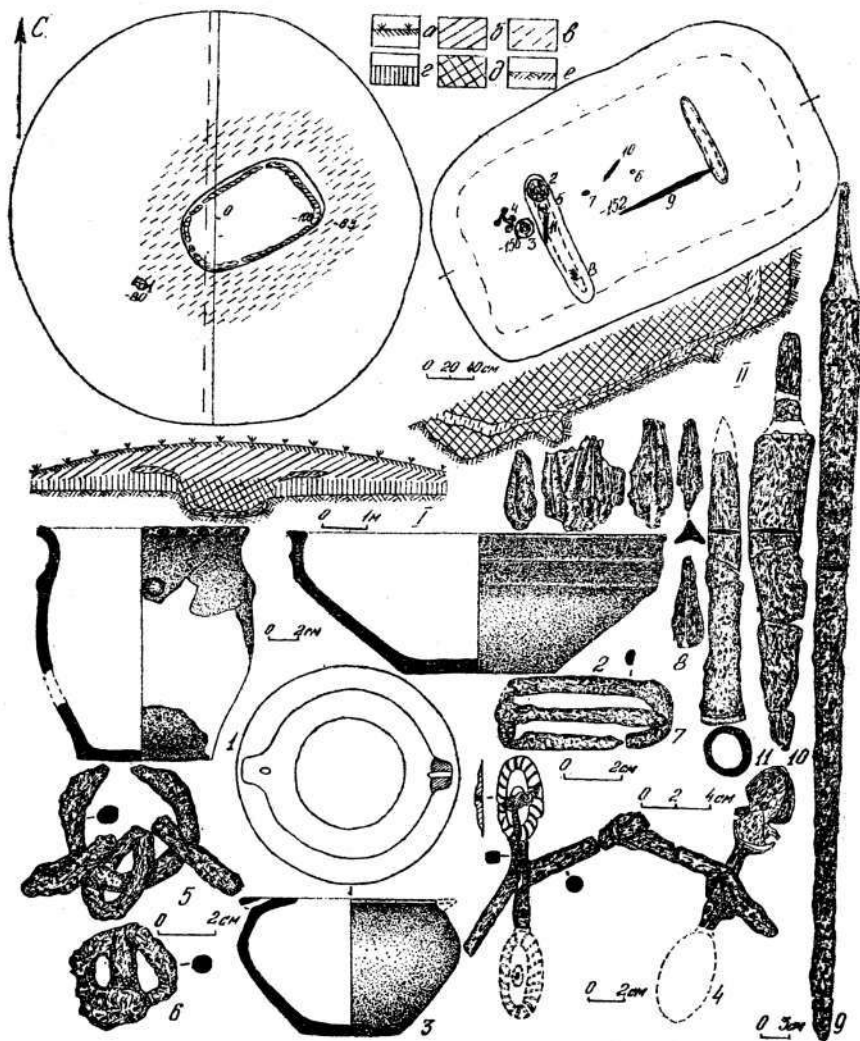

Рис. 45. Курган 37 Вязовского могильника: I — курган 37: 1 — насыпь; II — погребение кургана 37: 2—10 — инвентарь; а — дерн, б — насыпь, в — выкид, г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк

выявлена замкнутая полоса из глины, повторяющая форму могилы. Внутри нее заполнение состояло из чернозема, на глубине 1,45—1,5 м шла прослойка чистой глины, между ней и дном залегал слой перегноя. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,1 и 0,18 м.

Скелет погребенного не сохранился. В центре ямы лежал железный меч длиной 92 см (рис. 45, 9). Справа от него положен железный кинжал длиной 23 см (рис. 45, 10). Между ними найдена железная пряжка (рис. 45, 6) и кусочек золотой фольги. В центре могилы встречена железная пряжка с удлиненно-овальной рамкой (рис. 45, 7). У юго-западной канавки стоял сероглиняный круговой сосуд с ушками для подвешивания (рис. 45, 3), внутри которого лежал фрагмент золотой фольги. Рядом с сосудом положены железные удила со стержневидными псалиями, концы которых украшены деревянными дисками, покрытыми золотой фольгой (рис. 45, 4). В юго-западной канавке обнаружена чернolощеная миска (рис. 45, 2), а рядом с ней наконечник копья (рис. 45, 11), фрагментированная железная пряжка, железное кольцо, на которое были надеты еще три кольца (рис. 45, 5), полностью корродированное бронзовое кольцо и скопление железных наконечников стрел — не менее 20 экземпляров (рис. 45, 8).

Курган 38. Диаметр 5,5 м, высота 0,15 м. Под вершиной насыпи с отметки — 0,35 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Погребение находилось под вершинной насыпью в прямоугольной яме 1,1×2,35 м, глубиной 1,28 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На глубине 0,8—1 м заполнение состояло из глины, а у стенок — из чернозема, ниже до дна залегал чернозем. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,06 м. У северо-восточной канавки найдено несколько зубов человека. В центре могилы обнаружены остатки полностью окислившегося длинного меча, лежавшего рукоятью к северо-востоку.

Курган 39. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Погребение обнаружено несколько восточнее вершины насыпи в яме овальной формы 1,2×2,45 м, глубиной 1,13 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. В ее заполнении встречались куски обожженной глины. Скелет погребенного и инвентарь отсутствовали.

Курган 40. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Юго-западная часть насыпи разрушена промоиной. Здесь обнаружен венчик лепной острореберной миски (рис. 43, 4) и пастовая

цилиндрическая пронизка бордового цвета (рис. 43, 5). В центре насыпь состояла из обожженной глины. Под ней выявлена прямоугольная яма $1,3 \times 2,5$ м, глубиной 0,86 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. Заполнение — обожженная до бордового цвета глина, спекшаяся в куски. На дне прослежен слой углей. Здесь же найдено несколько фрагментов лощеной миски и отдельные кальцинированные кости человека.

Курган 41. Диаметр 6 м, высота 0,2 м. По центру насыпи с отметки — 0,25 м фиксировался кольцевой могильный выкид. У края западной полы встречены обломки керамики, в том числе венчик острорезерной миски (рис. 43, 6). Погребение находилось под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1 \times 2,45$ м, глубиной 1,03 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. В ее черноземном заполнении отмечена прослойка глины. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05—0,08 м. Скелет погребенного не сохранился. В восточной канавке обнаружены нижние части двух лепных сосудов, перевернутые вверх дном (рис. 43, 7—8) и фрагменты железной пряжки. В заполнении западной канавки встречен железный нож (рис. 43, 9) и три железные обоймы (рис. 43, 10).

Курган 42. Входит в южную группу насыпей. Его диаметр 9 м, высота 0,6 м. Насыпь состояла из чернозема, насыщенного меловой щебенкой. Погребение обнаружено в 1 м к юго-востоку от вершины в широкой прямоугольной яме $1,9 \times 2,8$ м, глубиной 1,75 м, вырубленной в известняке и ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Скелет погребенного и находки отсутствовали. Видимо, погребение ограблено.

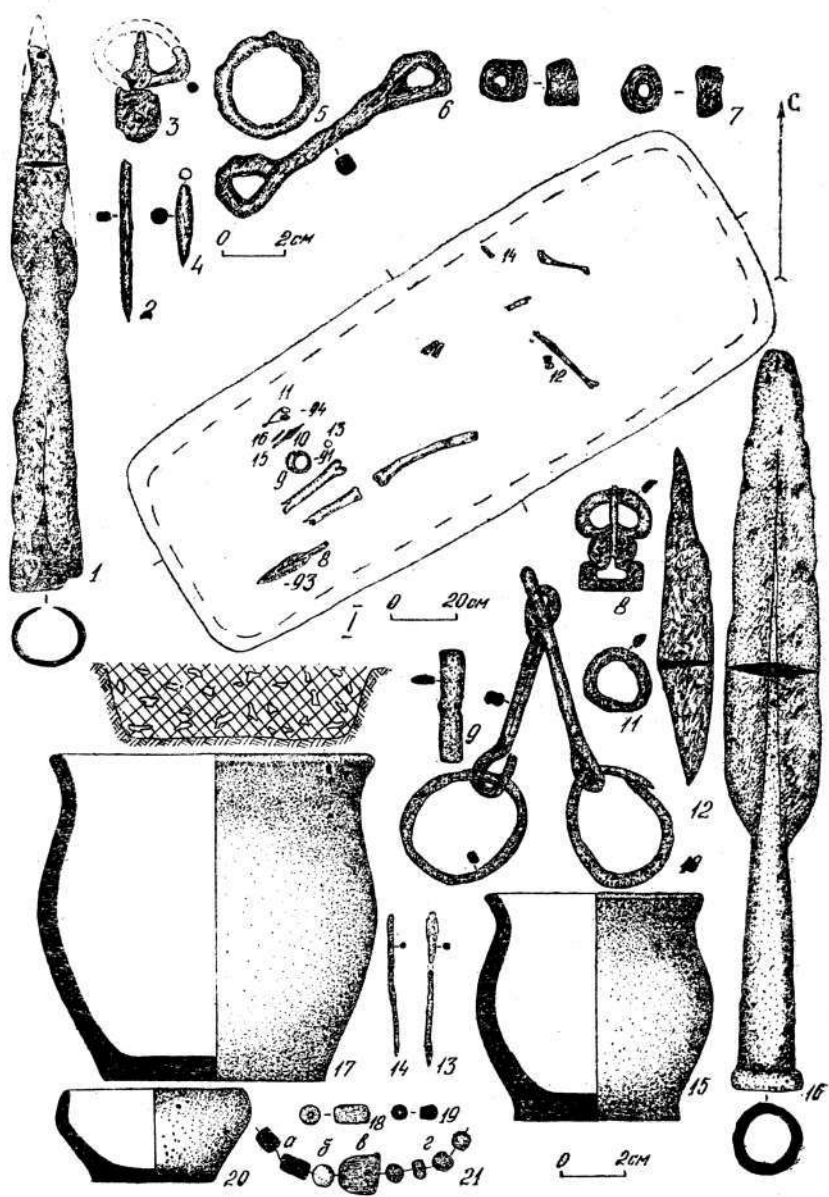
Курган 44. Диаметр 8 м, высота 0,4 м. Под вершиной насыпи с отметки — 0,38 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Под ним обнаружена прямоугольная яма $1,15 \times 2,05$ м, глубиной 0,91 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,1 м. Скелет погребенного не сохранился. У северо-восточной канавки встречены фрагменты бронзовой фибулы и скопление бус: две янтарные овальные пронизки (рис. 43, 16), две округлые (рис. 43, 12) и одна бочковидная (рис. 43, 13) сердоликовые бусины, а также 23 мелкие биконические бусины того же материала (рис. 43, 14). Здесь же найдена круглая бусина из голубой пасты (рис. 43, 19), а также по одной бочковидной пронизки из бирюзовой пас-

ты (рис. 43, 20) и зеленого стекла. В юго-западной части обнаружено второе скопление бус: 10 гагатовых пронизок (рис. 43, 15), 22 пастовые пронизки бирюзового, желтого, оранжевого и серого цвета (рис. 43, 17), 7 круглых пастовых бус оранжевого цвета (рис. 43, 18), две округлые бусины с внутренней позолотой (рис. 43, 22) и пять стеклянных катушкообразных пронизок грязно-зеленого цвета (рис. 43, 21). Тут же найден венчик лепного горшка, украшенный по срезу насечками (рис. 45, 11).

Курган 46. Диаметр 8 м, высота 0,5 м. При снятии насыпи у края юго-западной полы обнаружено пятно из обожженной глины с включениями золы. Под ним расчищена яма неправильной формы, заполненная обожженной глиной, золой и камнями. Ее назначение неясно. Погребение находилось под вершиной насыпи в прямоугольной яме $1,1 \times 2,1$ м, глубиной 1,15 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На дне в северо-восточной части имелась поперечная канавка глубиной 0,05 м. С севера к могиле примыкало углубление подтреугольной формы той же глубины, что и яма. Скелет погребенного не сохранился. В северо-восточном углу могилы лежал железный наконечник копья (рис. 46, 1). У канавки найдено железное шило (рис. 46, 2). В центре ямы обнаружен обломок ножа, пружинка бронзовой фибулы, железная пряжка (рис. 46, 3) и железный пулевидный предмет (рис. 46, 4). В юго-западной половине могилы встречены звено и кольцо железных удиц (рис. 46, 5—6), две железные обоймы (рис. 46, 7) и обломок клинка меча.

Курган 47. Диаметр 7 м, высота 0,2 м. Под западной полой насыпи зафиксирован кольцевой могильный выкнд. Под ним обнаружена прямоугольная яма $0,85 \times 2,2$ м, глубиной 0,95 м (рис. 46, 1). От погребенного сохранились кости ног, левой руки и правой ключицы. Судя по их расположению, он был ориентирован головой на северо-восток. На месте груди найдена железная пряжка с фигурной рамкой (рис. 46, 8). У северо-западной стенки лежал железный предмет с расплюснутыми концами (рис. 46, 9). В юго-западном углу положен железный наконечник копья (рис. 46, 16). Между правой голенью и стенкой стоял лепной горшок (рис. 46, 15). Рядом с ним найдены железные предметы: нож (рис. 46, 12), удила (рис. 46, 10), кольцо (рис. 46, 11), шило (рис. 46, 13) и игла (рис. 46, 14).

Курган 49. Диаметр 13 м, высота 0,6 м. Основу кур-

тана составляло естественное всхолмление, на вершине которого возведена невысокая земляная насыпь. В ней встречены отдельные кости человека и зуб лошади. Под вершиной обнаружена яма овальной формы $1 \times 2,7$ м, глубиной 0,76 м, ориентированная по линии север — юг. Она вырублена в известняковой скале. В ее заполнении было много камней. От погребенного сохранились берцовые кости ног, тазовые кости, отдельные позвонки, лучевая кость. У тазовых костей найдена нижняя часть лепного горшка. Погребение разрушено.

Курган 53. Диаметр 6 м, высота 0,2 м. По центру кургана с отметки — 0,2 м зафиксирован выкид из камней и щебенки. На уровне погребенной почвы под северной полкой найден лепной горшок (рис. 46, 17). Погребение обнаружено под вершиной насыпи в прямоугольной могиле $1,2 \times 2,4$ м, глубиной 1,07 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Она вырублена в известняковой скале. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,1—0,15 м. В заполнении встречались отдельные кости человека. Скелет погребенного и инвентарь отсутствовали.

Курган 55. Диаметр 6,4 м, высота 0,35 м. Под восточной полкой насыпи встречались угли и фрагменты остроугольной миски. Погребение находилось под вершиной кургана в прямоугольной яме $0,8 \times 1,7$ м, глубиной 0,88 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,08—0,1 м. Скелет погребенного и какие-либо находки отсутствовали.

Курган 57. Диаметр 6 м, высота 0,2 м. У края юго-восточной полки насыпи встречена челюсть лошади. Погребение обнаружено под вершиной кургана в прямоугольной яме $0,95 \times 1,6$ м, глубиной 0,97 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,06—0,7 м. Скелет погребенного не сохранился. У северо-восточной канавки встречено пять пастовых цилиндрических пронизок бордового цвета (рис. 46, 18), две пронизки желтого цвета, три округлые бусины бордового цвета, одна гагатовая бусина (рис. 46, 19) и фрагмент янтарной пронизки.

Рис. 46. Курганы Вязовского могильника 46, 47, 57, 58 и 60: 1—7 — инвентарь погребения кургана 46; 1 — погребение кургана 47; 8—16 — инвентарь; 17 — насыпь кургана 53; 18—19 — инвентарь погребения кургана 57; 20 — инвентарь погребения кургана 58; 21 — инвентарь погребения кургана 60

Курган 58. Диаметр 5 м, высота 0,2 м. По центру насыпи с отметки — 0,46 м фиксировался кольцевой могильный выкйд. Под ним обнаружена прямоугольная яма $1,05 \times 2,5$ м глубиной 1,16 м, ориентированная по линии запад — восток. На дне имелись две поперечные канавки глубиной до 0,07 м. Заполнение могилы неоднородное. Вдоль ее стенок зафиксировано кольцо из глины, внутри которого находилось черноземное заполнение. На глубине 0,95—1,1 м залегала глиняная прослойка, между ней и дном снова шел чернозем. Скелет погребенного не сохранился. У северной стенки могилы найдена маленькая латная мисочка, на поверхности которой хорошо заметны следы правки на круте (рис. 46, 20).

Курган 59. Диаметр 5 м, высота 0,25 м. В северной поле насыпи имелась западина. Насыпь состояла из оупеси серого цвета. В северной ее половине с отметки — 0,3 м зафиксировано пятно из обожженной до красного цвета глины с включениями углей и золы. Под ним обнаружена могила прямоугольной формы $0,8 \times 2$ м, глубиной 0,83 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05 и 0,1 м. Восточная половина ямы была частично нарушена кротовиной. Заполнение состояло из пережженной до красного цвета глины и остатков сгоревших деревянных конструкций. От последних сохранились плахи, положенные вдоль длинных стенок, а также часть перекрытия из широких продольных плах. Скелет погребенного и инвентарь не сохранились.

Курган 60. Диаметр насыпи 6 м, высота 0,2 м. По центру кургана с отметки — 0,3 м фиксировался кольцевой могильный выкйд. Под ним обнаружена могила $1,1 \times 2,05$ м, глубиной 1,04 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. В южной половине ямы имелась поперечная канавка. Скелет погребенного не сохранился. Между канавкой и юго-западной стенкой могилы встречены: янтарная бусина (рис. 46, 21 в), две пастовых цилиндрических пронизи черного цвета (рис. 46, 21 а), четыре круглые пастовые бусины оранжевого цвета (рис. 46, 21 г) и одна бусина той же формы и материала белого цвета (рис. 46, 21 б).

На северной окраине центральной группы насыпей сплошным расколом исследованы курганы 61, 62, 63 (рис. 47, I). На современной поверхности были еще заметны лишь насыпи курганов 61 и 63. В процессе их раскопок стало ясно, что между ними находится еще один курган — 62.

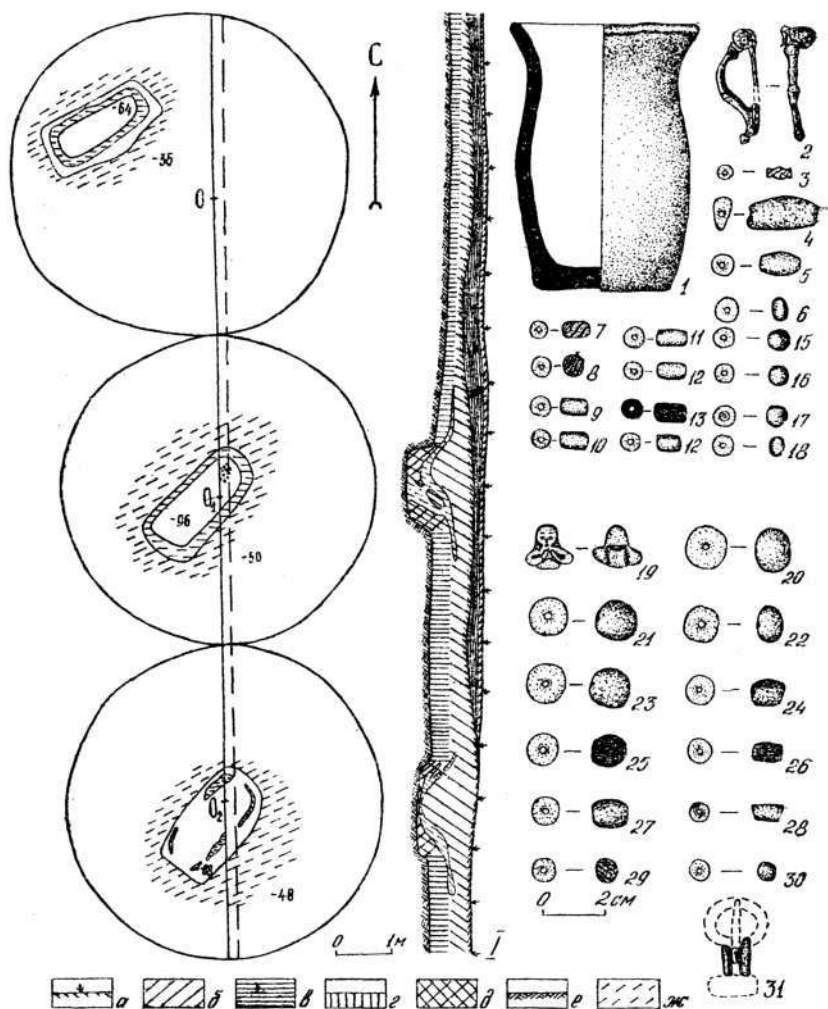

Рис. 47. Курганы Вязовского могильника 61—63; 1— курганы 61, 62, 63; 1—18 инвентарь погребения кургана 61; 19—30 — инвентарь погребения кургана 62; 31 — инвентарь погребения кургана 63; а — дерн, б — насыпь, в — переотложения; г — погребенная почва, д — заполнение, е — материк, ж — выкид

Поэтому в дальнейшем все три кургана раскапывались с оставлением общей бровки по линии север — юг.

Курган 61. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Погребение обнаружено под северо-западной полкой насыпи в прямоугольной яме $1 \times 2,3$ м, глубиной 1,25 м. При зачистке пятна выявлена рамка из чистой глины, повторяющая контуры могилы. Внутри нее находилась супесь, перемешанная с глиной. В разрезе глиняная прослойка также повторяет профиль ямы. На дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05—0,06 м. От скелета погребенной сохранились остатки черепа в северо-восточной части могилы и тлен от костей ног над юго-западной канавкой. Судя по ним, она была ориентирована головой на северо-восток. В ногах лежал на боку небольшой лепной горшок (рис. 47, 1). Под нижней челюстью встречена бронзовая фибула (рис. 47, 2) и снизка из 12 янтарных бус неправильно-овальной формы (47,4), двух округлых сердоликовых бусин (рис. 47, 6) и одной агатовой пронизки бочковидной формы (рис. 47, 5). В центре могилы найдена обгорелая плашка и шесть бус: две пронизки катушковидной формы из красного стекла со спирально перевитыми ребрами (рис. 47, 3), одна округлая бусина из белого стекла и три фрагментированные цилиндрические пронизки бирюзового цвета.

Основное скопление бус обнаружено в ногах погребенной. Оно состояло из семи снизок. В каждую из них, как правило, входили бусы одного типа. Снизки были положены поперек ног в области щиколоток. Первая снизка насчитывала 46 полихромных бус (8 во фрагментах) со спиральным орнаментом цилиндрической (рис. 47, 7) и округлой (рис. 47, 8) формы. Вторая снизка состояла из 64 пастовых бордовых бус округлой формы (рис. 47, 15). Третья снизка насчитывала 52 цилиндрические пастовые бусины оранжевого цвета (рис. 47, 9). Четвертая снизка включала круглые пастовые бусы желтого цвета очень плохой сохранности, из которых удалось взять всего пять экземпляров (рис. 47, 16). Пятая снизка состояла из 38 (сохранились 24) пастовых цилиндрических пронизок желтого цвета (рис. 47, 10). В состав шестой снизки входили 59 пастовых цилиндрических пронизок бирюзового цвета (рис. 47, 11) и 12 округлых пастовых бус серебристого цвета (рис. 47, 17). Седьмая снизка насчитывала 54 бусины (сохранились 45), среди которых две цилиндрические пронизки из прозрачного темно-синего

стекла, остальные цилиндрические пронизки из пасты черного цвета (рис. 47, 13).

Третье скопление бус находилось в 0,1 м к западу от второго, рядом с сосудом. В его состав входили три снизки. Первая снизка насчитывала 102 пастовые цилиндрические и одну бочковидную бусину оранжевого цвета (рис. 47, 12). Во вторую снизку входили 60 пастовых бус оранжевого цвета (рис. 47, 15). Среди них 55 округлой и 4 цилиндрической формы (одна распалась). Третья снизка насчитывала 29 (сохранилось 11) пастовых бус бирюзового цвета (рис. 47, 14), среди которых 10 цилиндрической и одна бочковидной формы. Всего в данном погребении найдено 568 бус.

Курган 62. Диаметр 6 м, высота 0,25 м. Под вершиной фиксировался кольцевой могильный выкид. Под ним находилась прямоугольная могила 1,2×2,4 м, глубиной 1,2 м, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток. Заполнение ямы по краям — осветленный чернозем, в центре — глина. В разрезе глиняная прослойка повторяла профиль могильной ямы. Между ней и дном вновь залегало черноземное заполнение. На дне имелись две поперечные канавки, углубленные в материк на 0,05 и 0,1 м. Скелет погребенной не сохранился. В центральной части могилы встречено скопление углей. Тут же найдено фрагментированное железное шило. У юго-западной стенки могилы лежали четыре пастовые цилиндрические бусины черного цвета (рис. 47, 26). Основное скопление украшений обнаружено в заполнении северо-восточной канавки: подвеска в виде женской фигурки из египетского фаянса бирюзового цвета (рис. 47, 19), округлая бусина из аметиста (рис. 47, 20), шесть округлых бусин из сердолика (рис. 47, 21), три бочковидные бусины из агата (рис. 47, 22), округлая бусина из прозрачного кварца (рис. 47, 23), бочковидная бусина из песчаника (рис. 47, 27), полихромная круглая бусина со спиральным орнаментом (рис. 47, 29), две бочковидных пастовых бусины черного цвета (рис. 47, 25), одна голубая и одна оранжевая (рис. 47, 28) пастовые пронизки, оранжевая и красная (рис. 47, 30) круглые бусины из того же материала, а также оплавленная стеклянная бусина.

Курган 63. Диаметр 6 м, высота 0,3 м. Под вершиной кургана с отметки — 0,40 м фиксировался кольцевой могильный выкид. Погребение находилось под вершиной насыпи в прямоугольной яме 1×2,2 м, глубиной 1,1 м, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. При

зачистке могильного пятна вдоль стенок ямы фиксировались полосы глины, образующие незамкнутую рамку. Внутри нее заполнение состояло из чернозема. В разрезе глиняная прослойка повторяла профиль ямы. На ее дне имелись две поперечные канавки глубиной 0,05 м — 0,06 м. Скелет погребенного не сохранился. В центральной части ямы найдены фрагменты бронзовой пряжки (рис. 47, 31). Ближе к юго-западной канавке встречено полностью корродированное железное шило.

Кроме курганных могильников на Верхнем Дону известно грунтовое захоронение в с. Кличина Ефремовского уезда Тульской губернии³. Обнаружено случайно при земляных работах на высоком берегу р. Семенек. В могиле лежал скелет погребенного, который сопровождали железный кинжал и сероглиняный кувшин.

3. Вещевой комплекс

Так же, как и в более южных районах, материальная культура верхнедонских племен известна пока лишь по погребальному инвентарю. В нем наиболее многочисленную группу составляет керамика — 52 экземпляра.

Круговая посуда. Представлена лишь тремя находками, что составляет 5,8% от общего количества верхнедонской керамики. Это горшочек из погребения кургана 32 Вязовского могильника (рис. 42, 2), сосуд с ушками для подвешивания из погребения кургана 37 того же могильника (рис. 45, 3) и кувшин с носиком-сливом из с. Кличина⁴. Сосуды изготовлены из серой глины, на двух имеется орнамент в виде круговых желобков. Кроме целых сосудов в насыпях и погребениях встречались отдельные фрагменты сероглиняных остросереберных мисок. Эта керамика является нижнедонским или северо-кавказским импортом.

Лепная посуда. Представлена главным образом мисками и горшками.

Миски. Все верхнедонские миски плоскодонные. Так же, как и в воронежских могильниках, они подразделяются на два типа. К I типу относятся миски с плавно загнутым внутрь бортиком — 10 экземпляров (рис. 38, 11; 40, 1; 41, 2—3, 20; 46, 20). Их поверхность покрыта черным или бурым лощением. II тип объединяет остросереберные миски — 13 экземпляров (рис. 31, 16; 32, 19; 39, 1, 8, 9; 41, 7—8, 16; 45, 2). Среди них встречаются как чернолощенные, так и с заглаженной поверхностью черного, бурого или серого цвета. У

некоторых мисок бортик украшен горизонтальными бороздками (рис. 32, 19) или желобками (рис. 45, 2). По характеру обработки поверхности и особенно своеобразной орнаментации миски II типа являются местными дериватами круговой сероглиняной посуды нижнедонского и кубанского производства.

Кувшины. Представлены тремя находками, причем в двух случаях сохранились лишь нижние части сосудов, недостаточные для определения их типа (рис. 41, 13). Третий кувшин из погребения кургана 35 Вязовского могильника имеет округлое тулово и высокое раструбовидное горло, украшенное горизонтальными бороздками (рис. 44, 3). Как по форме, так и по орнаментации он является подражанием круговой керамике нижнедонского производства.

Кубок. В насыпи кургана 4 Вязовского могильника встречен чернолощенный сосуд на невысоком поддоне с отбитой в древности ручкой (рис. 38, 10). По форме он производит впечатление грубой имитации античных краснолаковых канфаров типа сосуда из грунтового погребения 2 I Чертовидского могильника (см. рис. 24, 6).

Горшки. Насчитывают 22 экземпляра. Большинство имеют плавно отогнутый наружу венчик и высокое, расширяющееся в средней части тулово — 16 экземпляров (рис. 31, 9, 11; 32, 29—30; 33, 11; 36, 10; 39, 2; 43, 2; 45, 1; 47, 1). По основным признакам эти сосуды соответствуют I типу горшков воронежских могильников. Лишь некоторые экземпляры отличает более широкое дно (рис. 31, 9; 43, 2). Другая особенность верхнедонских горшков состоит в том, что почти все они неорнаментированные. Орнамент в виде косых насечек по венчику встречен всего лишь на двух сосудах, что составляет 12,5% керамики этого типа. На наш взгляд, эти отличия носят хронологический характер. Своеобразной орнаментацией выделяется сосуд из насыпи кургана 37 Вязовского могильника, венчик которого украшен пальцевыми защипами, а плечики налепными шишечками (рис. 45, 1). Если первый тип орнамента имеет глубокие традиции в лесостепной скифоидной керамике⁵, то второй обнаруживает аналогии в сарматской посуде⁶.

Вторую по численности серию верхнедонских горшков составляют сосуды с теми же основными типологическими признаками, что и описанные выше, но отличающиеся от них более низким приземистым туловом — пять экземпляров (рис. 35, 1; 36, 12; 38, 6; 46, 15, 17). По этому признаку их

можно выделить во второй вариант горшков I типа. Все они неорнаментированные. Подобные сосуды ни разу не встречены в воронежских могильниках. Однако они так же, как и горшки самого распространенного первого варианта, ведут свое происхождение от местной керамики скифского времени. Многочисленные аналогии этим сосудам известны на среднедоновых поселениях. На более северных памятниках, в частности, в верхнем слое Пяшчевского городища, они встречались вместе с сероглиняной керамикой первых веков нашей эры.

Совершенно иной тип представляет небольшой лепной сосудик с выгнутым яйцевидным туловом и узким горлом из кургана 30 Вязовского могильника (рис. 41, 21). Он находит аналогии только в сарматской керамике⁷.

Орудия труда. В погребениях их набор ограничен преимущественно ножами и шильями.

Ножи. По-прежнему преобладают ножи с прямым или чуть выгнутым лезвием (рис. 32, 17; 35, 20; 41, 11, 19; 43, 9). Значительную серию составляют ножи с более широким лезвием и скошенной у острия горбатой спинкой (рис. 32, 5; 35, 19; 41, 15; 46, 12). В первые века нашей эры они были распространены на большей части территории Восточной Европы. К третьему типу относятся два ножа серповидной формы (рис. 35, 5; 36, 2). Они встречаются как у сарматов, так и у племен среднедоновской культуры⁸.

Шилья. Насчитывают 11 экземпляров (рис. 32, 3; 35, 6; 38, 3; 40, 4; 41, 14; 42, 5; 46, 2, 13). Все они изготовлены из железа. У хорошо сохранившихся экземпляров острие в сечении квадратное. Шилья имели деревянные рукоятки, о чем прямо свидетельствует находка в кургане 5 Ново-Никольского могильника⁹.

Игла. Железная игла найдена в погребении кургана 47 Вязовского могильника (рис. 46, 14). Укажем, что в верхнедоновских могильниках ни разу не встречены пряслица, обычные в погребениях более южных районов.

Вооружение представлено мечами, кинжалами, наконечниками копий и стрел.

Мечи и кинжалы. Различаются лишь размерами. К I типу принадлежат экземпляры с кольцевым навершием — три целых (рис. 35, 2, 12; 40, 9) и два во фрагментах. Ко II типу относятся мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия. У большинства из них штырь рукоятки плавно переходит в пятую клинка — шесть мечей

(рис. 33, 1; 40, 10; 42, 1, 7; 44, 1; 45, 9) и пять кинжалов (рис. 33, 2; 42, 9; 45, 10). К другому варианту принадлежит меч из кургана 78 Ново-Никольского могильника (рис. 36, 1) и кинжал из с. Кличина, у которых штырь рукояти переходит в пятую клинка, образуя прямой угол. Мечи отличаются большой длиной — 80—100 см. Все они относятся к наиболее распространенному типу позднесарматских мечей¹⁰. Вместе с длинными мечами встречались крупные бусины и пронзы, скорее всего служившие для украшения портупей (рис. 40, 11; 42, 8).

Наконечники стрел. Насчитывают 52 экземпляра, происходящих из 9 погребений. Как правило, в погребениях встречается по одному наконечнику (рис. 32, 6; 33, 4; 36, 3). Исключение составляют лишь погребения курганов 7 (12 экземпляров) и 53 (13 экземпляров) Ново-Никольского могильника и погребение кургана 37 (20 экземпляров) Вязовского могильника (рис. 35, 14; 45, 8). Все наконечники железные, одного типа — трехлопастные черешковые с высотой головки 1,5—2 см.

Наконечники копий. В вооружении верхнедонских племен важную роль играли копьа, насчитывающие 17 экземпляров. Их длина составляла 2,2—2,5 м. Они имели железные втульчатые наконечники. У полностью сохранившихся экземпляров втулка завершалась невысоким валиком, над которым находилось отверстие для гвоздика, скреплявшего наконечник с древком. По размерам и форме пера намечается выделение трех типов наконечников.

К I типу относятся наконечники с длинным остролистым пером, плавно переходящим в тонкую втулку, — 4 экземпляра (рис. 31, 1; 35, 3; 38, 1—2). Длина этих наконечников 25—30 см. II тип включает два наконечника с широким скругленным у острия пером и короткой втулкой (рис. 44, 2; 46, 16). Их длина 22—25 см. III тип объединяет наконечники с узким треугольным пером, не превышающим по ширине диаметр втулки — 7 экземпляров (рис. 33, 3; 35, 13; 45, 11; 46, 1). Их длина 18—21 см. Тип четырех наконечников не определен ввиду их плохой сохранности.

I тип обнаруживает близость лодзнескифским наконечникам, в том числе — с территории Среднего Дона¹¹. Полной аналогией наконечникам II типа является экземпляр из станицы Тифлисской на Кубани¹². Точной аналогией III типу служат наконечники из кургана 6 у станицы Казанской¹³ и из погребения 2 кургана 28 Калиновского могильника¹⁴.

По-видимому, верхнедонские наконечники копий имеют различное происхождение. Одни обнаруживают истоки в вооружении среднедонского населения IV—III вв. до н. э., другие тождественны наконечникам южных районов, занятых сармато-аланскими племенами.

Снаряжение коня. В верхнедонских могильниках найдено 15 удил. Большинство (11 экземпляров) принадлежит наиболее распространенному типу удила с дополнительными кольцами (рис. 31, 17; 32, 8; 34, 16; 35, 11; 44, 7; 46, 10). Ко II типу относятся удила со стержневидными псалиями — 2 экземпляра (рис. 33, 6; 40, 2). В погребении кургана 37 Вязовского могильника встречены железные удила со стержневидными псалиями, украшенными на концах дисками, обернутыми золотой фольгой (рис. 45, 4). По краям последних нанесен орнамент в виде насечек. По конструкции им наиболее близки удила из так называемого погребения алаокого военачальника в районе центральных ворот Неаполя Скифского. По мнению исследователей, они сарматского происхождения¹⁵. Из погребения 78 Ново-Никольского могильника происходят удила с колесовидными псалиями (рис. 36, 4). Основной ареал их распространения — Северный Кавказ и Кубань¹⁶.

Для украшения уздечных ремней использовались бронзовые и серебряные бляшки (рис. 31, 12; 40, 7), серебряные привески¹⁷, но чаще всего железные обоймы — проница диаметром 1,5—2 см (рис. 33, 10; 36, 6; 40, 8; 43, 10; 44, 8; 46, 7). Они встречены в 9 погребениях. Обоймы почти всегда лежат рядом с удилами в количестве от двух до восьми экземпляров. Подобные украшения известны в сарматских погребениях донских и северопричерноморских степей¹⁸. В погребении кургана 37 Вязовского могильника встречены конские луцы (рис. 45, 5).

Фибулы. На Верхнем Дону абсолютно преобладают сильно профилированные фибулы — 37 экземпляров. Из них лишь одна из насыпи кургана 12 Ново-Никольского могильника принадлежит к группе сильно профилированных фибул западных типов¹⁹. Остальные экземпляры представляют сильно профилированные фибулы причерноморских типов. Все они соответствуют I типу классификации А. С. Скрипкина. Вслед за ним мы подразделяем их на два варианта²⁰. К первому варианту относятся фибулы с короткой спинкой, которая по длине меньше расстояния от задней бусины до конца приемника — девять экземпляров (рис. 31, 18; 34, 1;

35, 16; 41, 9; 47, 2). У всех спинка в сечении круглая. Вторым вариантом включает фибулы со спинками, превосходящими по длине расстояние от задней бусины до конца приемника — 10 экземпляров (рис. 31, 4, 7; 32, 33; 33, 9; 36, 13; 38, 12; 39, 3; 41, 18). Спинка часто пластинчатая ромбической формы. Степень сохранности остальных фибул этой серии такова, что не позволяет определить их принадлежность к тому или иному варианту.

Сильно профилированные фибулы обоих вариантов наиболее часто встречаются в сарматских погребениях II в. н. э. Волго-Донского междуречья и в памятниках Северо-Восточного Причерноморья²¹. Сейчас к этим регионам следует отнести и Верхний Дон. Широкое распространение фибул этого типа в указанных областях объясняется местом их производства — следы последнего обнаружены в Танаисе²².

Пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника представлены двумя находками. В погребении кургана 78 Ново-Никольского могильника найдена фибула (рис. 36, 5) третьего варианта²³. Из погребения кургана 7 того же могильника происходит крупная фибула с широкой спинкой четвертого варианта²⁴.

Кроме фибул к деталям костюма условно можно отнести две находки из Ново-Никольского могильника. В погребении кургана 45а найдено железное изделие в виде четырехгранного стержня с навершием из двух завитков (рис. 32, 15). Возможно, это булава. Из погребения в кургане 46 происходит изделие в виде полый трубочки, свернутой из листовой меди (рис. 32, 20). Его верхняя часть украшена парой спиральных завитков, а нижняя завершается крючком. Точные аналоги этим находкам в синхронных древностях Восточной Европы неизвестны. Однако следует обратить внимание на сходство железной булавки с предметами неясного назначения из раннесредневековых памятников Среднего Поволжья²⁵. Застежка из кургана 46 обнаруживает некоторую близость бронзовой подвеске из Суворовского могильника, хотя и отличается от последней размерами и некоторыми конструктивными особенностями²⁶.

Пряжки. Их найдено 48 экземпляров. Большинство изготовлено из железа и лишь 7 — из меди и бронзы. Все имеют подвижный язычок.

Тип I — с округлой рамкой — 40 экземпляров. Подразделяются на два варианта:

первый вариант — без обоймы (рис. 31, 8, 10; 32, 16; 33, 8; 35, 17—18; 36, 8—9, 11; 38, 7—8; 40, 6; 41, 5; 45, 6);

второй вариант — с металлической обоймой (рис. 31, 2, 15, 19; 33, 7; 35, 7; 39, 5—6, 10; 42, 3; 46, 3). Укажем, что последний признак отмечен почти у половины пряжек. Если пряжки первого варианта входят в употребление с рубежа нашей эры, то пряжки второго варианта широко распространяются позже — со II—III вв. н. э.²⁷

Тип II — с прямоугольной рамкой — три экземпляра. Использовались как без обойм (рис. 41, 4), так и с обоймами (рис. 32, 1). Аналогии им встречаются на очень широкой территории от Северного Кавказа²⁸ до Среднего Поволжья²⁹.

Тип III — с вытянутой прямоугольной рамкой, закругленной в верхней части — один экземпляр (рис. 45, 7). Находки пряжек этого типа известны в различных областях Восточной Европы³⁰.

Тип IV — с ажурным корпусом — два экземпляра (рис. 46, 8; 47, 31). Такие пряжки получили наибольшее распространение в Крыму³¹.

Тип V — с округлой рамкой и свернутыми в трубочку несомкнутыми концами — два экземпляра (рис. 31, 5; 32, 21). Они обнаруживают несомненную близость финно-угорским сюльгам. В то же время следует обратить внимание на находки аналогичных сюльгам в памятниках юга Восточной Европы, датируемых более ранним временем, нежели самые древние финно-угорские. В частности, на Северном Кавказе они известны с III—II вв. до н. э.³², а у сарматов — с I в. н. э.³³

Зеркала. Встречены в трех погребениях Ново-Никольского могильника (рис. 34, 9)³⁴. Все три относятся к наиболее распространенному типу позднесарматских зеркал с боковым ушком и рельефным орнаментом на оборотной стороне³⁵.

Украшения. Их набор исчерпывается браслетами и бусами. Браслеты изготовлены из медной или железной проволоки и принадлежат двум типам: с шишечками на концах (рис. 32, 34) и с расплюсченными концами (рис. 35, 15) И те и другие были широко распространены у различных племен Восточной Европы первых веков н. э.³⁶

Бусы. Ожерелья из бус являлись самым массовым типом женских украшений. Они встречены в 29 погребениях и насчитывают более 1300 экземпляров. Их классификация дается нами по своду Е. М. Алексеевой.

На верхнем Дону абсолютно преобладают одноцветные пастовые бусы круглой (рис. 32, 12; 34, 20—22; 43, 18; 47, 9—14, 15—18) и цилиндрической (рис. 34, 33—34; 39, 11; 41, 23а; 43, 17; 46, 18; 47, 9—12, 14, 26, 28) формы. Гораздо реже встречаются биконические (рис. 41, 23), бочковидные (рис. 43, 20), катушкообразные (рис. 43, 21; 47, 3) и кубические (рис. 34, 7) бусы из пасты. Второе место занимают стеклянные бусы с внутренней позолотой округлой (рис. 32, 23, 25; 34, 6, 13; 43, 22) и бочковидной (рис. 32, 11, 26; 34, 19, 31; 41, 23б) формы, а также двух- (рис. 34, 6, 12, 18, 30) и трехчленные (рис. 32, 24; 34, 6). Полихромные бусы со спиральным орнаментом представлены ожерельем из кургана 61 Вязовского могильника, в состав которого входили 35 цилиндрических пронизок типа 252 (рис. 47, 7) и три круглые бусины типа 248 (рис. 47, 8). По одной бусине этого типа встречено в кургане 29 Ново-Никольского (рис. 33, 5) и кургане 62 Вязовского (рис. 47, 29) могильников. В последнем захоронении найдена единственная на Верхнем Дону бусина из египетского фаянса в виде женской фигурки типа 296 (рис. 47, 19).

Следующую группу составляют гагатые бусы — 76 экземпляров. Большинство из них цилиндрической (рис. 34, 17; 43, 15) и круглой (рис. 34, 35) формы. Из погребения кургана 8 Ново-Никольского могильника происходит гагатая калевидная подвеска типа 85³⁷. Янтарные бусы представляют уплощенные пронизки неправильно-овальной формы типа 44—39 экземпляров (рис. 34, 14, 24—25; 43, 16; 46, 21а; 47, 4). Сердоликовые бусы насчитывают 54 экземпляра. Среди них преобладают округлые типа 2 (рис. 43, 12; 47, 21) и биконические типа 8 (рис. 34, 26; 43, 14). Реже встречаются бочковидные пронизки типов 3 и 4 (рис. 34, 27). Халцедоновые бусы, как правило, имеют округлую форму типа 2 — 45 экземпляров³⁸. Исключение составляет бочковидная пронизь типа 9 (рис. 34, 29). Бусы из других минералов представлены единичными находками: из кварца (рис. 47, 23), известняка (рис. 39, 7; 47, 27), аметиста (рис. 47, 20), агата (рис. 47, 22).

По своему составу верхнедонские ожерелья существенно отличаются от таковых более южных районов лесостепи. Здесь полностью отсутствуют глазчатые и мозаичные бусы, единственной находкой представлены украшения из египетского фаянса. В ожерельях преобладают одноцветные пастовые бусы и бусы с внутренней позолотой, а также гагато-

вые, янтарные и из других полудрагоценных минералов. Различия в наборах украшений верхнедонских и воронежских могильников носят прежде всего хронологический характер, хотя это не исключает и иных причин, в том числе этнокультурного порядка.

4. Погребальный обряд

Ново-Никольский и Вязовский могильники находятся в бассейне Верхнего Дона у северной окраины лесостепи. Они удалены от степного пограничья более чем на 350 км. Для них характерен курганный обряд погребения. Поиск грунтовых захоронений в Вязовском могильнике не дал положительных результатов³⁹. Курганы расположены на высоких берегах рек, прорезанных удобными для спуска к воде балками. В могильниках выделяются обособленные группы насыпей. В каждой из них курганы расположены очень компактно. Расстояние между ними не превышает 1—2 м, а примерно у трети курганов насыпи сливаются краями, перекрывая друг друга. В большинстве случаев группообразующим элементом служит курган, выделяющийся своими размерами. Для северной группы Вязовского могильника таковым является курган 7 (диаметр 15 м, высота 1 м), для центральной — курган 37 (диаметр 10 м, высота 0,8 м), для южной — курган 49 (диаметр 13 м, высота 0,6 м). Они явно доминируют над окружающими их рядовыми насыпями высотой 0,2—0,4 м и диаметром 4—6 м. В Ново-Никольском могильнике курганы-доминанты не так заметны, но и здесь, например, курган 7 (диаметр 12, высота 1,2 м) превосходил своими размерами любую другую насыпь этой группы.

В Ново-Никольский могильник входило сооружение непогребального характера, обозначенное В. П. Левенком как курган 12⁴⁰. Оно находилось в 40—50 м к западу от курганов и имело вид насыпи овальной формы 4×9 м. В ней встречались обломки лощеных мисок и лепных горшков, идентичных найденным в курганах. Из находок отметим фрагмент зеркала-подвески, стеклянную и сердоликовую бусины, а также бронзовую фибулу. В основании насыпи найдено много костей животных и скопление обожженной глины. В. П. Левенко интерпретировал это сооружение как остатки жилой или культовой постройки⁴¹. Однако следует признать, что его устройство, а тем более назначение в целом осталось неясным. По содержанию его остатков можно

заклЮчить, что оно напоминало зольник и функционировало одновременно с могильником.

В верхнедонских могильниках под курганными насыпями, как правило, встречалось по одному захоронению. Лишь три кургана (Ново-Никольский могильник, к. 49; Вязовский могильник, к. 4 и 34) содержали по два погребения. В устройстве надгробного сооружения определенную роль играл материковый выкйд. Как показали раскопки ряда курганов, он явно умышленно укладывался на древнюю поверхность в виде округлой глиняной площадки, перекрывающей погребение. Р. Ф. Воронина зафиксировала у насыпей Ново-Никольского могильника наличие неглубоких ровиков⁴². В их заполнении встречались кости животных, фрагменты керамики, остатки кострищ.

В погребальном обряде верхнедонского населения важную роль играли тризны, встреченные в 30 курганах (28% исследованных насыпей). Иногда они совершались на специальных каменных площадках (курганы 9 и 10 Вязовского могильника). В 16 курганах тризны представлены сосудами. Чаще всего это горшки, поставленные на древнюю поверхность недалеко от края могилы. Миски встречаются реже. В трех насыпях отмечено сочетание миски и горшка. Остатки мясных тризн прослежены в насыпях 16 курганов. В большинстве случаев это черепа и окопления зубов лошади, в двух случаях лошади и коровы. В ряде насыпей встречались и сосуды, и остатки мясных тризн.

Наиболее своеобразную черту верхнедонских могильников составляет биритуализм, проявляющийся в наличии на одном и том же памятнике обряда ингумации и кремации.

Группоположение. Этот способ захоронения является господствующим как в Ново-Никольском, так и Вязовском могильниках. На 101 исследованное погребение приходится 85 группоположений (84%). Они совершены в широких ямах прямоугольной формы, обычно имеющих закругленные углы. При длине 2—2,5 м их ширина составляет 1—1,2 м. Однако известны случаи сооружения могил больших размеров. Так, могила в кургане 37 Вязовского могильника имела размеры 2×3,4 м (рис. 45, II), а в кургане 35 того же могильника 2×3,5 м (рис. 44, II). Ямы, как правило, незначительно углублены в материк (0,5—1,2 м). Абсолютное большинство могил ориентировано по линии юго-запад — северо-восток с отклонениями к северу и востоку.

Погребения совершались в ямах, содержащих внутри-

могильные конструкции. Надежным свидетельством их существования являются следующие данные. Прежде всего это характерное неоднородное заполнение могил. Уже при зачистке могильных пятен по периметру ямы вырисовывалась узкая полоса перегной, образующая как бы замкнутую рамку (рис. 42, I, III; 44, I). Внутри ее имелось кольцо из глины, также повторяющее форму ямы, внутри которого в свою очередь находилось черноземное заполнение. В поперечном разрезе могилы наблюдалась следующая картина. Вдоль стенок и дна шла тонкая прослойка органического перегоя, иногда содержащая куски древесного глена и коры. Ближе к ее середине имелась прослойка чистой глины, повторяющая профиль ямы. Выше ее находилось черноземное заполнение, по содержанию идентичное насыпи. Впервые подобную структуру заполнения исследовал В. П. Левенок в кургане 36 Ново-Никольского могильника⁴³. Это явление нам удалось проследить еще в 30 верхнедонских захоронениях. Другим свидетельством наличия внутримогильных сооружений являются поперечные канавки. Впервые они также были открыты раскопками В. П. Левенка в курганах 44 и 64 Ново-Никольского могильника⁴⁴. Нам удалось их обнаружить еще в 35 труположениях. Они представляют собой узкие углубления, часто прямоугольной формы, сделанные поперек дна могилы. В 18 захоронениях имелось по две канавки, в остальных — по одной, обычно находящейся в юго-западной половине могилы.

Полученный материал позволяет реконструировать следующее устройство внутримогильных сооружений. Для совершения погребений выкапывалась довольно широкая, но неглубокая яма. Ее стенки обшивались досками или плахами, следы которых хорошо фиксируются при зачистке в виде замкнутой рамки перегоя. Поперек дна клали два деревянных подклада, слепка углубленных в материк. Их перекрывал настил из досок, служивший погребальным ложем. После завершения обряда захоронения яму не засыпали, а закрывали перекрытием из плах. Поверх него укладывали глину, добытую при рытье могилы, придавая ей форму округлой площадки или кольца. Лишь после этого возводили небольшую насыпь. В таком сооружении процесс разложения погребенного шел значительно быстрее, чем в обычной грунтовой яме, забитой глиной и землей. Об этом свидетельствует исключительно плохая сохранность костей погребенных, а во многих случаях даже и их полное от-

сутствие (сохранялись лишь зубы) при наличии полного набора инвентаря, лежащего *in situ*. Здесь покойник истлевал до того, как прогнивало и обрушивалось перекрытие. Сквозь образовавшийся пролом в могильную яму сначала проникала глина, лежащая поверх перекрытия, а в центре — часть черноземного заполнения насыпи. Доски обшивки стенок и дна истлевали, оставляя полосы перегноя. В результате получались те наслоения, которые многократно фиксировались при раскопках указанных могильников.

При оборудовании двух могил Ново-Никольского могильника кроме дерева и глины использовался еще и камень. В могильной яме кургана 37 находилось сооружение из вертикально поставленных плит⁴⁵. Ограниченное пространство имело овальную в плане форму, достигая в длину 0,97 м. Другое захоронение с использованным камнем исследовано в кургане 78 (рис. 36, 11). Применение этого материала для оборудования могил было случайным и не переросло в устойчивую традицию.

В силу очень плохой сохранности костяков в погребениях с труположением далеко не всегда удавалось определить позу и ориентировку погребенных. Однако там, где они сохранились, последние обычно лежат в вытянутом положении на спине. В погребении кургана 19 Ново-Никольского могильника зафиксировано положение кисти левой руки на таз. В двух случаях руки были положены на груди (Ново-Никольский могильник, к. 5 и к. 51). Ноги погребенных чаще всего были вытянуты, но в одном захоронении отмечен обычай перекрещивать их в голених (Ново-Никольский могильник, к. 18).

Ориентация погребенных определена в 46 труположениях. Здесь явно преобладает северо-восточная ориентировка, прослеженная в 32 погребениях. В четырех захоронениях встречены отклонения от нее на восток — северо-восток, в двух — на восток, в одном — к северу. Вместе с ними погребенные, ориентированные головой в северо-восточный сектор, составляют 85% труположений с установленной ориентировкой. Однако в захоронениях Ново-Никольского могильника, исследованных В. П. Левенком и Р. Ф. Ворониной, отмечена и противоположная ориентировка: головой на запад — три, юго-запад — три, запад — юго-запад — одно захоронение. Эту ориентировку имеют 15% погребенных. В Вязовском могильнике она не встречена ни разу.

В обряде рассматриваемых погребений значительную

роль играло использование продуктов горения и в меньшей степени других веществ. В 17 погребениях в заполнении и на дне могил встречены угли и зола, в том числе остатки небольших кострищ. Реже зольно-углистые скопления залежали в насыпях курганов и в ровиках. Использование мела засвидетельствовано в двух захоронениях Ново-Никольского могильника (к. 46 и к. 73). В двух курганах того же могильника обнаружены куски кремня. Укажем также, что при двух труположениях найдены зеркала, но ни в одном из исследованных погребений не встречено курильниц.

Изучение местонахождения различных категорий инвентаря позволило подметить некоторые закономерности помещения его в могилу. Керамика встречена в 24 погребениях с труположением. В 13 из них были поставлены миски. Чаще всего они находились в ногах погребенных, иногда у головы. В захоронении кургана 17 Вязовского могильника обнаружены две миски, причем одна была перевернута вверх дном. Горшки найдены в 9 погребениях. Их ставили как в ногах, так и в изголовье покойного. Иные типы сосудов встречаются здесь исключительно редко.

Предметы вооружения содержали 25 погребений с труположением. Длинные мечи с рукоятью-штырем чаще всего клали слева от погребенного, лишь в двух захоронениях они лежали справа. Вместе с ними в большинстве случаев находят кинжалы, положенные справа от меча. В 15 захоронениях обнаружены наконечники копий. Обычно они лежали в ногах погребенных. Наконечники стрел найдены в шести захоронениях. Обычное их местоположение — в ногах погребенного. В труположении встречается, как правило, по одному наконечнику стрел. Единственное исключение составляет погребение кургана 37 Вязовского могильника, где их было более 20. Почти все воинские погребения содержали удила. Из семи захоронений с длинными мечами удила встречены в шести. Девять раз вместе с удилами найдены копыя. Наконечники стрел происходят из захоронений как пеших, так и конных воинов.

Определенный порядок наблюдается в размещении деталей одежды, предметов туалета и украшений. Фибулы чаще всего лежат на груди или шее. Там же, как правило, встречаются бусы, входившие в состав ожерелий. Иногда последние лежат на ногах (курган 61 Вязовского могильника). Зеркала-подвески клали около головы погребенных. Ножи находятся в ногах или у бедренных костей погребен-

ных. Иногда в комплекте с ножом встречается шило. Еще раз укажем, что в отличие от погребений центральных и южных районов донской лесостепи ни в одном из верхнедонских захоронений не встречено пряслиц.

Завершая рассмотрение этого вопроса, отметим, что в труположениях с оружием практически никогда не встречаются украшения и зеркала, хотя известны находки фибул. Малохарактерна для них и керамика. По-видимому, это наблюдение отражает различия в наборе инвентаря мужских и женских погребений. Используя указанные критерии, мы выделили среди труположений Ново-Никольского могильника 11 мужских, 8 женских и 4 детских захоронения. В Вязовском могильнике удалось определить 11 мужских, 14 женских и 2 детских труположения. Какой-либо определенной системы в расположении их на площади могильника не подмечено.

Трупосожжения. Обряд трупосожжения прослежен в 16 погребениях Ново-Никольского и Вязовского могильников, что составляет почти 16% исследованных захоронений. В Ново-Никольском могильнике открыто 11 трупосожжений (19,6%), в Вязовском — 5 (11%). Ни в том, ни в другом могильнике курганы с трупосожжениями не занимают сколько-нибудь определенного участка. Они расположены вперемежку с курганами, содержащими труположения. Известны случаи, когда насыпи тех и других соединялись полами в единое целое (рис. 31, II), а под насыпью кургана 34 Вязовского могильника (рис. 43, I) оказалось два погребения: труположение (п. 1) и трупосожжение (п. 2). Курганы с сожжением не выделяются ни по форме, ни по размерам надмогильных сооружений. Это обычные круглые в плане насыпи диаметром 5—7 м, высотой 0,3—0,5 м. Однако у большинства из них центральная часть насыпи непосредственно над погребением была сложена из обожженной до кирпично-красного цвета глины, спекшейся в куски. При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие среди нее продуктов горения. Если они и встречаются, то, как правило, представляют обуглившиеся деревянные конструкции, выходявшие за пределы погребального сооружения.

Погребения с сожжением совершались в ямах той же прямоугольной с закругленными углами формы, что и труположения. Все они ориентированы по линии юго-запад — северо-восток, иногда с отклонениями к востоку. По своим

размерам ямы практически не отличаются от погребений первого типа (ширина 0,8—1,3 м, длина 1,6—2,8 м, глубина 0,8—1 м). В 11 курганах с сожжением внутри могильных ям встречены остатки обгорелых деревянных конструкций (рис. 31, III; 33, IV; 35, III; 41, II; 43, II). Стенки и дно могил покрывались продольно уложенными плахами. Причем так же, как и при труположениях, настил лежал на подкладах, от которых остались поперечные канавки. Они обнаружены в трех сожжениях. По углам ямы иногда вкапывались столбики толщиной 6—8 см, лучше сохранившиеся в курганах 17 и 31 Ново-Никольского могильника. Могилы имели деревянное перекрытие, прослеженное в пяти случаях. Обычно оно состояло из коротких, положенных поперек могилы плашек шириной 5—7 см.

При сожжениях костяки уцелели далеко не во всех погребениях. Однако там, где они сохранились, кости были сильно обожжены, но лежали в анатомическом порядке (рис. 31, III). Поэтому рассмотренный обряд погребения можно определить как неполное трупосожжение на месте.

Уже первые результаты раскопок сожжений позволили дать реконструкцию этого ритуала⁴⁶. Наши раскопки существенно уточнили некоторые его детали: устройство внутримогильных сооружений, наличие поперечных канавок, позу и ориентировку погребенных. На основании изучения всего накопленного материала последовательность совершаемых действий при погребении с сожжением представляется следующей. После того, как могильная яма была вырыта, а стенки и дно ее были выложены деревянными плахами, на настил клали покойника со всеми сопровождающими его вещами. Затем в могильной яме поверх погребенного разводили костер. Под действием жара покойник сгорал, а иногда лишь обугливался до костей. Когда обряд кремации подходил к концу и пламя спадало, могилу закрывали деревянными плахами. Образовавшееся перекрытие сверху засыпали чистой материковой глиной, добытой при рытье ямы. Тем временем под действием жара в могиле плахи перекрытия обугливались, оставляя на лежащей поверх их глине четкие отпечатки, а затем проваливались. Глина попадала в могилу, где спекалась в комки, приобретая кирпично-красный цвет. По-видимому, температура кострища была еще достаточно высокой, чтобы прокалить даже верхние слои глины на уровне погребенной почвы. Отметим, что никаких следов разведения костра поверх могилы в верхнедонских

могильниках не обнаружено. О том, что костер горел внутри могильной ямы, свидетельствуют не только угли, обгоревшие деревянные конструкции, но и степень прокала глины на разной глубине. Наиболее сильно она обожжена внутри ямы. В целом, чем выше залегает глиняное заполнение, тем слабее его обжиг.

Позу погребенного достоверно удалось определить в трех сожжениях. Во всех случаях покойник лежал вытянуто на спине. В погребении кургана 17 Ново-Никольского могильника кисть левой руки погребенного покоилась на тазе, а ноги были скрещены в голенях (рис. 31, III). Ориентировка установлена в девяти погребениях с сожжением. Трое погребенных ориентированы головой на северо-восток, два на восток, один на восток — северо-восток. По одному случаю отмечена ориентировка на запад, юго-запад и запад — юго-запад. Таким образом, в сожжениях также преобладает ориентация погребенных головой в северо-восточный сектор, засвидетельствованная в шести захоронениях (66,7% трупосожжений), тогда как ориентировка в юго-западный сектор отмечена лишь в трех случаях (33,3%).

Оружие встречено в трех сожжениях. В двух из них было найдено по кинжалу с прямым перекрестием (Ново-Никольский могильник, к. 7 и к. 31), в одном — кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием (к. 53 того же могильника). В последнем кургане вместе с кинжалом обнаружен наконечник копья, лежавший в ногах погребенного. Наконечники стрел встречены в двух захоронениях. Их клали в ноги погребенного, причем в отличие от трупоположений в значительном количестве. Заслуживает внимания и тот факт, что в сожжениях ни разу не встречены длинные мечи и удила. В состав инвентаря двух сожжений входили сосуды: горшок и низ кувшина. Бусы найдены также в двух сожжениях. В погребении кургана 25 Ново-Никольского могильника вместе с бусами встречено зеркало-подвеска. Фибулы обнаружены в шести трупосожжениях. Во всех случаях они лежали на груди погребенных. В пяти сожжениях найдены ножи. В погребении кургана 20 Вязовского могильника нож лежал рядом с шилом.

Исходя из состава инвентаря, три сожжения с оружием мы относим к числу мужских, а два захоронения, содержащие ожерелья из бус и зеркало, к женским. Судя по небольшим размерам могилы, в кургане 21 Ново-Никольского могильника было совершено детское сожжение.

Таковы характерные черты обряда трупосожжения верхнедонских могильников. Поиск аналогий ему в синхронных памятниках не дал положительных результатов. В литературе довольно часто встречается мнение, что трупосожжения характерны для сарматского погребального ритуала. Однако оно приемлемо отнюдь не для всех этапов развития сарматской культуры и тем более не для всего занятого ею ареала. Как известно, наибольшее распространение огненный ритуал получил у савроматов, особенно в Южном Приуралье⁴⁷. Здесь известны сожжения покойников в погребальных сооружениях, обычно в виде их засыпки остатками костра. Однако уже в раннесарматское время наблюдается затухание этого обряда, и в дальнейшем он становится чуждым сарматам⁴⁸. В среднесарматских и позднесарматских погребениях он встречается исключительно редко. Во всяком случае, в немногочисленных сарматских погребениях с проявлениями огненного ритуала нам не удалось найти аналогий обряду сожжений верхнедонских могильников.

Сопоставление погребального обряда в курганах с сожжениями и трупоположениями показывает, что между ними гораздо больше сходства, чем различия. И те и другие входят в состав одних и тех же курганных групп. И те и другие имеют однотипные по форме и одинаковые по размерам насыпи и могильные ямы. Как при кремации, так и при ингумации возводились одинаковые по устройству и материалу внутримогильные сооружения. Не наблюдается различий между захоронениями того и другого типа по способу положения погребенных в могилу и их ориентировке. Среди тех и других имеются погребения мужчин-воинов, женские и детские. Принципиальное различие между ними наблюдается лишь в способе захоронения. На наш взгляд, все это свидетельствует о том, что и трупоположения, и трупосожжения принадлежат представителям единой в этнокультурном отношении группе населения, практиковавшей два способа захоронения умерших.

В завершение отметим некоторые черты социальной дифференциации, фиксируемые в верхнедонских могильниках. Здесь отсутствуют богатые женские захоронения, характерные для Чертовицких могильников. Нет в них и захоронений женщин, исполнявших жреческие функции. По сравнению с предшествующим временем процент мужских погребений с оружием несколько уменьшается (до 30,7%). По среди них выделяется небольшая группа хорошо экипиро-

ванных конных воинов, вооруженных длинными мечами, а иногда и копьями (7% исследованных погребений). Скорее всего это не рядовые воины-общинники, а представители формирующейся дружины. В Вязовском могильнике захоронения дружинников совершались только в центральной группе насыпей. Некоторые из них выделялись не только по инвентарю, но и размерами курганных насыпей и могил. Однако скорее всего до полного обособления военно-аристократической верхушки дело не дошло, так как захоронения ее представителей совершались по тому же ритуалу и на общем для всей родо-племенной группы кладбище.

5. Хронология

Уже первые результаты раскопок Ново-Никольского могильника в 1962—1963 гг. дали материалы для разработки его хронологии. В. П. Левенок датировал этот памятник I в. н. э.⁴⁹ Однако сейчас такая датировка представляется необоснованной. Нам не удалось выделить в могильнике ни одного комплекса столь раннего времени. Р. Ф. Воронина отнесла его к I—III вв. н. э.⁵⁰ Эта дата является более приемлемой, хотя ее верхний и нижний рубеж требуют существенной коррекции.

Хронологию Ново-Никольского и Вязовского могильников определяют прежде всего находки сильно профилированных фибул первого типа. А. С. Скрипкин обосновал датировку фибул первого варианта первой половиной II в. н. э., а время наибольшего распространения фибул второго варианта отнес к середине этого века, отметив, что к концу его их поступление в Нижнее Поволжье сильно сокращается⁵¹. Фибулы первого варианта встречены в семи погребениях Ново-Никольского могильника (курганы 5, 7, 8, 32, 44, 48(1), 53) и в двух погребениях Вязовского могильника (курганы 19 и 61). В двух из них содержались вещи, позволявшие скорректировать их датировку. В погребении кургана 7 кроме сильно профилированной фибулы найдена фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника четвертого варианта, датируемого А. К. Амброзом II—III вв. н. э.⁵², крупная гагатова бусина типа 9а, преобладающего в комплексах I в. н. э.⁵³, и набор оружия (кинжал с прямым перекрестием, 12 трехлопастных черешковых наконечников стрел), более характерный для среднесарматской культуры. Скорее всего, эти вещи могли попасть в состав инвентаря одного захоронения около середины II в.

н. э. В погребении кургана 53 встречена сильно профилированная фибула первого варианта также вместе с вооружением среднесарматского типа — кинжалом с прямым перекрестием и кольцевым навершием, и 13 трехлопастными наконечниками стрел. Скорее всего к первой половине II в. нужно отнести и другие погребения могильника с кинжалами указанного типа. Датировать их среднесарматским временем не позволяют найденные вместе с ними фрагменты сильно профилированной фибулы и пряжки с обоями (курган 74 Ново-Никольского могильника), а также длинный меч с ручкой-штырем (курган 15 Вязовского могильника).

К ранним захоронениям, видимо, нужно отнести и погребение в кургане 78 Ново-Никольского могильника. Встреченные в нем железные удила с колесовидными псалиями появляются на рубеже I в. до н. э. и продолжали существовать до II в. н. э.⁵⁴ Бронзовая фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника принадлежит третьему варианту, датируемому концом I — первой половиной II в. н. э.⁵⁵ Найденный в погребении меч относится к третьему варианту мечей без металлического перекрестия и навершия классификации А. М. Хазанова. Ранее они считались наиболее поздней разновидностью сарматских мечей и датировались III—IV вв.⁵⁶ Однако сейчас известны отдельные экземпляры более раннего времени⁵⁷. Наиболее вероятное время совершения этого захоронения — первая половина — середина II в. н. э.

Следующую хронологическую группу образуют захоронения с сильно профилированными фибулами второго варианта. Они найдены в 10 погребениях (Ново-Никольский могильник: курганы 6, 15, 29, 46, 49, 51, 81; Вязовский могильник; курганы 4(2), 9, 29). Эти погребения могли быть совершены в середине — второй половине II в. н. э. К сожалению, инвентарь большинства из них маловыразителен и не позволяет внести уточнения в их датировку. Лишь погребение кургана 29 Ново-Никольского могильника содержит меч и кинжал без металлического перекрестия и навершия. Такое оружие характерно для уже сформировавшейся позднесарматской культуры. Во вторую хронологическую группу входят погребения с зеркалами-подвесками (Ново-Никольский могильник: курганы 25, 37, 48(2)). А. С. Скрипкин определил время распространения таких зеркал в пределах второй половины II — середины III вв. н. э.⁵⁸ Таковую датировку подтверждает набор украшений из погребения 2

кургана 48 Ново-Никольского могильника, в состав которого кроме бус с внутренней позолотой и уплощенных янтарных пронизей входит стеклянная бусина-четырнадцатиграник типа 131, характерного для II—IV вв.⁵⁹ Видимо, самыми поздними являются погребения курганов 47 и 63 Вязовского могильника, содержащие пряжки с фигурным корпусом. Аналогии им известны в комплексах конца II — середины III вв. н. э.⁶⁰ Инвентарь остальных погребений позволяет датировать их в пределах II — середины III вв. н. э.

Вычисление времени функционирования Ново-Никольского (83 насыпи) и Вязовского (63 насыпи) могильников по методу Я. А. Шера показало, что они вряд ли могли использоваться более 80—100 лет. Поэтому мы датируем их первыми десятилетиями II — серединой III вв. н. э.

Рассмотрим вопрос о хронологии сооружения непогребального характера, обнаруженного В. П. Левенком в насыпи кургана 12. Его датирует сильно профилированная фибула западного типа варианта Г, распространенного во второй половине I — начале II вв. н. э.⁶¹ Это самая ранняя из фибул, найденных в верхнедонских могильниках. Поэтому возникновение указанного сооружения логично связать с началом функционирования Ново-Никольского могильника.

В заключение остановимся на вопросе о хронологическом соотношении погребений с труположением и сожжением. Нам представляется, что обряд сожжения был распространен лишь на раннем этапе функционирования верхнедонских могильников. На это указывает тот факт, что в сожжениях встречались только сильно профилированные фибулы первого варианта (курганы 7, 32, 53 Новоникольского могильника). О том, что это не случайное совпадение, свидетельствует и прочий их инвентарь. В сожжениях найдены только княжалы с прямым перекрестием, а в одном случае и с кольцевым навершием. Как указывалось, в двух погребениях с сожжением они сопровождалась наборами наконечников стрел, что характерно для среднесарматских погребений. В последующий период распространяется обычай класть в могилу один или несколько наконечников. Таким образом, в первой половине II в. в верхнедонских могильниках наблюдается сосуществование обрядов труположения и сожжения. В дальнейшем последний обряд постепенно изживает себя, и во второй половине II — первой половине III вв. в верхнедонских могильниках совершаются только труположения.

ПОСЕЛЕНИЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Вопрос о существовании в лесостепном Подонье поселений сарматского времени до недавних пор в литературе даже не ставился. Исследователи, занимавшиеся изучением памятников раннего железного века этого региона, выявили около трех десятков городищ и более 50 неукрепленных поселений¹. Однако все они датировались скифским временем. Верхняя хронологическая граница этих памятников не поднималась выше II в. до н. э.²

Ситуация изменилась лишь после открытия и исследования могильников сарматского времени. Последние надежно свидетельствовали о наличии на территории лесостепного Подонья населения, обитавшего на рубеже и в первые века нашей эры. Массовый, прежде всего керамический материал могильников позволил поставить поиск поселений этого времени на серьезную научную основу. Основной критерий их выделения — наличие в культурном слое круговой сероглиняной и лощеной керамики. Как было показано выше, она обычна в погребальных комплексах лесостепного Подонья I—III вв. н. э. В качестве хронологического индикатора использовались находки фрагментов краснолаковой посуды и амфор, а также отдельные металлические вещи, определенно датируемые первыми веками нашей эры. Учитывалось и стратиграфическое положение этих находок. Основная их масса встречена в верхней части культурного слоя раннего железного века, в дерне или на поверхности памятников. Исходя из этих критериев, нам удалось выявить в донской лесостепи 20 поселений сарматского времени. Среди них есть и давно известные городища, датированные ранее только скифским временем, и ряд новых памятников, открытых в последние годы в ходе целенаправленных разведок.

Городище Большое Сторожевое Острогожского района Воронежской области. Городище было сооружено в скифское время на мысу правого берега р. Дон³. Из верхней части его культурного слоя происходит значительная серия круго-

вой сероглиняной керамики, впервые выделенная А. И. Пузиковой⁴. Позднее фрагменты таких же сосудов были собраны на поверхности городища сотрудниками экспедиции Воронежского университета⁵. В результате коллекция сероглиняной керамики Большого Сторожевого городища выросла до 60 сосудов.

Опубликовавшая некоторые из этих находок А. И. Пузикова рассматривала их как составную часть культурного слоя скифского времени. В настоящее время назрела необходимость пересмотреть вопрос о происхождении этой керамической серии и ее датировке. Среди нее не менее 16 фрагментов принадлежит острореберным мискам нижнедонского типа (рис. 48, 1—2). Почти все они изготовлены из серой, хорошо промешанной глины и покрыты лощением. У большинства мисок бортик украшен двумя или тремя круговыми желобками. Кроме круговых на городище встречены фрагменты лепных лощеных мисок (рис. 48, 3). Небольшую серию составляют обломки сероглиняных лощеных кувшинов, иногда украшенных желобчатым орнаментом (рис. 48, 4). На поверхности городища найден лепной горшок (рис. 48, 5), обнаруживающий многочисленные аналогии среди сарматской керамики (см. рис. 5, 1—2). К интересующему нас времени также относится заготовка для пряслица из стенки сероглиняного сосуда (рис. 48, 6) и два сероглиняных пряслица: дисковидное (рис. 48, 8) и усеченно-коническое (рис. 48, 7).

На наш взгляд, приведенный материал не мог появиться на городище ранее рубежа нашей эры. Дело заключается в том, что сероглиняные круговые миски и кувшины, украшенные горизонтальными желобками, получают широкое распространение на Кубани, Нижнем Дону и в сарматском мире лишь в первые века нашей эры⁶. В то же время обращает на себя внимание отсутствие в культурном слое достоверных находок II и I вв. до н. э. Не исключено, что в это время городище не функционировало. Судя по имеющемуся материалу, жизнь на нем возобновляется лишь в начале нашей эры.

Поселение у хут. Титчиха Лискинского района Воронежской области. Изучалось экспедицией Воронежского университета под руководством А. Н. Москаленко⁷. Находится на высоком мысу правого берега р. Дон рядом с известным славянским городищем Титчиха. Поселение датировалось исследователями скифским временем. Но среди его матери-

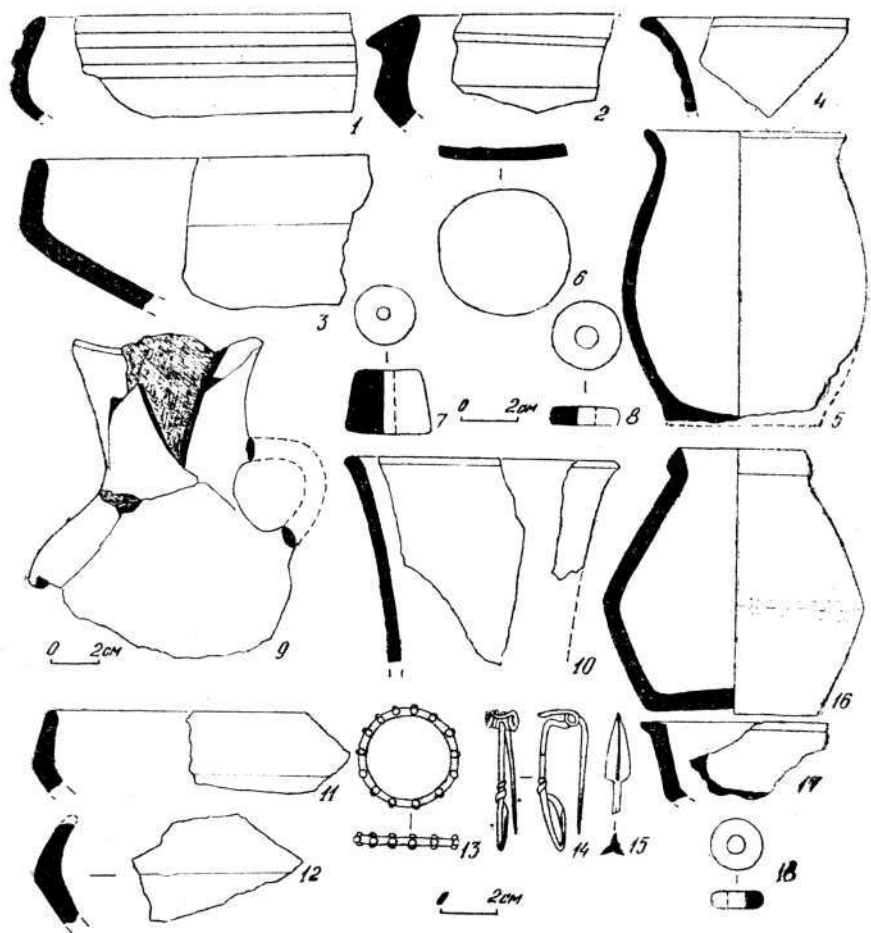

Рис. 48. Находки сарматского времени с поселений лесостепного Подонья: 1—8 — Большое Сторожевое; 9 — Круглое; 10 — Мосоловка; 11—12 — Ивницы; 13 — Чижовское 2; 14 — Шелаево; 15 — Титчиha, 16—18 — Сенное

лов имеется трехлопастной черешковый наконечник стрелы сарматского типа (рис. 48, 15) и фрагмент чернолощеной миски, бортик которой орнаментирован круговыми желобками. Отметим, что в пойме, на расстоянии не более 1 км от поселения расположен сарматский могильник «Бугрики».

Городище Круглое Алексеевского района Белгородской области. Изучалось Лесостепной скифской экспедицией ИА АН СССР под руководством П. Д. Либерова. Относится к скифскому времени. Однако в первом штыке раскопа обнаружена верхняя часть кувшина, имеющего округлое тулово и расширяющееся к устью горло (рис. 48, 9). По форме и характерному лощению кувшин близок сосудам сарматской эпохи, что было отмечено еще П. Д. Либеровым⁸.

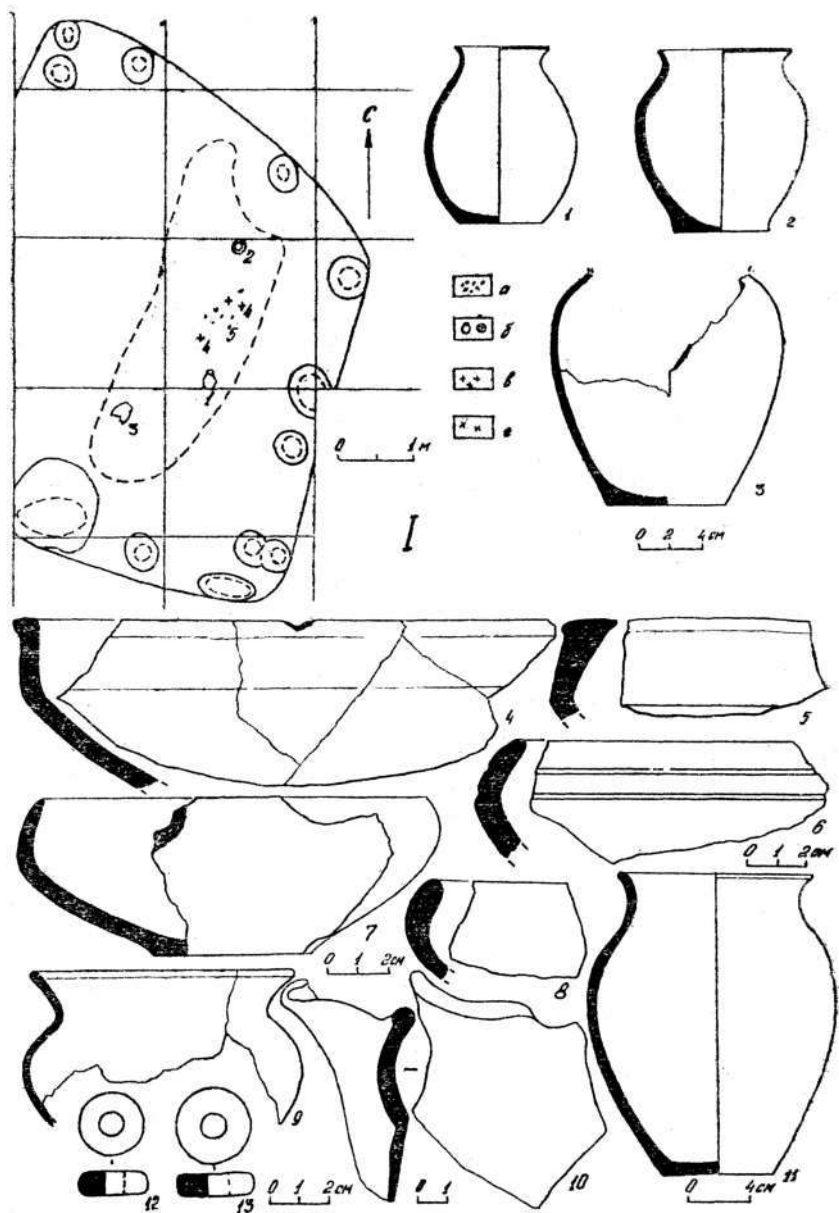
Поселение у с. Шелаево Валуйского района Белгородской области. Обследовано отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством А. Д. Пряхина⁹. Расположено в пойме р. Оскол на песчаной дюне. Среди собранной здесь керамики есть несколько фрагментов лепных сосудов раннего железного века, обломок железного ножа и бронзовая лучковая фибула начала нашей эры (рис. 48, 14).

Поселение у с. Мосоловка Аннинского района Воронежской области. Изучалось экспедицией Воронежского университета под руководством А. Д. Пряхина. Поселение находится на мысу левого берега р. Битюг и относится к срубной культуре. В верхнем слое изредка встречались фрагменты керамики раннего железного века¹⁰. Среди них имеется верхняя часть кругового сероглиняного кувшина (рис. 48, 10) и венчик острорезерной миски.

Поселение Чижовское 2 в черте г. Воронежа. Исследовалось отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством А. Д. Пряхина¹¹. Расположено на пологом мысу правого берега р. Воронеж. Основное поселение относится к эпохе бронзы. Однако из его культурного слоя происходит небольшая серия находок раннего железного века. Среди них имеется литое бронзовое кольцо, украшенное шариками, сгруппированными по три (рис. 48, 13). Подобные изделия известны в сарматских древностях первых веков нашей эры, в том числе — в погребениях Среднего Дона (см. рис. 3, 2).

Поселение III у с. Чертовицкое Рамонского района Воронежской области. Открыто отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством автора¹². Занимает оконечность мыса правого берега р. Воронеж, расположенного в 0,5 км к югу от I Чертовицкого могильника. В шурфах встречена лепная керамика раннего железного века, а также стенка круговой сероглиняной миски.

Городище Животинное Рамонского района Воронежской области (рис. 25 Б). Изучалось славянским отрядом экспе-

диции Воронежского университета под руководством А. З. Винникова. Оно было сооружено в скифское время и перестроено донскими славянами IX—XII вв.

В 1982 г. на городище было открыто жилище столбовой конструкции¹³. Оно имело четырехугольную форму (рис. 49, 1). Судя по раскопанной части, размеры постройки 2,5 × 3 м. Ее пол находился на уровне материка. На полу найдены фрагменты лепных сосудов и стенки светлоглиняной амфоры. По определению Д. Б. Шелова, ее следует датировать первыми веками нашей эры. Здесь же обнаружены три лепных горшка. Первый сосуд имеет яйцевидное, сужающееся кверху тулово и отогнутый наружу венчик (рис. 49, 1). Тесто бурого цвета с примесью шамота и песка. Горшок находит точное соответствие одному из типов сарматских сосудов (см. рис. 4, 1—2; 9, 4). Второй горшок имеет яйцевидное тулово, сужающееся книзу и отогнутый наружу венчик (рис. 49, 2). Тесто того же состава, что и у первого сосуда, поверхность подлощена. Этот сосуд также принадлежит одному из распространенных типов сарматской керамики. У третьего горшка, изготовленного из красной глины, верхняя часть не сохранилась, что затрудняет определение его типа (рис. 49, 3). Однако характерное яйцевидное тулово и отсутствие закраины у днища с большой долей вероятности позволяют отнести и этот сосуд к той же керамической серии, что и два первых.

Кроме жилища на городище обнаружены другие свидетельства обитания сарматского времени. В культурном слое найдено более 100 фрагментов круговой сероглиняной керамики. Среди нее преобладают миски как остроруберные (рис. 49, 4—5), так и с загнутым внутрь краем (рис. 49, 7—8), иногда с бортиком, украшенным круговыми желобками (рис. 49, 6). Встречаются обломки серолощенных горшков (рис. 49, 9) и кувшинов со сливом (рис. 49, 10). Значительной серией представлены лепные сосуды с яйцевидным туловом и плавно отогнутым наружу венчиком того же типа, что и сосуд 2 из постройки (рис. 49, 11). Из индивидуальных находок отметим красноглиняные (рис. 49, 12) и сероглиняные (рис. 49, 13) дисковидные пряслица, известные по погребениям I и II Чертовичских могильников (см. рис.

Рис. 49. Животняное городище: I — постройка: 1—3 — сосуды из постройки; 4—13 — находки из слоя; а — угли, б — сосуды, в — фрагменты амфор, г — фрагменты лепной керамики

23, 6; 26, 7). Все эти находки бесспорно свидетельствуют о функционировании городища в первые века нашей эры. Именно с населением этого времени логично связать II Чертовичский могильник и возникший на юго-восточной окраине городища грунтовый могильник.

Городище у с. Ивницы Рамонского района Воронежской области. Открыто автором, исследовалось отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством А. З. Винникова¹⁴. Находится на оконечности мыса правого берега р. Воронеж. Городище возникло в скифское время. Однако среди его керамики имеются фрагменты двух остро-реберных мисок (рис. 48, 11—12). Обе датируются сарматским временем.

Городище у с. Пекшево Рамонского района Воронежской области. Изучается отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством автора¹⁵. Расположено на мысу правого берега р. Воронеж. Городище возникло в начале железного века и просуществовало до первых веков нашей эры. Памятник трехслойный, имеет четкую стратиграфию. Для нас наибольший интерес представляет верхний слой (первый — второй штыки), отделенный от среднего мощной углистой прослойкой от сгоревших деревянных укреплений. В нем встречено более 100 фрагментов круговой сероглиняной керамики. Из них удалось почти полностью собрать две миски с загнутым внутрь краем. Первая из них небольшая, на кольцевом поддоне, имеет тщательно обработанную лощеную поверхность (рис. 50, 3). Вторая миска больших размеров, нелощеная, украшена по бортику круговыми желобками (рис. 50, 1). Кроме мисок найдены обломки сероглиняных (рис. 50, 4) и чернолощенных (рис. 50, 5) кувшинов нижнедонского и кубанского производства. Из этого же слоя происходит 81 фрагмент античной краснолаковой керамики, часть которой принадлежит миске на поддоне (рис. 50, 2). Встречены также обломки краснолаковых чашечек (рис. 50, 7). В коллекции лепной керамики кроме хорошо известных сосудов среднедонской культуры имеются фрагменты мисок (рис. 50, 9) и горшков (рис. 50, 10, 11), обнаруживающих точные аналоги в могильниках лесостепного Подонья начала нашей эры. Особо следует отметить находку ребристой курильницы сарматского типа (рис. 50, 8). О верхней хронологической границе памятника свидетельствует медная прямоугольная обойма от пряжки II—III вв. н. э. (рис. 50, 12).

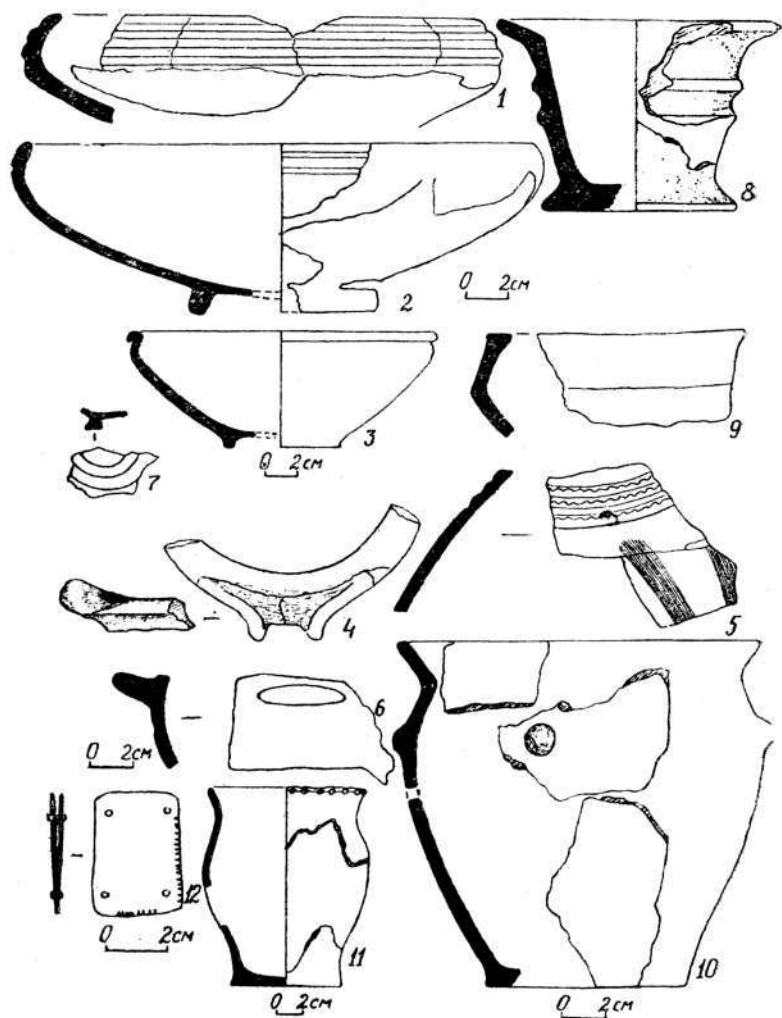

Рис. 50. Пекшевское городище: 1—12 — находки из слоя

Городище у с. Сенное Рамонского района Воронежской области. Изучалось отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством В. И. Беседина¹⁶. Находится на мысу правого берега р. Воронеж. Городище возникло в скифскую эпоху. Однако на нем встречены материалы более позднего времени. Это венчик круговой сероглиняной миски (рис. 48, 17) и небольшой лощеный горшочек с приземистым туловом биконической формы (рис. 48, 16). Последний имеет аналогии среди северокавказской керамики начала нашей эры¹⁷. К этому же времени, видимо, следует отнести дисковидные пряслица из красной и светлой глины (рис. 48, 18). Дату памятника позволяют уточнить немногочисленные фрагменты античной тары. По определению Д. Б. Шелова, среди них есть ручка и верхняя часть светлоглиняных амфор первых веков нашей эры.

Городище у с. Вертячье Хлевенского района Липецкой области. Открыто автором в 1979 г., изучалось Ю. Д. Разуваевым при нашем участии в 1988 г. На городище выявлен культурный слой, слабо насыщенный лепной керамикой более позднего облика, нежели среднедонская. При раскопках укреплений у внешнего края рва обнаружен трехлопастной черешковый наконечник стрелы из железа среднесарматского типа. Эта находка красноречиво свидетельствует о характере взаимоотношений сарматов и автохтонного лесостепного населения.

Поселение у с. Ново-Никольское Данковского района Липецкой области. Открыто Верхне-Донской экспедицией ЛО ИА АН СССР под руководством В. П. Левенка, изучалось автором в 1980 г.¹⁸ Расположено на пологом склоне мыса, образованном берегом реки и балкой, в 0,3 км к северо-западу от Ново-Никольского могильника. Культурный слой практически отсутствовал. В раскопе площадью 80 м² найдено всего лишь 20 фрагментов лепных горшков типа встреченных в погребениях могильника и два фрагмента круговой сероглиняной керамики. На поселении открыты две хозяйственные ямы. Одна из них содержала часть лепной чернолощенной миски с загнутым внутрь краем и обломки горшков, близких сосудам Ново-Никольского могильника. Кроме того, в 1962 г. В. П. Левенок зафиксировал в обрыве берега западину жилища¹⁹.

Серию поселений сарматского времени обнаружил Ю. Д. Разуваев на р. Красная Меча²⁰.

Поселение у с. Кадное Каменского района Тульской

области. Расположено в пойме р. Красивая Меча, на ее левом берегу. Площадь поселения 70×270 м, возвышается над уровнем реки на 4—6 м. Среди подъемного материала с этого памятника кроме лепной керамики имеется фрагмент чернолощеного сосуда, две сероглиняные стенки и два дна круговых красноглиняных мисок на кольцевом поддоне.

Поселение у с. Круглое Ефремовского района Тульской области. Находится в пойме р. Красивая Меча, на ее левом берегу. Его размеры 60×70 м, превышение над уровнем воды 4 м. Среди коллекций керамики имеются фрагменты чернолощенных тонкостенных сосудов.

Поселение I у пос. Красивый того же района. Расположено в пойме реки на ее правом берегу. Его размеры 30×80 м, высота над уровнем воды 5—6 м. Среди находок с этого памятника есть фрагмент чернолощеного сосуда.

Поселение II у пос. Красивый того же района. Находится в пойме реки напротив поселения I. Размеры поселения 40×120 м, высота над уровнем воды 8—9 м. Среди подъемного материала кроме лепной керамики есть три фрагмента сероглиняных сосудов и обломок оселка.

Поселение у д. Красногорье того же района. Находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Красивая Меча у ее излучины. Площадь поселения 90×200 м, превышает уровень воды на 4—12 м. Культурный слой — чернозем, слабо насыщенный лепной керамикой раннего железного века. Среди нее есть фрагменты чернолощеного сосуда первых веков нашей эры.

Поселение у д. Лубянка того же района. Расположено на правом берегу реки в пойме. Его площадь 25×80 м, превышает уровень воды на 4—5 м. На поверхности изредка встречаются фрагменты лепных сосудов раннего железного века. Кроме них найден венчик кругового сероглиняного кувшина.

Поселение 2 у с. Шилово того же района. Находится на правом берегу реки в пойме. Его площадь 20×190 м, высота над уровнем воды 2—3 м. Вдоль кромки берега собрана лепная керамика с ногтевыми насечками по венчику. Здесь же найден фрагмент кругового сероглиняного сосуда, поверхность которого покрыта лощением.

Поселение у д. Круглое того же района. Расположено на первой надпойменной террасе, в 5—6 м над водой. Его площадь 30×80 м. На поверхности собраны обломки лепной керамики раннего железного века. Кроме них есть два

фрагмента чернолощенных сосудов, по составу теста и обработке поверхности близких керамике первых веков нашей эры.

Поселение у д. Ишутино того же района. Расположено в пойме р. Красивая Меча, в 4—5 м над водой. Его площадь 60×300 м. Большинство находок относится к древнерусскому времени. Однако среди подъемного материала имеются фрагменты лепных сосудов раннего железного века с косыми насечками по венчику, а также железные удила с дополнительными кольцами, имеющие точные аналогии в инвентаре верхнедонских могильников II—III вв. н. э.

Таковы пока еще очень немногочисленные следы поселений сарматского времени в лесостепном Подонье. Следует еще раз указать, что они выявлены лишь по наличию сероглиняной и лощеной керамики, а также по отдельным находкам вещей сарматского типа. По-видимому, перечисленными выше памятниками они не ограничиваются. Выделение их по наиболее массовому материалу — лепной керамике — не производилось в силу того, что ее изучение находится на начальной стадии. Однако вряд ли даже при учете последней здесь будут найдены поселения этого времени с выраженным культурным слоем. Проведенное в последнее время сплошное обследование территории лесостепного Подонья убеждает нас в отсутствии таковых.

По топографии, насыщенности слоя и материалу намечается выделение двух групп поселений. К первой следует отнести поселения Мосоловское, Шелаевское, Чижовское 2, а также по р. Красивая Меча. По топографии (расположение непосредственно у воды) и находкам (единичные обломки керамики и кости животных) они обнаруживают типологическую близость сезонным стоябищам кочевников²¹. В этом отношении особенно показательна серия стоянок на р. Красивая Меча, пойма которой полностью обследована сплошными разведками автора и Ю. Д. Разуваева. Керамика этих поселений как по составу теста, так и по обработке поверхности тождественна лощеным сосудам Вязовского могильника. Скорее всего, стоянки по р. Красивая Меча оставлены тем же населением, что и указанный памятник. В таком случае путем их картографирования можно наметить ареал кочевания скотоводов, обитавших по берегам этой реки. Судя по всему, он был небольшим. Если за его исходный пункт принять Вязовский могильник, то вверх по реке маршрут кочевания составлял около 100 км, а вниз — не

более 20 км. К сожалению, несмотря на целенаправленное обследование ближайших окрестностей этого могильника, рядом с ним не удалось обнаружить каких-либо следов основного поселения. Расположенное напротив поселение у д. Вязово содержало незначительное количество маловыразительной лепной керамики, что не позволяет с полной уверенностью связать его с Вязовским могильником. Зато такое поселение найдено по соседству с Ново-Никольским могильником. Наличие на последнем западины жилища и хозяйственных ям с обломками сосудов, идентичных керамике могильника, позволяет видеть в нем поселение типа зимника.

Вторая группа включает поселения на высоких мысах, где в предшествующее скифское время находились городища среднедонской культуры. Уже сейчас имеются данные, свидетельствующие о более долговременном характере если не всех, то некоторых из этих поселений. На наш взгляд, имеющийся материал позволяет рассматривать их как поселения преимущественно автохтонного лесостепного населения — потомков среднедонских племен. На это прежде всего указывает керамический комплекс верхнего слоя воронежских городищ, в котором абсолютно преобладает лепная керамика, обнаруживающая генетическую связь с посудой среднедонской культуры. В то же время еще раз отметим, что вместе с ней встречается керамика первых веков нашей эры как сероглиняная, являющаяся важным хронологическим репером, так, что особенно важно, и лепная сарматская. Находки сарматских сосудов на лесостепных городищах указывают на прямые контакты сарматов и местного населения, а возможно, и на периодическое пребывание каких-то сарматских групп на этих поселениях. Они вполне могли использоваться последними в качестве зимников, что находит подтверждение в находках сарматской керамики, в том числе ритуальной, на Пекшевском городище, в наличии стационарного жилища с сосудами сарматского типа на Животинном городище. О том, что в окрестностях последнего находился сарматский зимник, свидетельствуют сопутствующие ему курганный и грунтовый могильники, так как известно, что зимники скотоводов располагались поблизости от их родовых кладбищ²². Скорее всего, такому соседству пришлого и автохтонного населения мог предшествовать насильственный захват кочевниками лесостепных городищ, на что как будто бы указывают следы мощного пожара,

уничтожившего наиболее поздние укрепления Пекшевского городища. Интересно, что после этого жизнь на нем возобновилась, причем на старой этнокультурной основе. И в первые века нашей эры здесь проживало главным образом автохтонное лесостепное население. Однако с этого времени на городище появлялись и сарматы, на что указывают приведенные выше материалы.

На наш взгляд, именно на поселениях этого типа происходил этнокультурный контакт пришлых сарматов и автохтонного лесостепного населения. Причем в этом качестве некоторые из лесостепных городищ функционировали длительное время. Об этом свидетельствуют материалы Животинного городища, содержащие сероглиняную керамику I—IV вв. н. э.

Таким образом, имеющиеся данные о поселениях первых веков нашей эры указывают на их существенное отличие от городищ среднедонской культуры скифского времени, для которых характерен мощный и насыщенный материалом слой. Причину этого мы видим в более подвижном образе жизни части лесостепного населения — сарматов, а также в значительном сокращении численности автохтонного оседлого населения по сравнению со скифским временем.

САРМАТЫ И АВТОХТОННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДОНЬЯ

II в. до н. э. — IV в. н. э.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет наметить, хотя бы в самых общих чертах, ведущие тенденции исторического процесса в лесостепном Подонье на рубеже и в первые века нашей эры. Представляется, что основным его содержанием было сложное взаимодействие двух разнотипных и разнокультурных массивов населения. Проведенное в предшествующих главах исследование выявило характерные черты локальных групп памятников донской лесостепи. Сейчас уместно попытаться определить их этническую принадлежность и динамику взаимодействия.

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о соотношении культур населения донской лесостепи в скифское и сарматское время. Наиболее ранние памятники сарматского типа появляются в лесостепном Подонье во II в. до н. э. С самого начала по своему облику они разительно отличаются от памятников среднедонской культуры скифского времени. Если первые представлены только впускными погребениями, «кладами» и случайными находками, то вторые — городищами и курганными могильниками, насчитывающими десятки насыпей. Еще более заметным было этнокультурное различие тех и других. Памятники Среднего Дона IV—III вв. до н. э. имели выраженный «скифский» облик и непосредственно тяготели к этнокультурной общности лесостепной Скифии¹. Присутствие же в вещевом комплексе памятников II в. до н. э. мечей с серповидным навершием, сосудов с характерным прохоровским орнаментом, а также зеркала с валиком по краю диска надежно свидетельствует о том, что последние оставлены ранними сарматами. Да и по своему характеру они очень близки наиболее ранним сарматским памятникам северопричерноморских степей III—II вв. до н. э. И те и другие представлены единичными впускными погребениями и «кладами», как правило, содержащими остатки богатой конской упряжи². Такой интерпретации рассматриваемых памятников не противоречит и ориентировка

погребенных головой в северную половину круга, отмеченная в ряде раннесарматских погребений степного междуречья Дона и Днепра³.

Малочисленность и специфический характер раннесарматских памятников лесостепного Подонья (еще раз подчеркнем, что это впускные захоронения, «клады» и случайные находки) свидетельствуют не столько о постоянном пребывании, сколько о проникновении сарматов в донскую лесостепь. Подобные памятники характерны для той стадии развития кочевников, когда они вступают на путь завоевания и освоения новых земель⁴. Видимо, и в данном случае мы имеем дело с начавшейся на рубеже III—II вв. до н. э. миграцией сарматов в лесостепное Подонье (рис. 51а). Здесь возможен упрек автору в том, что это заключение основывается на незначительном количестве материала. Однако и сарматское вторжение в Скифию, в реальности и масштабах которого сейчас почти никто не сомневается, археологически засвидетельствовано не более чем 40 погребениями, разбросанными по территории, во много крат превышающей лесостепное Подонье⁵.

Прямым следствием сарматских вторжений было прекращение жизни на городищах и поселениях среднедонской культуры. По заключению П. Д. Либерова, их верхние слои не могут быть датированы позже II в. до н. э.⁶ То же самое следует сказать и о ее погребениях, среди которых неизвестно ни одного после III в. до н. э.⁷ Бесспорных свидетельств сарматских разрушений на среднедонских городищах пока не обнаружено. Однако сам факт появления здесь первых сарматских захоронений в то же самое время, когда прекращают функционировать городища, позволяет рассматривать оба эти события как причину и следствие. Повидимому, какая-то часть среднедонского автохтонного населения была уничтожена сарматами, а другая вытеснена за пределы Среднего Дона. Во всяком случае, на среднедонских поселениях отсутствуют следы жизнедеятельности II—I вв. до н. э. Однако в это время сарматы вглубь лесостепи еще не проникали. Все известные к настоящему времени раннесарматские памятники локализируются в южных пограничных районах лесостепи.

Проникновение сарматов в донскую лесостепь на первых порах не сопровождалось сколько-нибудь археологически ощутимыми этнокультурными контактами с местным населением. Скорее всего они носили военный характер и имели

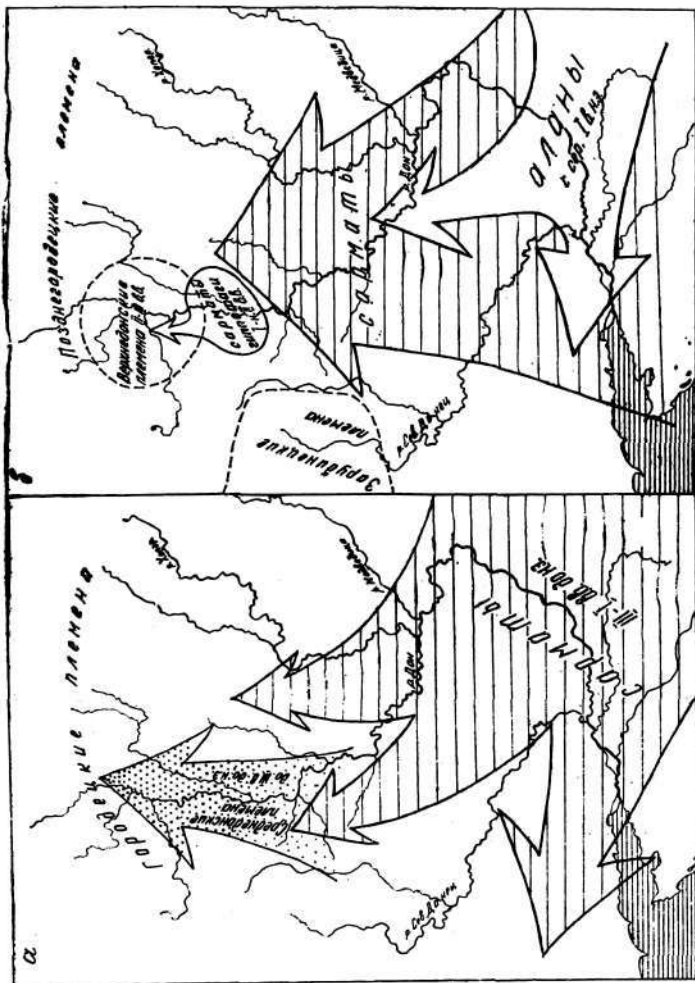

Рис. 51. Этнокультурные ситуации в Подолье II в. до н. э. — IV в. н. э.: а — II — I вв. до н. э., б — I — IV вв. н. э.

негативные последствия для последнего. Новое население принесло на Средний Дон свою культуру, сложившуюся далеко за пределами этой территории.

По-видимому, вплоть до рубежа нашей эры сарматское население донской лесостепи было малочисленным и нестабильным. Картина резко меняется с начала нашей эры. Появление здесь больших могильников, а также, что особенно важно, поселений свидетельствует о качественно новом этапе освоения сарматами лесостепного Подонья. Причем, вряд ли это население было прямыми потомками тех первых сарматских групп, вторгавшихся в донскую лесостепь со II в. до н. э. На наш взгляд, характер его культуры позволяет говорить о новой сарматской волне, вызванной изменением этнополитической ситуации в донских степях в начале нашей эры в результате появления нового кочевнического образования во главе с аланами. На этот раз она докатилась до центральных районов лесостепного Подонья. Вскоре сарматами была освоена большая его часть, вплоть до низовий р. Воронеж (рис. 516). Его культуру характеризуют следующие черты.

1. Курганный обряд захоронения. В Восточной Европе рубежа нашей эры он известен лишь у сарматов, строго сохранявших традиции степной культуры. В могильниках лесостепного Подонья каждое погребение отмечалось небольшой насыпью. Обычай совершать погребение под индивидуальной насыпью характерен для сарматов, начиная с сусловской эпохи⁸.

2. Основной и по сути дела единственный тип погребальных сооружений — прямоугольно-удлиненная яма. Этот тип получил широкое распространение у сарматов суловского времени. Однако у них он не являлся единственным, а сосуществовал с подквадратной ямой, ямой с заплечиками, подбоем⁹. Некоторые из перечисленных типов известны в лесостепном Подонье, но лишь как исключение и только в районах, непосредственно граничащих со степью.

3. Способ захоронения — труположение. Большинство погребений совершалось без внутримогильных сооружений. Лишь два захоронения I Чертовицкого могильника сохранили остатки деревянных гробов или гробовищ. Погребения в гробах получают некоторое распространение в сарматском мире, начиная с прохоровской культуры¹⁰.

4. Наиболее характерная поза погребенных — на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и прямыми нога-

ми. Однако известны захоронения, где кисть правой руки лежит на тазовых костях. В ряде случаев ноги умерших скрещены, реже имели положение, напоминающее ромб, еще реже так называемую «танцующую» позу. Основная поза погребенных в могильниках лесостепного Подонья и описанные выше отклонения от нее находятся в полном соответствии с традициями сарматской погребальной обрядности¹¹.

5. Применение мела и его заменителей для очищения погребального сооружения. Это также одна из отличительных черт сарматского погребального обряда¹².

6. Использование курильниц сусловских типов, причем в обычном для сарматов этого времени сочетании малой и большой. К. Ф. Смирнов вполне обоснованно писал о том, что ареал распространения курильниц надежно очерчивает границы территории, занятой сарматами¹³.

7. Зеркала в погребениях. С погребенными клали поврежденные экземпляры, иногда со следами намеренной порчи. Широкое их употребление в погребальном ритуале составляет одну из специфических черт сарматского этноса¹⁴.

8. Знаки на предметах. На территории лесостепного Подонья известны две находки предметов, отмеченных знаками. Знак на серебряном блюде из Давыдовского клада нанесен во время изготовления сосуда и поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве этнического признака его владельца¹⁵. Иное дело знаки на галатовом изделии из погребения кургана 6/11 I Чертовицкого могильника (рис. 12, 2). Они процарапаны на его поверхности после изготовления. Их принадлежность к так называемым сарматским знакам сомнений не вызывает¹⁶. На наш взгляд, эта находка убедительно свидетельствует о том, что не только по погребальному обряду, но и по своему мировоззрению население центральных районов донской лесостепи было близко сарматам.

9. Погребальный инвентарь имеет сарматский облик. Налицо полное соответствие сарматским стандартам не только всех типов оружия, но и их сочетание в погребениях. То же самое следует сказать и об орудиях труда, деталях костюма, предметах туалета и украшениях. Более сложным по своему составу является керамический комплекс, включающий как круговую (51%), так и лепную (49%) посуду. Среди круговой керамики преобладают сероглиняные миски и кувшины, имеющие точные соответствия в инвентаре

сарматских захоронений волго-донских степей. Однако по своему происхождению эта посуда несарматская. И в культуре сарматов, и в культуре лесостепного населения она представляет керамический импорт. Практически полное совпадение основных типов круговой посуды у сарматов и населения лесостепного Подонья I — начала II вв. н. э. свидетельствует не только о том, что и те и другие пользовались продукцией одних и тех же керамических центров, но и об определенной близости их потребностей и вкусов.

Для выяснения этнического состава лесостепного населения I — начала II вв. н. э. важные результаты дает изучение лепной керамики. В ней выделяется группа сосудов сарматского происхождения. Это горшки II и III типов, курительницы I—III типов. В то же время в Чертовицких могильниках наряду с сарматскими встречаются сосуды, обнаруживающие генетическую связь с керамикой среднедонской культуры скифского времени: горшки I типа, миски I типа. Казалось бы, что эти находки могут свидетельствовать о присутствии среди сарматов, оставивших названные могильники, представителей автохтонного населения. Однако следует обратить внимание на то, что погребения, содержащие местную керамику, совершены по сарматскому ритуалу и сопровождаются характерным для сарматов инвентарем, в том числе курительницами сусловского типа. Специфических признаков обряда местного населения здесь не отмечено. Эта посуда могла попасть к сарматам в результате торговых и культурных контактов с автохтонным населением. Такое ее происхождение представляется наиболее вероятным, так как кочевники легко заимствуют керамику у своих оседлых соседей¹⁷. Как бы то ни было, наличие в Чертовицких погребениях местных типов керамики указывает на существование в этом районе сарматов и потомков носителей среднедонской культуры. На наш взгляд, I и II Чертовицких могильники отражают начальную стадию контактов между пришлым и автохтонным населением донской лесостепи.

Наличием керамики местного происхождения не исчерпывается своеобразие культуры населения, оставившего Чертовицкие могильники. В ней выявляются некоторые весьма существенные отклонения от среднесарматских норм, не находящие в то же время убедительного объяснения и в местной культурной традиции. Наиболее отчетливо они проявляются в погребальной обрядности.

Отличие наблюдается уже в топографии и планировке могильников. Для изучаемого региона нетипичны сарматские кладбища, входящие в курганные группы предшествующего времени. Последние встречаются лишь в южных, непосредственно граничащих со степью районах. В глубине лесостепи сарматы явно предпочитают устраивать свои некрополи на новом месте, обычно на высоких мысах. Их особенностью является высокая концентрация насыпей на сравнительно ограниченной площади. Для степных сарматских могильников подобная скученность нехарактерна. Там насыпи расположены на значительном расстоянии друг от друга, образуют длинные цепочки, а иногда и целые курганные поля, тянувшиеся на 2—3 км¹⁸. Большая компактность сарматских могильников лесостепного Подонья может рассматриваться как одно из свидетельств более оседлого образа жизни его обитателей.

В этом плане исключительный интерес представляет утрата какой-то частью лесостепных сарматов курганного обряда захоронения, о чем прежде всего свидетельствует наличие грунтовых погребений в I Чертовицком могильнике. Сравнительный археологический материал показывает, что смешанные могильники, содержащие наряду с курганными и грунтовые погребения, свойственны оседающим на землю кочевникам¹⁹. Более того, у отдельных групп сарматов лесостепи дело доходит до полной утраты курганного обряда захоронения, на что прямо указывают материалы Животинного могильника. На наш взгляд, все это вполне может рассматриваться как свидетельство процесса седентеризации сарматов лесостепного Подонья. Ему благоприятствовали природные условия региона. Однако, судя по имеющимся данным, указанный процесс охватил лишь незначительную часть сарматского населения, к тому же вряд ли он завершился, так как никаких следов наличия земледелия, обязательного для прочной оседлости, здесь не отмечено.

Во II Чертовицком могильнике выделяется группа курганов с длинными насыпями, пока не находящими аналогий ни в сарматском мире, ни в культуре лесостепных племен предшествующего времени. Во всем остальном они не отличаются от обычных среднесарматских погребений. Однако рассматриваемый памятник имеет еще одну любопытную особенность. Почти все длинные курганы (8 из 10) оказались ограбленными. Складывается впечатление, что грабители знали об обычае населения, насыпавшего эти курганы,

совершать захоронения под южной полкой насыпи. Они закладывали шурф не как обычно на вершине кургана, а точно над погребением. На наш взгляд, ими могли быть лишь современники лиц, похороненных в длинных курганах. Вряд ли это были люди, хоронившие своих умерших на том же могильнике, но под обычными круглыми насыпями — многие из них тоже ограблены. В таком случае единственным претендентом на роль грабителей могил II Чертовицкого могильника оказывается население, оставившее I Чертовицкий могильник. Это заключение как будто подтверждается и хронологическим соотношением этих памятников. Судя по находкам фибул, II Чертовицкий могильник в целом функционировал несколько раньше I. Если наше толкование археологического материала верно, то этот факт нельзя объяснить иначе, как проявлением открытой вражды между отдельными сарматскими группировками, проникавшими в донскую лесостепь. При этом целью ограбления была не просто добыча погребенных в земле богатств, а скорее всего демонстративное осквернение могил предков враждебного племени, являющихся покровителями данной территории. О существовании подобного обычая у ранних кочевников свидетельствуют как письменные²⁰, так и археологические²¹ источники. Этот факт может рассматриваться как свидетельство неоднородности племенного состава сарматского населения, осваивавшего лесостепное Подонье в начале нашей эры.

Для погребенных в целом характерна ориентировка головой в южную половину круга, что находится в соответствии с нормами среднесарматской погребальной обрядности. Однако в I Чертовицком могильнике доминирует юго-восточная ориентировка. В настоящее время ее можно рассматривать как признак некоторого обособления населения, оставившего этот памятник, от основной массы сарматских племен. Возможно, это отклонение является сезонным (летним). В таком случае оно может свидетельствовать о том, что это население вело скотоводческое хозяйство с ограниченным радиусом кочевания. Последний позволял хоронить умерших даже летом на основном кладбище.

Этнокультурное своеобразие сарматов лесостепного Подонья наиболее ярко выявляется по таким показателям, как состав и характер ритуальной мясной пищи. В различных частях сарматского мира наиболее распространенной была напутственная пища в виде мяса барана²². В частности, в

погребениях среднесарматской культуры первое место всегда занимают находки костей овцы и барана, затем лошади и последнее — крупного рогатого скота²³. Хотя для территории лесостепного Подонья мы располагаем небольшой серией остеологического материала, тем не менее здесь уже намечается иная картина. В I Чертовицком могильнике кости животных обнаружены в 11 курганах. Из них в 9 случаях встречены кости лошади (шесть в насыпи, три в погребениях), в одном — лошади или коровы и еще в одном — барана. В трех курганах Писаревского могильника найдены только остатки лошадей. Причем, если сарматы-кочевники чаще всего использовали в качестве жертвенной пищи лопатку барана в естественном сочленении с костями ног, то их лесостепные соплеменники предпочитали оставлять в тризнах и погребениях черепа лошадей. Традиционная для сарматов заупокойная пища встречена лишь в одном погребении. Таким образом, между сарматами-степняками и населением центральных районов лесостепного Подонья наблюдается различие в составе ритуальной пищи. На наш взгляд, именно оно дает ключ к решению вопроса о его племенной принадлежности.

Еще В. О. Виттом была высказана мысль, что ритуальным животным становится в первую очередь то, которое играет определяющую роль в экономике²⁴. Плодотворное развитие она получила в работах К. Ф. Смирнова и других советских исследователей²⁵. Вслед за ними мы полагаем, что на основании остатков заупокойной пищи можно получить представление о составе сарматского стада, хотя и нельзя установить точного процентного соотношения того или иного вида²⁶. Сейчас слишком рано делать окончательное заключение о составе стада у населения лесостепного Подонья. Но имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о явном преобладании в нем лошади. Место крупного рогатого скота в настоящее время определить трудно. Однако почти полное отсутствие костей овцы скорее всего связано с тем, что это животное не играло определяющей роли в хозяйстве лесостепных сарматов.

В свете приведенных материалов напрашивается мысль о сложении в лесостепи особой модели скотоводческого хозяйства, отличной от той, которая была свойственна степным сарматам. На формирование ее решающим образом повлияли природно-климатические условия этой ландшафтной зоны и, прежде всего, такие факторы, как растительный

и снежный покров. Известно, что тип кочевого скотоводческого хозяйства обусловлен составом стада, который в свою очередь непосредственно зависит от естественной кормовой базы — растительного покрова²⁷. До недавнего прошлого большую часть лесостепного Подонья занимали разнотравные степи²⁸. Как свидетельствует весь накопленный к настоящему времени этнографический и историко-археологический материал, скотоводы, получавшие в наделы ковыльно-разнотравные участки, занимались преимущественно разведением лошадей, мелкотравчатые степи использовались для выпаса овец, а сухие степи — для верблюдов²⁹. Если исходить из этой зависимости, то становится понятно, почему в стаде лесостепных сарматов преобладали лошади.

Однако одного благоприятного фактора для столь качественного изменения в видовом составе стада, видимо, было мало. Сарматы, как и всякие кочевники, крепко держались за свои традиции, в особенности за привычный состав стада. Нарушить их мог, по-видимому, только сильный неблагоприятный фактор для традиционного кочевого хозяйства. В лесостепном Подонье им мог быть более высокий, чем в степи, снежный покров. Здесь его высота к концу зимы достигала 20—30 см, тогда как, например, в степях Северного Причерноморья менее 10 см³⁰. Поэтому в донской лесостепи скотоводство было возможно лишь при наличии в стаде большого количества лошадей. Лошадь — единственное тебенюющее домашнее животное средней и южной полосы Евразии. Она способна добывать корм зимой, разрывая его из-под снега. В. И. Цалкин установил, что высокий процент лошадей на поселениях и городищах раннего железного века лесостепной и лесной зоны Восточной Европы определялся большей приспособляемостью ее добывать себе корм в более суровых климатических условиях с большим снежным покровом³¹. Именно этим он объяснял выраженный «конеvodческий» облик хозяйства лесных и лесостепных племен, у которых лошадь составляла 20—30% поголовья стада. О том, что в лесостепном Подонье лошадь круглый год может находиться на подножном корму, свидетельствует факт обитания здесь вплоть до середины XVIII в. диких лошадей — тарпанов. По сообщению академика Гмелина, они встречались тогда даже в окрестностях Воронежа³².

Таким образом, экологические условия лесостепного Подонья способствовали сложению у перекочевавших сюда сарматов новой конеvodческой модели скотоводческого хо-

зяйства. Это были сарматы-коневоды, основу благосостояния которых составляло разведение лошадей. Скорее всего их хозяйство было полуседлым с ограниченным радиусом кочевания. Длительные перекочевки на большие расстояния здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы лесостепи в два — три раза превышает таковую в злаковой зоне степи³³. О большей степени оседлости лесостепных сарматов свидетельствуют следы их поселений. Напомним, что на одном из них открыто стационарное наземное жилище.

Здесь не случайно так много внимания было уделено анализу данных о хозяйстве лесостепных сарматов. По нашему мнению, именно в связи с описанными выше хозяйственными особенностями следует решать вопрос об их племенной принадлежности. Осознавая всю сложность и ответственность отождествления конкретного варианта сарматской культуры с тем или иным племенным образованием Сарматии, известным из письменных источников, мы все-таки считаем возможным начать уже сейчас поиск того этнонима, за которым скрывается интересующее нас население.

Необходимые данные по этногеографии интересующего нас региона содержит «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Лишь у него мы находим сообщение о стране, включающей в себя территорию лесостепного Подонья. Сразу же может возникнуть возражение против использования сведений Птолемея для интерпретации сарматских памятников сусловской эпохи на том основании, что он писал свой труд гораздо позже — в 60—70 гг. II в. н. э.³⁴ Однако если учесть, что при работе над ним Птолемей пользовался преимущественно фактическим материалом из сочинения Марина Тирского, то это возражение теряет силу. Установлено, что сочинение последнего отражало этногеографическую ситуацию начала II в. н. э.³⁵ В силу этого обстоятельства и карта Птолемея, построенная на фактических данных Марина Тирского, должна отражать реалии не 60—70-х гг. II в., а самого его начала. Во всяком случае на ней практически отсутствуют сведения, датированные позже 114 года, когда скорее всего и был завершен труд, послуживший источником для «Географического руководства»³⁶.

Еще в прошлом веке была установлена сложность и противоречивость сведений Птолемея о Сарматии³⁷. Зачастую на его карте соседствовали современные ему народы и народы, давно сошедшие с исторической арены. Кроме того,

у него иногда встречаются одни и те же (или слегка искаженные) этнонимы, помещенные в разных частях Сарматии. Все это создает большие трудности при использовании «Географического руководства» как исторического источника и порождает скептическое отношение к нему исследователей. Однако еще Ф. Брауном было показано, что Птолемей может внести существенные поправки и дополнения в наши этногеографические знания о Сарматии и прилегающих областях³⁸. Новые возможности в интерпретации его сведений открывает археология³⁹.

Как известно, Клавдий Птолемей разделил территорию Восточной Европы на две части: Европейскую и Азиатскую Сарматии. В полном соответствии с античной традицией границей между ними он положил Танаис⁴⁰. Если сопоставить карту Птолемея с картой лесостепного Подонья, то его правобережье оказывается в Европейской, а левобережье — в Азиатской Сарматии. Однако если учесть, что интересующие нас сарматские памятники I — начала II вв. н. э., обладающие выраженными локальными особенностями, находятся в левобережье, то соответствующий им этноним следует искать в пределах Азиатской Сарматии, включающей в себя все Волго-Донское междуречье и полосу земель в Заволжье.

Этногеографическое описание Азиатской Сарматии сводится к перечислению населяющих ее племен, начиная от крайних северных пределов и кончая областью, прилегающей к Кавказу. Здесь Птолемей упоминает 13 этнонимов. Нам будут интересовать только те, которые локализируются в северной части Азиатской Сарматии, выше сближения Танаиса (Дона) и Ра (Волги). Птолемей называет их в следующей последовательности: «Сарматию занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи, ниже их — сарматы царские, народ модоки и сарматы-конееды, а еще ниже их — закаты, свардены и асен, затем вдоль северного поворота реки Танаиса — многочисленный народ перьербиды...» (V, 3, 16). По своему местонахождению нам явно не подходят племена, обитающие на крайнем севере Азиатской Сарматии (сарматы-гипербореи), и народ перьербиды, который следует локализовать где-то в степной части Среднего Дона. Обратим внимание лишь на один этноним — сарматы-гиппофаги. Он встречается только у Птолемея. С наибольшей долей вероятности сарматы-гиппофаги локализируются в центральной части лесостепной зоны. Впер-

вые в этих пределах их поместил А. Д. Удальцов⁴¹, использовавший реконструкцию карты Сарматии Птолемея, произведенную Ю. Кулаковским⁴². Правда, на его карте они занимают территорию между Хопром и Медведицей. Ту же локализацию мы находим на карте во II томе «Всемирной истории»⁴³. Однако теперь, после открытия сарматских памятников на территории лесостепного Подонья, становится возможным отождествление оставившего их населения с названным племенем. Главный аргумент мы видим в его этнониме — гиппофаги (конееды). Он как нельзя лучше подходит к сарматам лесостепного Подонья, у которых обнаруживается наличие специфического коневодческого хозяйства. Скорее всего, это не самоназвание, а иноназвание⁴⁴. Его могли дать лесостепным коневодам их южные соседи, полностью не отделявшие себя от откочевавших в донскую лесостепь сородичей — и те и другие были сарматами. Однако степняки не могли не заметить важной особенности их северных соседей, проявляющейся в составе стада, а значит и в пище. По наблюдениям этнографов, образование этнонимов по хозяйственным особенностям как раз характерно для этносов со специализированным хозяйственно-культурным типом⁴⁵. Заметим, что такой способ образования этнонимов-иноназваний был широко распространен в древности (лотофаги, галактофаги, ихтиофаги и т. п.). В передаче Птолемея этноним «сарматы-гиппофаги» скорее всего являлся греческой калькой с ираноязычного названия, переданного его информаторам сарматами.

Однако говоря об этнокультурной ситуации в бассейне р. Воронеж начала нашей эры, мы не должны забывать о том, что здесь наряду с сарматами-гиппофагами обитали группы местного лесостепного населения. К северу от территории, отмеченной сарматскими могильниками, располагались городища, верхние слои которых относятся к первым векам нашей эры. В предшествующей главе мы показали, что основными их насельниками являлись потомки племен среднедонской культуры. Скорее всего местным населением был оставлен и Писаревский могильник. По некоторым чертам погребального обряда и характеру инвентаря последний отличается от расположенных ниже Чертовицких могильников и обнаруживает близость к верхнедонским погребальным памятникам. Отметим, что в настоящее время изучение могильников и поселений бассейна р. Воронеж находится

на начальной стадии. Дальнейшее их исследование, возможно, позволит выявить значительно больший удельный вес местного этнокультурного компонента в истории этого региона начала нашей эры. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет думать, что в это время доминирующей силой в центральных районах лесостепи были сарматы. Автохтонное население как-то зависело от них, что отразилось в присутствии последних на ряде воронежских городищ. В сложившейся исторической ситуации оно скорее всего занимало подчиненное положение.

Культура населения лесостепного Подонья позднесарматской эпохи представляет явление морфологически еще более сложное, нежели культуры предшествующего времени. Во II—III вв. наблюдается резкое различие между памятниками южных, пограничных со степью районов и верхнедонскими могильниками. Первые представлены преимущественно впускными погребениями с северной ориентировкой. Они не имеют существенных отличий от степных позднесарматских захоронений и по составу сопровождающего инвентаря. Поэтому вполне правомерно связать их с собственно сарматами. Однако ряд позднесарматских черт наблюдается и в таких удаленных от степного мира памятниках, как Ново-Никольский и Вязовский могильники. Причем нужно отметить, что они проявляются преимущественно в вещевом комплексе и слабее ощущаются в погребальном обряде.

Позднесарматский облик имеет вооружение верхнедонского населения. В целом ряде захоронений Ново-Никольского и Вязовского могильников прослежено сочетание длинного позднесарматского меча с кинжалом того же типа. Судя по наконечникам, на вооружении верхнедонского населения находились лук и стрелы сарматского образца. По сравнению с предшествующим временем число наконечников стрел в погребении сокращается до одного или нескольких экземпляров. Подобная картина наблюдается и в позднесарматских захоронениях. Единственное существенное отклонение от сарматских норм представляют довольно многочисленные находки наконечников копий. О причинах распростра-

нения на Верхнем Дону обычая класть в могилу копья речь пойдет ниже.

Снаряжение коня верхнедонских племен принадлежит типам, хорошо известным в сармато-аланском мире. Укажем, что удила здесь встречаются даже чаще, чем в позднесарматских погребениях — почти в каждом шестом захоронении. Весьма близок поздним сарматам набор украшений и предметов туалета, встреченный в верхнедонских могильниках. По-видимому, была сходна с позднесарматской и одежда этого населения, свидетельством чего являются массовые находки пряжек различных типов, а также серия сильно профилированных фибул, пользовавшихся особой популярностью у сарматов Волго-Донского междуречья II в. н. э.

С поздними сарматами сближает верхнедонское население и некоторое распространение среди него обычая искусственной деформации черепов. Погребения с деформированными черепами были открыты в кургане 6 Ново-Никольского и кургане 9 Вязовского могильников. Немногочисленность подобных находок скорее всего объясняется очень плохой сохранностью черепов. Удовлетворительно они сохранились лишь в шести верхнедонских захоронениях.

Наряду с позднесарматским компонентом в культуре населения Верхнего Дона обнаруживаются некоторые общие черты с культурой сарматов-гиппофагов. Наиболее отчетливо они прослеживаются в погребальном обряде. Традиции предшествующего времени проявляются в топографии и планировке могильников, в обычае возводить над могилой небольшую насыпь. По-прежнему, единственным типом погребальных сооружений этого региона остаются довольно широкие прямоугольные ямы, отличающиеся от длинных и узких ям, характерных для позднесарматских захоронений. Поза погребенных выдержана в традициях сарматской погребальной обрядности вплоть до присутствия небольшого числа погребений со скрещенными ногами и рукой, положенной на нижнюю часть живота. Как указывалось выше, эта ритуальная особенность была принесена в лесостепное Подонье сарматами в предшествующую эпоху. Наконец, прямая связь между населением лесостепного Подонья средне- и позднесарматского времени прослеживается по такому важному показателю, как состав и характер тризн и заупокойной пищи. В верхнедонских могильниках преобладают костные остатки лошадей, причем чаще всего в виде конских черепов в насыпях курганов. По-видимому, это население за-

нималось преимущественно скотоводством, причем здесь, так же как и в центральных районах лесостепи, решающая роль принадлежала лошади. Оно вело довольно подвижный образ жизни, о чем свидетельствует как выраженный «кочевнический» характер погребений, так и отсутствие на Верхнем Дону сколько-нибудь долговременных поселений позднесарматского времени. В настоящее время здесь начинают выявляться кратковременные стоянки типа обнаруженных в верховьях р. Красивая Меча. По нашему мнению, они отмечают маршрут сезонных передвижений одной из групп верхнедонских скотоводов.

Однако рассматривая вопрос о преемственности культуры населения лесостепного Подонья средне- и позднесарматского времени, нельзя не обратить внимания на явное ослабление и даже утрату в верхнедонских могильниках некоторых характерных черт сарматского погребального обряда. При захоронении лесостепных сарматов на р. Воронеж довольно часто применялся мел. В верхнедонских могильниках он использовался лишь спорадически. То же самое следует сказать и об известном сарматском обычае употребления зеркал, отмеченном только в трех погребениях Ново-Никольского могильника. В верхнедонских могильниках совершенно не встречаются пряслица, являющиеся непременным атрибутом женских сарматских захоронений. Наконец, ярким показателем утраты этим населением специфических сарматских черт является отказ от использования в погребениях курильниц. Выше уже отмечалось, что наличие последних в погребениях по краям сарматской ойкумены может рассматриваться как свидетельство их сарматской принадлежности. Исходя из этого положения, факт полного отсутствия курильниц в погребениях Ново-Никольского и Вязовского могильников нельзя объяснить, если настаивать на исключительно сарматской принадлежности населения Верхнего Дона II—III вв. н. э.

Сложность определения этнического облика этого населения заключается не только в том, что в его культуре отсутствуют некоторые важные признаки сарматского этноса. Сейчас в ней выявляется ряд черт, не обнаруживающих корней ни в позднесарматском мире, ни в культуре сарматов-гиппофагов. Причем существенно то, что наиболее ярко они проявляются в погребальном обряде. Самыми важными из них являются: 1) особый тип внутримогильных конструкций; 2) обряд сожжения; 3) ориентировка погребенных.

Впервые на эти черты обратил внимание еще В. П. Левенок⁴⁶. Он высказал мнение о славянской принадлежности захоронений с сожжениями и западной ориентировкой погребенных. В одной из заметок В. П. Левенок определил Ново-Никольский могильник как некрополь предков мордвы или боршевцев, использовавших привозные сарматские вещи⁴⁷. Однако это заключение противоречит археологическому материалу, так как верхнедонские могильники не обнаруживают какого-либо сходства с синхронными им славянскими памятниками и тем более с раннесредневековыми боршевскими могильниками. То же самое следует сказать и о высказывании Р. Ф. Ворониной о финно-угорском окружении населения, которому принадлежал Ново-Никольский могильник⁴⁸. Несмотря на территориальную близость последнего Рязано-Окским могильникам, специфических финно-угорских черт в нем обнаружить не удалось. В одной из первых наших статей верхнедонские могильники были включены в число сарматских памятников лесостепного Подонья⁴⁹. Здесь была допущена явная переоценка удельного веса сарматского компонента в культуре верхнедонского населения. Видимо, по этому же пути пошла и Р. Ф. Воронина, назвавшая в последней публикации Ново-Никольский могильник сарматским⁵⁰.

Ниже мы предлагаем иное решение вопроса об этнокультурной принадлежности верхнедонского населения. Оно основывается на изучении всего комплекса своеобразных черт погребального обряда и инвентаря верхнедонских могильников и выявлении их истоков. Наиболее оригинальным элементом их погребального обряда являются внутримогильные сооружения в виде обшивки стенок могилы деревом и деревянного настила на дне, лежащего на поперечных плахах. Корни этой традиции удалось найти в памятниках среднедонской культуры позднескифского времени. Остатки деревянных настилов и поперечных канавок зафиксированы в кургане 34 могильника «Частые курганы»⁵¹, в двух курганах у с. Русская Тростянка⁵² и в кургане 9 у с. Дуровка⁵³. От верхнедонских сооружений они отличаются только большими размерами, а иногда наличием коллективных захоронений. По-видимому, эти различия носят эпохальный характер, так как к рубежу нашей эры почти повсеместно наблюдается уменьшение размеров погребальных сооружений по сравнению с предшествующим временем и переход к индивидуальным захоронениям.

Обращение к памятникам среднедонской культуры позволяет обнаружить истоки других несарматских черт верхнедонских могильников. Среди них следует обратить внимание на биритуализм верхнедонского населения, проявившийся в сосуществовании обрядов ингумации и кремации. Наличие трупосожжений при господстве в целом обряда труположения характерно и для погребального обряда среднедонской культуры. По данным А. И. Пузиковой, они составляют около 10% среднедонских погребений⁵⁴. Причем и в скифское время здесь преобладали сожжения на месте, когда покойников сжигали вместе с погребальными сооружениями.

Возможно, как пережиток традиций скифского времени следует считать и такой элемент погребальной обрядности верхнедонских могильников, как сооружение вокруг погребений колец из глины. Последние рассматривались П. Д. Либеровым в качестве одного из отличительных признаков среднедонской культуры⁵⁵. Кроме колец в верхнедонских могильниках отмечены глиняные площадки округлой формы, перекрывающие могильные ямы. Представляется вполне вероятной трансформация колец из материкового выкида в глиняные площадки, вызванная уменьшением размеров насыпей курганов в сарматскую эпоху. По-видимому, и в среднедонских курганах скифского времени, и в верхнедонских могильниках II—III вв. н. э. сооружение глиняных колец и площадок было обусловлено одной и той же причиной — после совершения погребений ямы не засыпали, а закрывали перекрытием, вокруг которого или поверх которого укладывали глину, добытую при выкапывании могилы.

Не исключено, что и ориентировка погребенных в верхнедонских могильниках восходит к традициям среднедонской культуры. В позднескифское время население Среднего Дона ориентировало умерших головой преимущественно по двум противоположным сторонам — в юго-западный и северо-восточный сектора⁵⁶. Ту же картину мы наблюдаем на Верхнем Дону во II—III вв. н. э. Однако следует указать, что в скифское время доминирующим был юго-западный сектор ориентировок, хотя весьма значительной была и доля северо-восточного сектора. Причину резкого возрастания в верхнедонских могильниках доли последнего при соответствующем уменьшении здесь погребений с юго-западной ориентировкой в настоящее время указать невозможно. Отметим лишь, что широкое распространение на Верхнем Дону северо-

ро-восточной ориентировки вряд ли связано с влиянием позднесарматской погребальной обрядности. Здесь устойчивая северо-восточная ориентировка уже присутствует в целом ряде погребений первой половины II в. н. э., датированных сильно профилированными фибулами I варианта. Интересно, что в степном Волго-Донском междуречье сарматские погребения с подобными фибулами имеют еще по преимуществу южную ориентировку. Там северная ориентировка становится доминирующей лишь с конца II в. н. э.⁵⁷ Поэтому истоки интересующего нас явления скорее всего нужно искать вне тех процессов, которые происходили в сарматском мире II в. н. э.

В свете рассматриваемой культурной традиции получается логическое объяснение и обычай класть в могилу копыя. Как указывалось выше, он совершенно не характерен для сарматов. Зато в среднедонских погребениях скифского времени наконечники копий являются довольно частой находкой. Здесь они встречались в среднем в каждом шестом захоронении⁵⁸.

Наконец, сильные традиции среднедонской культуры сохраняются в керамике верхнедонских могильников. В отличие от керамики более южных районов, практически вся она лепная. Значительными сериями здесь представлены лишь три типа сосудов: горшки I типа и миски I и II типов. Два первых типа обнаруживают исключительную близость лепным сосудам Чертовичских могильников, а через них — керамике среднедонской культуры скифского времени. Однако если в Чертовичских могильниках эта керамика представлена довольно небольшой серией сосудов (17%), то на Верхнем Дону во II — середине III вв. н. э. они составляют основу керамического комплекса (63%). Лепные миски II типа являются местными дериватами нижнедонских круговых мисок. Они не несут какой-либо этнической нагрузки, но свидетельствуют об ориентации части верхнедонского населения на южные керамические образцы.

Таким образом, в верхнедонских могильниках выявляется целый ряд черт, обнаруживающих истоки в местной культурной традиции предшествующего времени. Появление одной из них в могильниках позднесарматского времени еще можно было бы объяснить конвергентностью развития разных по своему происхождению культур. Однако мы явно имеем дело не с одним, а с комплексом взаимосвязанных признаков, сформировавшихся на Среднем Дону

в позднескифское время и вновь проявивших себя через три столетия в верхнедонских могильниках. Разумеется, многое из погребальной обрядности и еще больше из вещевого комплекса лесостепных племен за это время было утрачено, многое трансформировалось почти до неузнаваемости. Сказать что-либо о том, как развивался этот процесс, невозможно, так как до настоящего времени на Верхнем Дону неизвестны погребальные памятники предшествующего времени. В верхнедонских могильниках скорее всего фиксируются лишь его результаты в виде сохранения только части элементов культуры автохтонного населения. Однако следует обратить внимание на то, что последние принадлежат наиболее устойчивым составляющим погребального обряда (способ захоронения, устройство могил) и вещевого комплекса (лепная керамика). На наш взгляд, они служат надежным основанием для постановки вопроса о генетической связи племен скифского времени и верхнедонского населения первых веков нашей эры.

Скорее всего именно этот местный компонент был этноопределяющим в культуре верхнедонского населения позднесарматского времени. Его появление на Верхнем Дону мы связываем с событиями II—I вв. до н. э., когда под воздействием нависшей сарматской угрозы часть среднедонских племен отступила в более северные районы. На рубеже нашей эры они вступили в контакт с сарматами, заселившими к этому времени центральные районы донской лесостепи. Начальный этап их связей документируют находки лепных горшков местного производства в Чертовицких могильниках и сарматской керамики в верхних слоях городищ на р. Воронеж. В результате этого взаимодействия в культуру населения Верхнего Дона начинают проникать элементы сарматской культуры в том ее варианте, носителями которой были лесостепные сарматы I — начала II вв. н. э.

Позднесарматская эпоха ознаменовалась новыми этническими сдвигами. В это время наблюдается периодическое проникновение отдельных групп кочевников-сарматов вглубь лесостепи, продолжавшееся вплоть до IV в. н. э. Возможно, с этими событиями связано прекращение в начале II в. н. э. использования I Чертовицкого могильника. В это время усиливается сарматизация верхнедонского населения, в культуре которого появляется ряд позднесарматских элементов. Она охватила не только область материальной культуры, но коснулась также некоторых обычаев (искусствен-

ная деформация черепа), а также отдельных элементов погребального обряда (скрещенные ноги, кисти рук на нижней части живота и т. п.). Не исключено, что одним из ее последствий было формирование и на Верхнем Дону подвижного типа скотоводческого хозяйства, основу которого составляло коневодство. Во всяком случае имеющийся к настоящему времени материал свидетельствует о довольно подвижном образе жизни верхнедонского населения и, видимо, об утрате им, скорее всего неполной, традиции прочной оседлости. Однако, несмотря на сильную сарматизацию, верхнедонским племенам удалось сохранить свое этническое своеобразие. Соотношение сарматских и местных элементов в погребальном обряде и лепной керамике со всей очевидностью показывает, что это были прямые потомки среднедонских племен позднескифского времени.

Дальнейшая судьба лесостепных сарматов и верхнедонского населения во многом остается неясной в силу практически полного отсутствия памятников второй половины III—IV вв. Очевидно одно — с середины III в. н. э. в лесостепном Подонье наблюдается резкое сокращение числа погребений, что скорее всего связано с уменьшением численности населения. По-видимому, и лесостепные сарматы, и верхнедонское население в той или иной мере разделили судьбу сарматских племен Волго-Донского междуречья. Как известно, с середины III в. н. э. в степном междуречье Волги и Дона также наблюдается резкое сокращение числа сарматских погребений. Его связывают с тем сильнеешим потрясением, которое пережил сарматский мир в результате вторжения в степи Приазовья-Подонья племен готского союза в конце 40-х гг. III в. н. э.⁵⁹ Под его давлением основная масса сарматского населения покинула степи Подонья и Северного Причерноморья, уйдя на восток за Волгу и на запад в Подунавье. Нарушение традиционных экономических и этнокультурных связей с сарматами Нижнего Подонья не могло не сказаться на судьбах не только лесостепных сарматов, но и верхнедонского населения. Были уничтожены важнейшие экономические и культурные центры Нижнего Подонья, что должно было изменить культурную, а может быть, и политическую ориентацию местных племен. Но пока это лишь гипотеза, основанная преимущественно на косвенных данных. Для ее фактического подкрепления необходимы новые археологические исследования.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции исторического процесса в лесостепном Подонье в сарматское время. Главной его особенностью было теснейшее взаимодействие пришлых степных кочевников-сарматов и автохтонного лесостепного населения. Присутствие различных групп сарматов фиксируется здесь со II в. до н. э. по IV в. н. э. Оно документируется наличием сарматских погребений и целых могильников в южных и центральных районах лесостепи. Видимо, с проникновением сарматов в лесостепь связано прекращение жизни на городищах среднедонской культуры. С начала нашей эры немногочисленные памятники лесостепного населения известны только на р. Воронеж и на Верхнем Дону. С этого времени начинает изменяться характер взаимодействия пришлого и автохтонного населения. Теперь отдельные группы сарматов постоянно пребывают в лесостепи. В результате изменений условий жизни наблюдаются новые черты в их хозяйстве и быте. В конечном итоге происходит обособление последних от основной массы своих степных соплеменников, нашедшее отражение в этнонимии (сарматы-гиппофаги).

С начала нашей эры сарматы играют доминирующую роль в истории лесостепного Подонья. В культурных контактах с лесостепными племенами они выступают как наиболее активное начало. Даже на Верхнем Дону наблюдается сильная сарматизация населения, затронувшая не только его материальную культуру, но и погребальный обряд. Среди верхнедонских племен распространяется позднесарматский обычай искусственной деформации черепов. Складывается впечатление, что они, сохранив свое этническое своеобразие, оказались культурно и политически инкорпорированными в сарматский мир. Как бы то ни было, в результате теснейшего взаимопроникновения сарматских и местных элементов во II—III вв. н. э. на Верхнем Дону складывается культурное новообразование, археологически представленное верхнедонскими могильниками.

Надо отметить, что прослеженный нами процесс не уникален. Все северные пограничные районы расселения сар-

матов фиксируют явление слитности сарматской и местных культур¹. В интересующее нас время кроме Подонья оно особенно ярко представлено в памятниках Башкирии типа Салиховского и II Ахмеровского могильников². Причем обращает на себя внимание явное сходство некоторых специфических черт обеих групп памятников, которые нельзя объяснить общим позднесарматским влиянием (мысовое расположение могильников, концентрация небольших насыпей на ограниченной площади, доминирующая северо-восточная ориентировка, преобладание мяса лошади в составе заупокойной пищи и т. п.). Близость столь удаленных памятников северной периферии сарматского мира делает необходимой дальнейшую разработку проблемы «Сарматы и лесостепь», но уже на более широком материале всех районов восточноевропейской лесостепи.

Введение

¹ См.: Садыкова М. Х. Сарматские памятники Башкирии // МИА. 1962. № 115. С. 242—273; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 6. Рис. 1.

² См.: Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 103—131.

³ См.: Археология Украинской ССР / Под ред. И. И. Артеменко. Киев, 1986. Т. 2. С. 190. Карта № 4.

⁴ См.: Там же. С. 196—196; 198—199; Симоненко А. В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 52—69.

⁵ См.: Сизов В. И. Скорняковские курганы Воронежской губ. Задонского уезда // Древности. 1888. Т. 12. С. 127.

⁶ См.: ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 94.

⁷ См.: Замятнин С. Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне — июле 1926 г. // Изв. Воронежск. краеведческого о-ва. Воронеж, 1925. С. 21.

⁸ См.: Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 363—366.

⁹ См.: Шоков А. Ф. К сарматским памятникам на Дону // Изв. ВГПИ. 1958. № 26. С. 189—194.

¹⁰ См.: Шоков А. Ф. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона // Тр. ВОКМ. 1960. Вып. 1. С. 149—152. Рис. 1.

¹¹ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 86—93.

¹² См.: Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА АН СССР. 1982. № 170. С. 87—89.

¹³ См.: Синюк А. Т. Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983. С. 91—111.

¹⁴ См.: Матвеев Ю. П., Медведев А. П. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 124—144.

¹⁵ См.: Корнюшин Г. И. Сарматский меч из Воронежской области // СА. 1961. № 2; Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // Там же.

¹⁶ См.: Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье. С. 103—132.

¹⁷ См.: Медведев А. П., Разуваев Ю. Д. Хронология погребений I Чертовичского могильника // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983. С. 128—137.

¹⁸ См.: Медведев А. П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевро-

пейской лесостепи. Воронеж, 1987; Он же. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1983. С. 76—86.

¹⁹ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31; Он же. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151; Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // Там же.

²⁰ См.: Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971 // Архив ИА АН СССР. Р—2, № 2088.

²¹ См.: Мильков Ф. Н. Лесостепь Русской равнины. М., 1950; Он же. Ландшафтные районы Центральных черноземных областей // Тр. ВГУ. 1957. Т. 37. Карта на с. 44.

Глава I

¹ См.: Шоков А. Ф. К сарматским памятникам на Дону // Изв. ВГПИ. 1958. № 26.

² См.: Матвеев Ю. П., Медведев А. П. Курганы у с. Караяшик Воронежской области // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 124—144. Рис. 1; Матвеев Ю. П., Тихонов Б. Г. Исследование могильника у с. Караяшик // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 52.

³ См.: Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции в 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 2258. С. 77—78; Сянюк А. Т. Сасовские курганы на р. Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983. С. 91—111.

⁴ См.: Пряхин А. Д. Отчет раннего отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 3051, С. 11.

⁵ См.: Матвеев Ю. П. Отчет о раскопках курганов в Бобровском, Эртильском и Семилукском районах Воронежской области в 1984 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 21.

⁶ См.: Пряхин А. Д. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета за 1979 год об изучении памятников эпохи бронзы // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 6980. С. 26. Рис. 56, 58.

⁷ См.: Москаленко А. Н. Отчет об археологических разведках на территории Воронежской области за 1949 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 326. С. 11—12.

⁸ См.: Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 363—366; Шоков А. Ф. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона // Тр. ВОКМ. Вып. 1. С. 149—156.

⁹ См.: Замятнин С. Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне — июле 1925 г. // Изв. Воронежск. краеведческого о-ва. Воронеж, 1925. С. 21.

¹⁰ См.: Погорелов В. И. Отчет к открытому листу № 48 об археологических исследованиях Толучеевского отряда в 1983 г. // Архив Музея археологии ВГПИ. С. 36—37.

¹¹ См.: Корнюшин Г. И. Курган у с. Левашовка // МИА. 1969. № 151. С. 105—107.

¹² См.: Корнюшин Г. И. Курган эпохи поздней бронзы у с. Ста-

рая Тойда Воронежской области // КСИА АН СССР. 1971. № 127. С. 84. Рис. 33, 2.

¹³ См.: Синюк А. Т. Отчет о раскопках стоянки Монастырской 1 в 1982 г. // Архив Музея археологии ВГПИ.

¹⁴ См.: Матвеев Ю. П. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета о раскопках курганного могильника «Шишовка» Бобровского района Воронежской области за 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7067. С. 7.

¹⁵ Находки хранятся в ВОКМ, инв. № 7002/а-19.

¹⁶ См.: Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988. С. 43—45.

¹⁷ См.: Волков Д. А. Отчет о раскопках кургана у с. Каширское // Архив ВОКМ. С. 3.

¹⁸ См.: Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241—245.

¹⁹ См.: Матвеев Ю. П. Отчет к открытому листу № 19 о раскопках в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6922. С. 17.

²⁰ См.: Пузикова А. И. Работы Курской экспедиции // АО 1985 года. М., 1987. С. 95—96.

²¹ См.: Сизов В. И. Скорняковские курганы Воронежской губ. Задонского уезда // Древности. 1888. Т. 12. С. 127.

²² См.: Белгородский край в истории СССР / Под ред. М. И. Карагодина. Воронеж, 1982. С. 7.

²³ См.: Корнюшин Г. И. Сарматский меч из Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 246—247.

²⁴ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д1—10. С. 62, 64.

²⁵ См.: Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 75—76. Рис. 29, 2—3.

²⁶ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 26. Табл. 6, 32.

²⁷ См.: Там же. С. 24—25. Табл. 6, 37; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 171.

²⁸ См.: Пузикова А. И. Работы Курской экспедиции. С. 96.

²⁹ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 15.

³⁰ См.: Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области. С. 246.

³¹ См.: Гущина И. И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 50.

³² См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31. С. 31; Он же. Древняя история населения Подонья. С. 207.

³³ См.: Raev V. A. Roman Imports in the Lower Don Basin // Oxford, 1986, P. 87.

³⁴ См.: Op. cit. P. 88.

³⁵ См.: Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья. С. 208—209.

³⁶ См.: Там же.

³⁷ См.: Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 78. Табл. XV, 7.

³⁸ См.: Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. С. 46. Табл. 19, 185.

- ³⁹ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. С. 8.
- ⁴⁰ См.: Скрипкин А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). М., 1987. С. 231.
- ⁴¹ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1—12. С. 70, Табл. 15, 40.
- ⁴² См.: Там же. С. 33—34. Табл. 5, 26.
- ⁴³ См.: Там же. С. 33. Табл. 5, 22.
- ⁴⁴ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1—12. С. 40. Табл. 49—77.
- ⁴⁵ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 113.
- ⁴⁶ См.: Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98. С. 65; Раев Б. А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III вв. н. э. на Нижнем Дону: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. С. 95.
- ⁴⁷ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. С. 13—14. Табл. 38, 2.
- ⁴⁸ См.: Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1—30. С. 43.
- ⁴⁹ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 55. Рис. 10, 3.
- ⁵⁰ См.: Скрипкин А. С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 80.
- ⁵¹ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья. Табл. 1.
- ⁵² См.: Дашевская О. Д. О скифских курильницах // СА. 1980. № 1. С. 23. Рис. 5, 1.
- ⁵³ См.: Скрипкин А. С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. С. 80, 83.

Глава II

- ¹ См.: Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 104—117; Он же. Сарматское погребение близ Воронежа // СА. 1981. № 4. С. 253—260; Медведев А. П., Прихин А. Д. I Чертовичский могильник (по раскопкам 1978 г.) // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983. С. 101—128.
- ² См.: Медведев А. П., Разуваев Ю. Д. Хронология погребений I Чертовичского могильника // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. С. 128—137.
- ³ См.: Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. С. 320.
- ⁴ См.: Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э. — IV в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1945. С. 244, 248.
- ⁵ По данным А. С. Скрипкина, аналогичная картина наблюдается в степном Волго-Донском междуречье (см.: Скрипкин А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Суздаль, 1987. С. 231).

- ⁶ См.: Motyková-Sneidrová K. Die Anfänge der römischen Kaiserzeit im Böhmen // *Museum Nationale Pragae: Fontes Archaeologici Pragenses*. Pragae, 1963. Bd. 6. S. 80. Beilage 3, 57—58, 62.
- ⁷ См.: Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // *МИА*. 1961. № 98. С. 63; Раев Б. А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III веков н. э. на Нижнем Дону: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. С. 95.
- ⁸ См.: Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // *Очерки технологии древних производств*. М., 1975. С. 122.
- ⁹ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // *СА*. 1977. № 2. С. 113.
- ¹⁰ См. Арсеньева Т. М. Могильник у деревни Ново-Отрадное // *МИА*. 1970. № 155. С. 136.
- ¹¹ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ*. М., 1982. Вып. Г1—12. С. 38.
- ¹² См.: Виноградов В. Б., Петренко В. А. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // *КСИА АН СССР*. 1977. № 148. С. 48.
- ¹³ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ*. М., 1978. Вып. Г1—12. С. 18, 56—57.
- ¹⁴ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // *САИ*. М., 1966. Вып. Д1—30. С. 49.
- ¹⁵ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ*. М., 1975. Вып. Г1—12. С. 42.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 44—45.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 33, 46.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 43.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 40—41.
- ²⁰ См.: Медведев А. П. Сарматское погребение близ Воронежа. С. 259. Рис. 4.
- ²¹ См.: Раев Б. А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати... С. 98.
- ²² См.: Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // *САИ*. М., 1970. Вып. Д1—27. С. 100.
- ²³ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 91.
- ²⁴ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 24.
- ²⁵ См.: Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья. С. 121.
- ²⁶ См.: Kņipowitsch T. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage // *Materialen zur römisch-germanischen Keramik*. Frankfurt a/M., 1929, 4. S. 42.
- ²⁷ См.: Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975. С. 90—91.
- ²⁸ См.: Медведев А. П. О новом типе сарматских курганов // *Древние памятники на территории Восточной Европы*. Воронеж, 1983. С. 144—151.
- ²⁹ См.: Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья. С. 123.
- ³⁰ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 72.

- ⁴¹ См.: Там же. 1975. С. 34.
- ⁴² См.: Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 26.
- ⁴³ См.: Там же. С. 43.
- ⁴⁴ См.: Алексеева Е. А. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 12.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 69.
- ⁴⁶ См.: Винников А. З. Отчет о раскопках Животинного городища в 1982 г. // Архив Музея археологии ВГУ; Он же. Отчет ... за 1983 г.; Он же. Отчет ... за 1984; Он же. Отчет ... за 1985 г.
- ⁴⁷ См.: Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 317.
- ⁴⁸ См.: Смирнов К. Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. 1948. № 22. С. 86.
- ⁴⁹ См.: Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 162. Табл. IX, 1.
- ⁵⁰ См.: Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 102; Геннинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. // КСИА АН СССР. 1979. № 151. С. 98.
- ⁵¹ См.: Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1972. № 3. С. 113.
- ⁵² См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 54.
- ⁵³ См.: Там же. С. 39, 58.
- ⁵⁴ См.: Медведев А. П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7447. С. 34—35; Он же. Отчет... за 1985 г. С. 30—32.
- ⁵⁵ См.: Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 150—156: Табл. XII, 1—2, 11, 13.
- ⁵⁶ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. С. 30. Рис. 11, 1, 4—6.
- ⁵⁷ См.: Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972. С. 75. Рис. 35, 1.
- ⁵⁸ См.: Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. М., 1967. Вып. Д1—4. Табл. 9, 2, 6, 9, 12.
- ⁵⁹ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31. Табл. 10, 21.
- ⁶⁰ См.: Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 16. Табл. II, 12.
- ⁶¹ См.: Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища // СА. 1980. № 3. Рис. 1, 9.
- ⁶² См.: Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. С. 18. Табл. II, 20.
- ⁶³ См.: Там же.
- ⁶⁴ См.: Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 193. Рис. 15, 7; 16, 2; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 500, 504. Рис. 63, 1.
- ⁶⁵ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. С. 25. Рис. 3, 1, 4.

- ⁵⁶ См.: Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 317.
- ⁵⁷ См.: ОАК за 1902 г. СПб., 1905. С. 80—81. Рис. 174. Хранится в ГИМе, инв. № 48478.
- ⁵⁸ См.: Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. С. 196. Рис. 17, 1; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. С. 500. Рис. 63, 1; Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78. Рис. 11. 5; 21, 4; 29, 5; 39, 2.
- ⁵⁹ См.: Синицын И. В. Ровненский курганный могильник // КСИА АН СССР. 1961. № 84. Рис. 35, 5; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана. С. 112. Рис. 44, 2; Вязьмитина М. I., Гллінська В. А. и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радюгоспу «Аккермень» // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 8. С. 133. Рис. 96, 2.
- ⁶⁰ См.: Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151. Рис. 7, 7; 9, 8.
- ⁶¹ См.: Медведев А. П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 103—104.
- ⁶² См.: Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.) // МИА. 1959. № 60. Рис. 18, 3; 30а, 17; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. С. 443. Рис. 45, 1, 4; 53, 10; Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д., 1983. С. 76. Рис. 46, 5—6.
- ⁶³ См.: Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. С. 100. Рис. 30а, 8; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. С. 480. Рис. 54, 13.
- ⁶⁴ См.: Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 167; Гущина И. И. О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. 1967. № 1. С. 47. Рис. 2, 9, 10.
- ⁶⁵ См.: Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики. С. 167. Рис. 3, VIII.
- ⁶⁶ См.: Там же. С. 167.
- ⁶⁷ См.: Лагоцкий К. С. Отчет о раскопках первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 5240. С. 37. Рис. 90.
- ⁶⁸ См.: Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 261.
- ⁶⁹ См.: Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. С. 119. Рис. 59, 13.
- ⁷⁰ См.: Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. С. 320.
- ⁷¹ См.: Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 164.
- ⁷² См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 49.
- ⁷³ См.: Там же. С. 43. Табл. 5, 6.
- ⁷⁴ См.: Там же. С. 26.
- ⁷⁵ См.: Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987. Рис. 16, 4.
- ⁷⁶ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. С. 54.

⁷⁷ См.: Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. С. 102.

⁷⁸ См.: Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. С. 26. Рис. 6, 46; Степанов П. Д. Андреевский курган. Саранск, 1980. С. 40. Табл. 46, 46.

⁷⁹ См.: Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 145. Табл. XXXV, 12; Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. С. 26. Рис. 3, 17; Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. С. 133. Рис. 66, 7; Махнева О. А. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя Скифского // Зап. Одесск. археолог. о-ва. Одесса, 1967. Т. 35. С. 194. Рис. 3, 15; Степанов П. Д. Андреевский курган. С. 40. Табл. 29, 6; 37, 14.

⁸⁰ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д1—10. С. 42. Табл. 28, 6; Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья. С. 119. Табл. 1.

⁸¹ См.: Симонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. С. 64. Табл. XXIII, 22.

⁸² См.: Савовський І. П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. Київ, 1977. № 23. С. 66.

⁸³ См.: Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 27. Рис. 23—24.

⁸⁴ См.: Дашевская О. Д. Два склепа Беляусского могильника // КСИА АН СССР. 1969. № 119. Рис. 33, 6.

⁸⁵ См.: Копылов В. П. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 7283. С. 90.

⁸⁶ См.: Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. С. 201.

⁸⁷ См.: Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. С. 78.

⁸⁸ См.: Вязьмитина М. И., Іллінська В. А. і др. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радогоспу «Аккермень». С. 71. Рис. 57, 1; Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. С. 152—153; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975. Рис. 3, 14, 19.

⁸⁹ См.: Махно Є. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яниці // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 9. С. 29—30. Рис. 12, 12; Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. С. 153—155.

⁹⁰ См.: Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. Табл. XXXV, 5; Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. С. 144. Табл. XXIX, 2; XXXI, 2.

⁹¹ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975; Она же. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978; Она же. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982.

⁹² См.: Лагоцкий К. С. Отчет о работах первого Маньчжского отряда. С. 30.

⁹³ См.: Смирнов К. Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. 1948. № 22. С. 84. Рис. 29; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 69. Рис. 18; Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. С. 59.

⁹⁴ См.: Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня // МИА. 1969. № 169; Мошкова М. Г. Культурные сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 196—201.

⁹⁶ См.: Фокеев М. М. Тилы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 159; рисунок на с. 158.

⁹⁷ См.: Марке К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 105.

Глава III

¹ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 86—93; Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // Там же. 1982. № 170. С. 87—89.

² См.: Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 121—123.

³ См.: ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 94.

⁴ Там же.

⁵ См.: Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151. С. 64.

⁶ См.: Древности Астраханского края // Тр. Поволжской археологической экспедиции. 1977. Вып. 4. Рис. 58, 2; 60, 1; 74, 2.

⁷ См.: Рыков П. С. Суловский курганный могильник // Учен. зап. СГУ. 1925. Т. 4. Вып. 3. Рис. 34; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 478. Рис. 53, 10.

⁸ См.: Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э. — IV в. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1945. С. 267; Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31. Табл. 15, 14—17.

⁹ См.: Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское. С. 88. Рис. 13.

¹⁰ См.: Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 17.

¹¹ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Табл. 18, 4.

¹² См.: ГИМ, инв. № 48478.

¹³ См.: Там же. Инв. № 42380—82.

¹⁴ См.: Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. Рис. 60, 9.

¹⁵ См.: Зубарь В. М., Симоненко А. В. О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья // Вооруженные скифы и сарматы. Киев, 1984. С. 151.

¹⁶ См.: Смирнов К. Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. 1953. Вып. 11. С. 40.

¹⁷ См.: Воронина Р. Ф. Указ. соч. С. 88. Рис. 4.

¹⁸ См.: Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 188. Рис. 2, 10—11.

¹⁹ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1—30. С. 36. Табл. 7, 4.

²⁰ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 109—110.

²¹ См.: Там же. С. 111.

²² См.: Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 95—96.

²³ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 43. Табл. 5, 6—7.

²⁴ См.: Там же. С. 44.

²⁵ См.: Матвеева Г. И. Исследование средневековых памятников на Самарской луке // АО 1980 года. М., 1981. С. 141.

²⁶ См.: Генинг В. Ф. Азелинская культура. Ижевск, 1963. С. 48. Табл. 1, 11.

²⁷ См.: Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения... С. 284.

²⁸ См.: Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972. С. 26. Рис. 6, 46.

²⁹ См.: Степанов П. Д. Андреевский курган. Саранск, 1980. С. 40. Табл. 46, 46.

³⁰ См.: Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. Рис. 32, 12; Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Вып. 2. Табл. VI, 2; Степанов П. Д. Андреевский курган. Табл. 46, 45; Вязьмитина М. И. Золото-балковский могильник. Киев, 1972. С. 134. Рис. 66, 6.

³¹ См.: Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982. С. 105. Рис. 71, 1—3.

³² См.: Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа в первые века нашей эры // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974. С. 5. Рис. 1, 10—11.

³³ См.: Синицын И. В., Эрдниева У. А. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966. С. 62, Табл. 17, 2.

³⁴ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник... Рис. 37, 1—2.

³⁵ См.: Скрипкина А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 34, 45—46.

³⁶ См.: Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 140—141.

³⁷ См.: Левенок В. П. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1963 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 2812. С. 25. Рис. 55.

³⁸ См.: Там же. С. 29.

³⁹ См.: Медведев А. П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета по исследованию памятников сарматского времени в 1981 г. // Архив музея археологии ВГУ. С. 21.

⁴⁰ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник... С. 93.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: Воронина Р. Ф. Указ. соч. С. 87.

⁴³ См.: Левенок В. П. Отчет о полевых работах... в 1963 г. С. 31.

⁴⁴ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник... С. 92. Рис. 35, 2.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ См.: Там же. С. 93.

⁴⁷ См.: Смирнов К. Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 156—157.

⁴⁸ См.: Там же. С. 157.

⁴⁹ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник... С. 93.

- ⁵⁰ См.: Воронина Р. Ф. Указ. соч. С. 89.
⁵¹ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья. С. 113.
⁵² См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 44.
⁵³ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы... 1978. С. 12. Табл. 20, 12—13.
⁵⁴ См.: Смирнов К. Ф. Северский курган. С. 40.
⁵⁵ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 43.
⁵⁶ См.: Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. С. 17, 20.
⁵⁷ См.: Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хут. Арпачин // СА. 1979. № 1. С. 262.
⁵⁸ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. С. 50—51.
⁵⁹ См.: Алексеева Е. М. Античные бусы... С. 70.
⁶⁰ См.: Бабенчиков В. Г. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 125. Табл. IV, 15; Гушина И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА АН СССР. 1970. № 124. Рис. 15, 6; Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения... С. 190.
⁶¹ См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. С. 36.

Глава IV

- ¹ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31. С. 8—9; Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151. С. 41—47.
² См.: Либеров П. Д. Указ. соч. С. 31; Пузикова А. И. Указ. соч. С. 66.
³ См.: Либеров П. Д. Указ. соч. С. 10. Табл. 5, 2.
⁴ См.: Пузикова А. И. Указ. соч. С. 79.
⁵ Хранятся в фондах музея археологии ВГУ.
⁶ См.: Мошкова М. Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лошенной керамики // КСИА АН СССР. 1980. № 162. С. 50.
⁷ См.: Москаленко А. Н., Пряхин А. Д. Поселения раннего железного века у хут. Титчиха // МИА. 1969. № 151. С. 96—104.
⁸ См.: Либеров П. Д. Указ. соч. С. 30.
⁹ См.: Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Денисенко Г. Ф. Шелавские стоянки на Среднем Осколе // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3. С. 162—163.
¹⁰ См.: Пряхин А. Д. Отчет об исследовании Мосоловского поселения в 1981 г. Воронеж, 1982 // Архив Музея археологии ВГУ. С. 14.
¹¹ См.: Пряхин А. Д. Поселение абашевской культуры и раннего железного века Чижовское 2 под г. Воронежем // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972. Вып. 4. С. 192. Рис. 4.
¹² См.: Медведев А. П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по исследованию памятников раннего железного века в 1984 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 7.
¹³ См.: Винников А. З. Отчет о раскопках Животинного городища в 1982 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 50—51.
¹⁴ См.: Винников А. З. Отчет об исследовании городища Ивницы в 1981 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 8.
¹⁵ См.: Медведев А. П. Отчет отряда археологической экспеди-

нии Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века в 1985 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 8—9.

¹⁰ См.: Беседин В. И. Отчет об исследованиях городищ у с. Сенное и хут. Аверино в 1982 г. // Архив Музея археологии ВГУ. С. 6.

¹⁷ См.: Анфимов И. Н. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станции Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. Табл. 8, 14.

¹⁸ См.: Медведев А. П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета по исследованию памятников раннего железного века в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 7806. С. 40—42.

¹⁹ См.: Левенок В. П. Отчет о полевых работах Верхнедонской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 2552. С. 18.

²⁰ См.: Разуваев Ю. Д. Отчет археологической экспедиции Ефремовского краеведческого музея об исследованиях в бассейне р. Красная Меча в 1982 г. // Архив Музея археологии ВГУ; Он же. Отчет... за 1983 г.; Он же. Отчет... за 1984 г.

²¹ См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 143. С. 13—19.

²² См.: Там же. С. 181.

Глава V

¹ См.: Либеров П. Д. Древняя история населения Подоонья: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971 // Архив ИА АН СССР. Р—2, № 2088. Т. 2. С. 612—616.

² См.: Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. 1971. № 177. С. 191, 194—195.

³ См.: Костенко В. И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4. С. 199.

⁴ См.: Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 14—17.

⁵ См.: Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 114.

⁶ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1—31. С. 31.

⁷ См.: Пузикова А. И. Культура оседлых племен правобережья Среднего Дона в скифское время: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971 // Архив ИА АН СССР. Р—2, № 2087. С. 89.

⁸ См.: Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60. С. 318.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д1—10. С. 22.

¹¹ См.: Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 92—93.

¹² См.: Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 105; Смирнов К. Ф. Савроматы. С. 94—95.

¹³ См.: Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 166.

¹⁴ См.: Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. С. 105; Смирнов К. Ф. Савроматы. С. 103, 249.

- ¹⁵ См.: Шоков А. Ф. Фрагменты сарматского блюда и фалара с берегов Дона // Тр. ВОКМ. 1960. Вып. 1. С. 150—151. Рис. 2.
- ¹⁶ См.: Медведев А. П. Погребение воина в I Чертовницком могильнике // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 126—128.
- ¹⁷ См.: Дискуссионные проблемы отечественной скифологии (выступление А. И. Мелюковой) // НАА. 1981. № 5. С. 124.
- ¹⁸ См.: Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 324. Рис. 1; Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // МИА. 1960. № 78. С. 11. Рис. 1.
- ¹⁹ См.: Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975. С. 65, 108; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 200.
- ²⁰ См.: Геродот. История. IV, 127.
- ²¹ См.: Хазанов А. М., Черненко Е. В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. 1979. № 30. С. 25; Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 60—61.
- ²² См.: Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. № 3. С. 50.
- ²³ См.: Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965 // Архив ИА АН СССР. Р—2, № 1934. Ч. 1. С. 311—314.
- ²⁴ См.: Витт В. О. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М., 1937. С. 14—15.
- ²⁵ См.: Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. С. 50.
- ²⁶ См.: Там же.
- ²⁷ См.: Шилов В. П. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху энеолита и ранней бронзы // СА. 1975. № 1. С. 6—15.
- ²⁸ См.: Мильков Ф. Н. Лесостель Русской равнины. М., 1950. С. 217—218.
- ²⁹ См.: Плетнева С. А. Кочевники средневековья. С. 37.
- ³⁰ См.: Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 113—160.
- ³¹ См.: Цалкин В. И. Древнейшее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135. С. 93.
- ³² См.: Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. М., 1947. С. 382.
- ³³ См.: Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. С. 126—128. Табл. 5.
- ³⁴ См.: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 24.
- ³⁵ См.: Marinus von Tyros // PWRE. Hbl. XXVIII. Stuttgart, 1930. S. 1767—1768.
- ³⁶ См.: Op. cit. S. 1768.
- ³⁷ См.: Mülenhoff K. Über das Sarmatien d. Ptol // Deutsche Altertumskunde. 1866. III. S. 91—100.
- ³⁸ См.: Браун Ф. Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб., 1899. С. IV.
- ³⁹ См.: Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н. Городище Рудь-Мегоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4; Зу-

Барев В. Г., Масленников А. А. Историческая география Европейского Босфора по Клавдию Птолею //СА. 1987. № 3.

⁴⁰ Мы исходим из традиционного отождествления Танаиса и Дона (см.: Медведев А. П. К вопросу об идентификации р. Танаис // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж, 1989).

⁴¹ См.: Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 2. С. 47. Карта II.

⁴² См.: Кулаковский Ю. Европейская Сарматия по Птолею. Киев, 1899.

⁴³ См.: Всемирная история. М., 1956. Т. 2. С. 698.

⁴⁴ См.: Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («скиммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 90—92.

⁴⁵ См.: Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 122.

⁴⁶ См.: Левенок В. П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА АН СССР. 1973. № 133. С. 93.

⁴⁷ См.: Левенок В. П. Работы в бассейне Верхнего Дона // АО 1965 года. М., 1966. С. 150—151.

⁴⁸ См.: Воронина Р. Ф. Памятники раннего железного века в Липецкой области // АО 1971 года. М., 1972. С. 86.

⁴⁹ См.: Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 120—121.

⁵⁰ См.: Воронина Р. Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА АН СССР. 1982. № 170. С. 89.

⁵¹ См.: Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда Донской экспедиции ИИМК АН СССР за 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1275. С. 15. Табл. XXXVI.

⁵² См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 13. Табл. 1, 12, 13.

⁵³ См.: Пузикова А. И. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровки в 1965 г. // МИА. 1969. № 151. С. 88. Рис. 1.

⁵⁴ См.: Пузикова А. И. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время. С. 96.

⁵⁵ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 12.

⁵⁶ См.: Там же. С. 13. Табл. II.

⁵⁷ См.: Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 111. Табл. II.

⁵⁸ См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 17. Табл. VI.

⁵⁹ См.: Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 107—109.

З а к л ю ч е н и е

¹ См.: Мошкова М. Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 31.

² См.: Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в середине I тыс. н. э. // СА. 1958. 4; Васюткин С. М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР.
ВГПИ — Воронежский государственный педагогический институт.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВОКМ — Воронежский областной краеведческий музей.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
ЛО ИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА — Народы Азии и Африки.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
PWRE — Pauly, Wissowa, Kroll Real — Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Памятники Среднего Дона</i>	7
1. Курганный могильник у с. Караяшник Ольховатского района Воронежской области	7
2. Курганный могильник у хут. Сасовка Репьевского района Воронежской области	11
3. Впускные захоронения	14
<i>Глава II. Могильники на реке Воронеж</i>	29
1. I Чертовицкий могильник	29
2. II Чертовицкий могильник	63
3. Животинный могильник	73
4. Писаревский могильник	77
5. Вещевой комплекс	79
6. Погребальный обряд	93
<i>Глава III. Верхнедонские могильники</i>	103
1. Ново-Никольский могильник	103
2. Вязовский могильник	121
3. Вещевой комплекс	148
4. Погребальный обряд	156
5. Хронология	165
<i>Глава IV. Поселения сарматского времени</i>	168
<i>Глава V. Сарматы и автохтонное население Подонья II в. до н. э. — IV в. н. э.</i>	181
Заключение	202
Библиографические ссылки и примечания	204
Список принятых сокращений	219

Александр Павлович Медведев

САРМАТЫ И ЛЕСОСТЕПЬ

(по материалам Подонья)

Редактор В. А. Муконина. Обложка А. А. Кобченко. Художественный редактор А. Б. Козлов. Технический редактор О. В. Нагаева. Корректоры Я. В. Панкратова, Л. Е. Болдырева

ИБ № 1850. Сдано в набор 11.01.90. Подп. в печ. 19.09.90. Форм. бум. 60 x 84/16. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 12,8. Усл. кр.-отт. 13,0. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1000. Заказ 667. Цена 2 р.

Издательство Воронежского университета
394000. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ
394000. Воронеж, ул. Пушкинская, 3